

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Н.Я.ГУЩИН

**«РАСКУЛАЧИВАНИЕ»
В СИБИРИ**

(1928-1934 ГГ.):

**МЕТОДЫ, ЭТАПЫ, СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ**

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор,
чл.-корр. РАН Л.М.Горюшкин.
Монографию к публикации подготовил
кандидат исторических наук В.А.Ильиных

Новосибирск 1996

ББК 63.3.(2)714

Г98

Утверждено к печати Институтом истории СО РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук И.С.Кузнецов

кандидат исторических наук А.А.Николаев

Г98 Гущин Н.Я.

«Раскулачивание» в Сибири (1928-1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, ЭКОР, 1996, 160 с.

В монографии описывается история «ликвидации кулачества как класса» в Сибири. Особое внимание уделяется автором рассмотрению проблем расслоения сибирской деревни, социальной природы и экономических позиций предпринимательских слоев крестьянства, основным этапам и методам раскулачивания, его социально-экономическим и демографическим последствиям. Книга написана преимущественно на ранее неопубликованных и впервые вводимых в научный оборот источниках.

Монография рассчитана как на профессиональных историков, так и на всех интересующихся историей сибирской деревни.

ISBN - 585618 - 082 - 8 © Гущин Н.Я., 1996

© ЭКОР, 1996

ОТ РЕДАКТОРА

Автором монографии, предлагаемой вниманию читателей, является недавно ушедший из жизни талантливый ученый и педагог, известный специалист по аграрной истории России советского периода Николай Яковлевич Гуцин. Интерес Н.Я.Гуцина к истории проявился уже в средней школе, что и определило его профессиональную и научную ориентацию на всю жизнь. С 1946 по 1951 г. он учился на историческом факультете Ленинградского государственного университета, в 1954 г. окончил аспирантуру при кафедре общественных наук ЛГУ и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Новая экономическая политика и ее значение в построении социализма».

С 1954 г. Н.Я.Гуцина избрали доцентом Новосибирского электротехнического института связи, в 1960 г. он перешел во вновь открывшийся вуз — Новосибирский государственный университет, где работал доцентом, а с 1962 г. — заведующим кафедрой истории КПСС. С декабря 1963 г. Н.Я.Гуцин — в отделе гуманитарных исследований Института экономики СО АН СССР, впоследствии преобразованном в самостоятельный Институт истории, филологии и философии. Здесь он занимал должность старшего научного сотрудника, а с 1970 г. — заведующего сектором истории крестьянства и сельского хозяйства. В мае того же года Н.Я.Гуцин успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926-1937 гг.»

Прирожденный оратор и педагог, он прекрасно сочетал научную деятельность с преподавательской. Долгие годы Николай Яковлевич трудился по совместительству на гуманитарном факультете НГУ: с 1964 по 1970 г.

доцентом кафедры истории СССР, а с 1970 по 1985 г. - заведующим и профессором этой же кафедры. Под руководством Н.Я.Гущина более 30 аспирантов, соискателей и докторантов успешно защитили кандидатские и докторские диссертации.

Но прежде всего Н.Я.Гущин был ученым, осуществлявшим большую и плодотворную научно-исследовательскую работу, им опубликовано около 300 работ, в том числе 10 монографий. Актуальные по проблематике, работы выполнены на высоком научном уровне. Многие из них написаны на общесоюзном материале, носят историографический и методологический характер. Труды Н.Я.Гущина получили высокую оценку в отечественной и зарубежной историографии.

Н.Я.Гущин вел большую научно-организационную деятельность. Под его руководством сектор истории крестьянства координировал научные исследования по истории сибирской деревни советского периода, проводимые в научных учреждениях и вузах региона. Он был членом редколлегии и автором разделов по истории крестьянства и сельского хозяйства IV тома «Истории Сибири» - пятитомного издания, удостоенного в 1974 г. Государственной премии СССР, заместителем главного редактора пятитомного фундаментального труда «История крестьянства Сибири». Являясь ответственным редактором трех его последних томов и возглавляя их подготовку, он сам написал большинство разделов.

В 90-е гг. параллельно с аграрной тематикой Н.Я.Гущин плодотворно разрабатывает проблемы исторической демографии, которые нашли отражение в его статьях и выступлениях на конференциях. Эти вопросы находятся в центре внимания разработанной под его руководством программы «Формирование и развитие населения Сибири в XX веке: катаклизмы и де-

терминанты процесса воспроизводства и колонизации», поддержанной Российским гуманитарным научным фондом. Творческие замыслы, заложенные в этой программе, Н.Я.Гуцин рассчитывал осуществить в течение трех лет. Он был полон научными идеями, проектами, планами. На его столе остались недописанными задуманные им рукописи. Среди них была и незавершенная рукопись монографии «Раскулачивание» в Сибири. (1928-1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия». Высоко оценивая вклад Николая Яковлевича в развитие отечественной историографии, Ученый совет и дирекция Института истории СО РАН приняли решение провести ряд мероприятий, посвященных его памяти. Среди них - издание вышеуказанной монографии. Работа по подготовке ее публикации была поручена его ученику, заменившему Николая Яковлевича в должности заведующего сектором аграрной истории, кандидату исторических наук Ильиных В.А.

Л.М.Горюшкин
член-корреспондент РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная монография задумывалась Н.Я.Гущиным как важная составная часть научно-исследовательского проекта «Формирование и развитие населения Сибири в XX веке: катаклизмы и детерминанты процесса воспроизводства и колонизации», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом*. Она должна была иметь следующую внутреннюю структуру:

Введение.

I глава. Социальное расслоение сибирской деревни в условиях нэпа. Социальная природа и экономические позиции крупного крестьянина — «кулака».

II глава. Государственная политика наступления на «кулака» в 1928—1929 гг., ее социальные и экономические последствия.

III глава. Переход к массовой коллективизации и политике «ликвидации кулачества как класса». Конец 1929—1930 г.

IV глава. «Раскулачивание» в 1931—1934 гг.

V глава. Спецпереселенцы-«кулаки»: организация комендатур, правовое положение, хозяйственное использование, быт.

VI глава. Социально-экономические и демографические последствия «раскулачивания».

Заключение.

В конце 1995 г. были написаны и набраны на компьютере введение и первые четыре главы монографии, первоначально озаглавленной ««Раскулачивание» и спецпереселение в Сибири. 1928-1934 гг.: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия». В связи с необходимостью завершения коллективной монографии «Население Западной Сибири в XX веке» Н.Я.Гущин отложил написание незаконченной книги

* Грант № 95—06—17630

намереваясь приступить к нему весной 1996 г. Судьба распорядилась по-другому, и Николая Яковлевича не стало.

В соответствии с решением Ученого совета и дирекции Института истории СО РАН нам была поручена подготовка указанной монографии к печати. Кроме текста уже набранных разделов в наличии имелись еще рукописи начального раздела V-й главы и две вводные страницы VI главы, обнаруженные в бумагах автора.

В окончательный вариант монографии вошли введение и первые четыре главы. Материалы главы «Спецпереселенцы-кулаки: организация комендатур, правовое положение, хозяйственное использование, быт», которые представляли собой первоначальный незавершенный набросок (хронологически они были доведены до конца 1930 г.), были включены в III главу. Рукопись начала VI-й главы помещается в приложении. Заключение монографии было скомпоновано нами из имеющего концепционный характер итогового раздела III-й главы («альтернативы») и материалов препринта Н.Я.Гущина «Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии» — своеобразной апробации точки зрения автора на проблему социально-экономических и демографических последствий раскулачивания. Кроме того, в ходе работы над подготовкой монографии к публикации был исключен ряд повторов, встречающихся во II-й и III-й главах. Каких-либо правок концепционного характера в текст не вносилось.

Редактирование текста книги (при максимальном сохранении авторских стилистических особенностей) было осуществлено ученицей Николая Яковлевича, научным сотрудником сектора аграрной истории, кандидатом исторических наук Т.М.Бадалян, компьютерный набор — старшим лаборантом сектора Е.П.Лунеговой.

кандидат исторических наук В.А.Ильиных

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы коренной ломки аграрных отношений в России в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и произошедших в ее ходе принципиальных изменений социальной структуры деревни, в том числе и одна из центральных среди них — «раскулачивание» — являются важнейшими не только в отечественной, но и в зарубежной историографии России. Значимость этих проблем определяется их местом в исторических судьбах нашей страны в XX веке, необходимостью правильной научной оценки опыта «социалистического преобразования» и «ликвидации кулачества как класса», его влияния на решение извечного «крестьянского вопроса» в других странах. Только на этой основе можно вскрыть антинародную, антикрестьянскую сущность сталинизма и тоталитарной государственной машины, понять неимоверные тяготы и жертвы народа, обреченного властями на ускоренную сверхиндустриализацию и сплошную коллективизацию. Изучение рассматриваемых проблем имеет не только научное, но и практическое значение: у аграрного кризиса, переживаемого нашей страной, есть своя предыстория, его истоки коренятся в частности и в раскрестьянивании и «раскулачивании», осуществленном в 20—30-х гг.

Рассмотрение этой темы на материалах Сибири представляет особый интерес. Во-первых, Сибирь — это регион, где социальное расслоение нашло резкое выражение: здесь как в дореволюционный период, так и в условиях нэпа (хотя и в значительно меньшей степени) имелся довольно многочисленный и сравнительно мощный слой крупных предпринимательских крестьянских хозяйств. Во-вторых, Сибирь традиционно была местом ссылки различных репрессированных властями социальных слоев, в том числе и «кулачества» как собственно сибирского, так и выселенного из районов Европейской России.

Изучение указанных проблем долгое время проходило в русле идеологических установок коммунистической партии: кулачество рассматривалось как классовый враг, инициирующий обострение классовой борьбы и подлежащий безусловной и полной ликвидации на основе экспроприации. Процесс «ликвидации кулачества как класса» осуществлялся, якобы, на основе сплошной коллективизации и при участии широких масс трудовой деревни. Экспроприация и выселение «кулаков» в спецпоселки (комендатуры) изображались как сравнительно гуманная акция, а в местах выселения осуществлялось «трудовое перевоспитание» бывших эксплуататоров ¹.

Преодоление официозных концепций, порожденных тоталитарной системой, началось в конце 80-х — начале 90-х годов. Это было связано с принципиальным изменением политического и идеологического климата в стране, раскрепощением научной мысли, созданием условий для критического переосмысления прошлого исторического опыта. Для исследований были открыты многие ранее засекреченные архивные фонды в центре и на местах (документальные материалы ЦК партии и других партийных органов, секретные фонды и «папки» многих государственных органов, включая ОГПУ, НКВД и т.д.). Началась публикация новых документальных материалов о коллективизации, «ликвидации кулачества как класса» и судьбе спецпереселенцев ². Появились работы, в которых на основе новых документальных материалов предпринимаются попытки преодолеть прежние традиционные догмы и выдвинуть новое прочтение трагической эпохи насильственной коллективизации ³. Началось изучение этих проблем и на сибирских материалах ⁴.

История коллективизации и «раскулачивания» традиционно интенсивно разрабатывается в зарубежной историографии. Из исследований новейшего времени наибольшее внимание исторической общественности и

Введение

научной критики привлекли работы Э.Дэвиса, Р.Конквеста, М.Левина, С.Максудова, Т.Шанина и др. На современном этапе историографии происходит интенсивное творческое сотрудничество (вместо «борьбы» и разоблачения «буржуазных фальсификаторов») советских и зарубежных исследователей аграрной истории России, о чем свидетельствуют, в частности, дискуссии теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», регулярно проводимые Институтом российской истории РАН и Междисциплинарным академическим центром социальных наук.

Задача данной работы — на основе преодоления традиционных идеологических концепций, используя новые документальные материалы, реконструировать историю «раскулачивания» в Сибири: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Подобная попытка предпринимается в историографии впервые.

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ В УСЛОВИЯХ НЭП. СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ КРУПНОГО КРЕСТЬЯНИНА — КУПАКА

Социальное расслоение сибирской деревни 20-х годов уходит своими корнями в дореволюционный период. Следует подчеркнуть известную преемственность «досоветской» и «советской» истории. Нельзя не согласиться с точкой зрения А.Н.Сахарова, выдвигающего задачу исследования «сквозных тем», охватывающих «как дореволюционную, так и советскую историю». К ним автор относит, в частности, «аграрное развитие России в первой трети XX в.» «Хронологическая точка «1917 г.», — по мнению А.Н.Сахарова, — более не является завораживающим шлагбаумом, который разрывал историю России на две противоположные части: проклятую и счастливую»¹.

В аграрной истории, дореволюционной и «советской» доколхозной, есть как общие черты, так и принципиальные отличия. Общие черты — преобладание мелкотоварного крестьянского хозяйства в его традиционных ипостасях. Принципиально новые тенденции в решающей степени определялись ролью государства, которое в условиях советского строя (в отличие от предыдущего периода с преобладанием естественного, стихийного процесса) само строит новую «социалистическую» экономику, его регулирующее влияние многократно усиливается, что ведет к деформации традиционных социальных процессов.

Рассматривая лишь в самых общих чертах проблему социального расслоения в «досоветский» период (по этой теме есть фундаментальные монографические работы),

подчеркнем, что у исследователей нет единой концепции о степени и формах развития капиталистических отношений в сибирской «досоветской» деревне. Одна группа исследователей делает акцент на преобладании феодально-крепостнических отношений в сибирской, как и российской деревне в целом, считая, что развитие капиталистических отношений происходило преимущественно в торгово-ростовщических формах и в итоге отстаивает вывод, что развитие капитализма шло в основном по «прусскому пути» (И.М.Разгон, Л.Г.Сухотина, А.П.Бородавкин, Г.Х.Рабинович и др.). Другие обоснованно доказывают, что в аграрном строе региона преобладал американско-фермерский путь развития, что по уровню развития капиталистических, товарно-рыночных отношений, предпринимательства Сибирь превосходила Европейскую Россию (Л.М.Горюшкин, В.Г.Тюкавкин, Э.М.Шагин, Н.Ф.Иванцова и др.). Различие концепций во многом определяется тем, что процесс исследуется в целом по краю, без достаточного учета специфики различных районов, которая была весьма существенной. Если рассматривать процесс в земледельческой полосе, расположенной преимущественно вдоль транссибирской железной дороги, то выводы исследователей о высокой степени социального расслоения и значительно большем развитии в деревне крупных предпринимательских хозяйств (по сути фермерского типа), на наш взгляд, можно считать доказанными. Так, Л.М.Горюшкин приходит к следующему заключению: «В районах с сильными остатками крепостничества, где преобладал прусский путь, элементы фермерства, сдерживаемые помещичьими латифундиями, были слабее, чем в Сибири. На сибирской окраине, где помещичьих латифундий не было и перерастание патриархального крестьянского хозяйства в капиталистическое составляло главное содержание развития, преобладала эволюция фермерского

Социальное расслоение сибирской деревни

типа. В этом заключалась одна из главных особенностей сибирской деревни» ².

Характерной чертой аграрного строя «досоветской» Сибири было отсутствие в ней помещичьего землевладения. В связи с этим капитализм в основных земледельческих районах региона развивался в предреволюционные годы быстрее, чем в центре страны. На ускорение существенно повлияли следующие два фактора: бурный рост населения в связи с наплывом переселенцев и проведение Транссибирской железнодорожной магистрали, которая «открывала» Сибирь для капитала. С 1897 по 1914 г. сельское население четырех губерний (Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской) и двух областей (Акмолинской и Забайкальской) края увеличилось на 72% — с 5,3 млн до 9,1 млн чел., на две трети благодаря переселенцам. Переселенцы хозяйственно освоили 16,5 млн дес. новых земель, в том числе распахали около 8 млн дес. ³ Посевные площади в регионе выросли в 3,5 раза. С их ростом увеличивались и валовые сборы хлебов. Сибирское зерновое производство отличалось высокой (до 30%) товарностью. В 1906—1917 гг. ежегодно из региона вывозилось от 30 млн до 80 млн пудов (в основном пшеницы).

В начале XX в. в Сибири быстро развивается животноводство, особенно молочное скотоводство. За два десятилетия (с 1897 по 1917 г.) общее поголовье скота в крае (в переводе на крупный) возросло на 56,1%, в том числе лошадей — на 39%, крупного рогатого скота — на 69% ⁴. Сибирское животноводство также отличалось высокой товарностью. Особенно большое значение в предвоенные годы приобрело маслоделие. Уже в начале века Сибирь по производству масла намного обогнала старые маслодельческие центры страны. Резко возросла доля Сибири в экспорте масла из России: в 1896—1900 гг. она составляла 49%, в 1901—1905 гг. — 69%, в 1906—1910 гг.

— 91,9%⁵. Бурный рост торгового маслоделия отражал развитие капиталистического предпринимательства.

Важным показателем развития капитализма явилось также применение машин. В Сибири крестьянство было лучше обеспечено машинами, чем в Европейской России. По переписи 1910 г., на каждые 100 крестьянских дворов в Сибири приходилось 225 машин и орудий, а в центральных губерниях — только 175. При этом из каждых 100 машин и орудий усовершенствованных было у сибирских крестьян 77, а у крестьян Европейской России — 57⁶.

Развитие товарного производства и рыночных отношений ускорили процесс социальной дифференциации крестьянства. Согласно общепринятой в доперестроечной советской историографии и до сих пор никем не опровергнутой точке зрения, в целом по стране накануне революции удельный вес бедноты составлял 65%, середняков — 20, кулаков — 15%⁷. Особенность расслоения сибирской деревни состояла в наличии многочисленной и мощной прослойки зажиточного крестьянства, традиционно определяемого как «кулачество». По данным В.Г.Тюкавкина, в целом по Сибири бедняков было примерно 40—50% (при колебании по отдельным районам от 30 до 60%), кулаков — 20—24% (при колебании от 7 до 32%)⁸. По подсчетам Л.М.Горюшкина, кулачество в Томской губернии в 1916 г. составляло 18,4% от числа крестьянских хозяйств, среднее крестьянство — 32%, сельские пролетарии, полупролетарии и мелкие крестьяне (беднота) — 49,6%⁹. Примерно такое же соотношение социальных групп сельского населения получено при обработке на ЭВМ подворных карточек Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., описывающих 7030 крестьянских хозяйств девяти волостей Томской губернии (соответственно 18,2%, 35,3%, 46,5%). Причем доля кулачества в крестьянском населении в связи с большими размерами кулацких семей достигала 27%¹⁰. Наиболее

Социальное расслоение сибирской деревни

зажиточные сибирские крестьяне сосредоточивали в своих руках 57—58% всего посева, 46—47% рабочего скота, 47—48% коров, не менее $\frac{2}{3}$ валового и товарного производства хлеба, около $\frac{3}{4}$ всех сельскохозяйственных машин и торгово-промышленных предприятий¹¹. Другой особенностью расслоения сибирской деревни являлась большая зажиточность крестьянства в целом и меньшая, чем в Центре, доля бедняков. Сибирские крестьяне были значительно лучше обеспечены землей, скотом, сельскохозяйственными машинами, чем в Европейской России.

В различных категориях крестьянства (старожилы, новоселы, казаки) степень расслоения была разной, но закономерности его — раскрестьянивание и выделение полюсных групп (высших и низших) — общие.

Сравнительно быстрое развитие капиталистических отношений в сибирской деревне сочеталось с мелкотоварным и патриархальным укладами. В различных районах Сибири соотношение данных укладов было неодинаковым. Развитые капиталистические отношения имели значительный удельный вес в полосе, близкой к железной дороге, в районах товарного сельскохозяйственного производства. В более отдаленных районах преобладало мелкотоварное, полунатуральное, патриархально-натуральное хозяйство, а капиталистический уклад был представлен торгово-ростовщическим капиталом. Степень разложения крестьянства в Западной Сибири была выше, чем в Восточной, а в Томской и Енисейской губерниях — выше, чем в остальных районах края.

Сдерживающее влияние на развитие капитализма в сельском хозяйстве Сибири, помимо природно-географического фактора (суровые природные условия, удаленность многих районов края от промышленных центров и основных рынков сбыта сельскохозяйственной продукции), а также слабого развития коммуникаций, оказывали феодально-крепостнические пережитки, главным из

которых являлось господствующее в центре страны помещичье землевладение. В Сибири сохранялись остатки государственного феодализма в виде собственности казны и Кабинета на землю, сословного характера землевладения, архаичной системы крестьянских податей и повинностей.

Развитие капиталистических отношений в условиях сохранения феодально-крепостнических пережитков обусловило нарастание классовой борьбы. Все крестьянство было заинтересовано в ликвидации пережитков феодализма и в борьбе с ними выступало единым фронтом как класс-сословие. Крестьянское движение в Сибири в начале XX в., несмотря на отдельные спады и слабые стороны (локальность, стихийность и раздробленность), развивалось по восходящей линии. Итогом этой борьбы явились революции 1917 г. — прежде всего Февральская, а также Октябрьская. Поскольку Временное правительство не выполнило основных требований сибирского крестьянства, то оно самочинным, явочным путем к осени 1917 г. захватило значительную часть казенных и кабинетских земель и лесов ¹².

Коренные социально-экономические сдвиги в деревне произошли в результате «аграрной революции», начатой в 1917 г. и продолжающейся до перехода к нэпу. Ее результатом стало создание уникального по содержанию аграрного строя — строя мелкотоварных производителей: помещичьи латифундии ликвидировались, были «подрезаны» крупные предпринимательские хозяйства, деревня в значительной степени нивелировалась. Социальные сдвиги в сибирской деревне отличались существенной спецификой, определяемой как особенностями аграрных отношений в дореволюционный период, так и своеобразием аграрных преобразований не только по их содержательной направленности, но по временным рамкам.

Проследить динамику социальных сдвигов в Сибири на различных этапах преобразований за 1917—1920 гг.

Социальное расслоение сибирской деревни

чрезвычайно трудно: источники позволяют получить лишь примерные расчетные данные. Статистические сведения, которые могут быть положены в основу социальной группировки крестьянства, за достаточно длительный промежуток времени с 1917 по осень 1920 г. практически отсутствуют. Первым после Октябрьской революции массовым обследованием крестьянских хозяйств края была Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1920 г. Попытка разработки опубликованных материалов применительно к Сибири была проведена Л.И.Боженко, который взял за основу группировки площадь посева и скорректировал полученные показатели по ряду других признаков — количеству работников (в том числе и наемных), обеспеченности рабочим и молочным скотом, пахотным инвентарем. Для того чтобы выявить направленность социальных сдвигов в сибирской деревне за период 1917—1920 гг., сравним данные, полученные Л.И.Боженко, с процентным соотношением групп крестьянства всей Сибири на 1917 г., рассчитанным В.Г.Тюкавкиным (табл.1).

Таблица 1

Соотношение классовых групп в сибирской деревне в 1917 и 1920 гг., % *

Группа хозяйств	1917 г.		1920 г.	
	удельный вес хозяйств	в них посева	удельный вес хозяйств	в них посева
Бедняцкие	40—50	6	43	12
Середняцкие	36—40	36	49	53
Кулацкие	20—24	58	8	35

* Составлено по: **Боженко Л.И.** К характеристике основных групп крестьянства после освобождения от колчаковщины // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып.7. С.97; **Тюкавкин В.Г.** Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С.303.

Приведенные в табл.1 данные показывают прежде всего уменьшение доли хозяйств, отнесенных исследователями к кулацким, а также увеличение удельного веса середняцких хозяйств. Уменьшение процента бедняцких хозяйств не прослеживается столь явно, показателем изменения имущественного положения бедноты стал рост ее доли в общем крестьянском посеве, что, несомненно, явилось следствием улучшения обеспеченности земель, живым и мертвым инвентарем. Расчеты Л.И.Боженко, хотя и носят ориентировочный характер, в целом правильно вскрывают основную тенденцию социальных изменений в деревне — осереднячивание и сокращение полярных групп. Это подтверждается и сравнительным анализом переписей 1917 г. и 1920 г. по признакам хозяйственной состоятельности — посеву и поголовью скота. По примерным подсчетам, доля хозяйств, засевавших 10 дес. и более, сократилась в 1,4 раза. В то же время сократился удельный вес хозяйств, не имеющих посева и скота. Доля беспосевных в Сибири уменьшилась с 12,7 до 11,0%¹³. Доля хозяйств без всякого скота в Восточной Сибири (Иркутская и Енисейская губернии в сопоставимых границах) с 1917 по 1920 г. уменьшилась с 8,3 до 4,9%, без рабочего скота — с 13,7 до 10,1% и без коров — с 13,4 до 10,2%. В Омской губернии (в сопоставимых границах) за тот же период также произошло уменьшение удельного веса крестьянских хозяйств, не имеющих скота вообще (с 8,9 до 2,7%), рабочего скота (с 10,2 до 8,1%) и коров (с 7,2 до 5,7%)¹⁴.

В то же время темпы сокращения полярных групп в сибирском крестьянстве в 1917—1920 гг. были значительно ниже, чем в целом по стране. Так, по 22 губерниям РСФСР (в сопоставимых границах) процент беспосевных хозяйств снизился с 10,6 в 1917 г. до 4,7 в 1920 г., а многопосевных (свыше 10 дес.) за тот же период — с 3,7 до 0,5%¹⁵. По примерным подсчетам, доля «кулачества» в общей массе крестьянских хозяйств страны сократилась почти

Социальное расслоение сибирской деревни

в 5 раз (с 15 до 3%), а бедноты — в 1,5—2 раза (с 65 до 35—40%)¹⁶. Уменьшение удельного веса предпринимательских элементов, хозяйственный подъем бедноты и осереднячивание деревни проявились в Сибири гораздо менее масштабно: «черного передела» — уравнилельного землеустройства здесь, по сути дела, не проводилось, беднота не получила столь значительного количества сельскохозяйственных угодий, как в центральных районах страны, зажиточное крестьянство сохранило за собой основную часть используемых сельскохозяйственных угодий, а также живого и мертвого инвентаря. Снижение удельного веса зажиточных хозяйств было результатом не столько целенаправленной политики «раскулачивания», сколько следствием общей политической и экономической обстановки, вынуждавшей более состоятельных крестьян уменьшать размеры своего хозяйства.

Процесс снижения удельного веса зажиточного крестьянства в Сибири усилился в конце 1920 г., а также в 1921—1922 гг. Об этом свидетельствует сокращение доли многопосевных дворов. Так, число хозяйств, засевающих свыше 10 дес., в 1922 г. уменьшилось по сравнению с 1920 г. в 5,5 раза и составило 2,5% от общего количества¹⁷. В 1922 г., согласно материалам гнездовых динамических переписей, сокращается по сравнению с 1920 г. и количество дворов, имеющих четыре и более коров (в 2,75 раза), четыре и более голов рабочего скота (в 2,2 раза)¹⁸. Процесс хозяйственного подъема беднейших слоев сельского населения был приостановлен. В 1921—1922 гг. произошло поравнение крестьянских хозяйств в обеспеченности посевом и скотом на общем низком уровне, связанном с послевоенным упадком сельского хозяйства.

Поравнение сибирского крестьянства можно объяснить лишь совокупностью различных причин. В 1921—1922 гг. сельское хозяйство Сибири переживало тяжелый кри-

зис, проявившийся в разрухе и катастрофическом падении производительных сил. За этот период в регионе произошло резкое сокращение посевной площади (в 1922 г. она составляла 60% от уровня 1920 г.), валовых сборов зерновых и поголовья скота ¹⁹. Одной из причин разрухи, несомненно, были войны — сначала четырехлетняя империалистическая, а потом трехлетняя, гражданская; последняя затянулась в Сибири в связи с массовым крестьянским повстанческим движением. На развитие сельского хозяйства пагубно повлияли неурожаи 1920—1921 гг., наплыв беженцев в Сибирь из голодающих губерний (только в 1921 г. прибыло в край 175 тыс. переселенцев ²⁰). В условиях послевоенной разрухи и голода государство облагало сибирскую деревню повышенными продразверсткой и продналогом. В заготовительную кампанию 1920—1921 гг. Сибирь сдала в счет разверстки 67,4 млн пудов хлеба (23,6% общереспубликанских заготовок). В первую продналоговую кампанию 1921—1922 гг. Сибирь заготовила 40 млн пудов хлебофуража (27% всего заготовленного в РСФСР хлеба). Уровень отчислений по заготовкам в Сибири был очень высокий, достигая 22—30% от валового сбора (в стране 12—16%) ²¹. В документах тех лет неоднократно указывалось на чрезмерную обремененность Сибири налоговыми обязательствами как одну из причин затяжного кризиса сельского хозяйства.

Восстановление сельского хозяйства стало возможно лишь на основе нэпа. В условиях допущения в известных пределах свободы хозяйствования и товарооборота произошло сравнительно быстрое восстановление производительных сил мелкотоварного крестьянского хозяйства. Темпы восстановления сельскохозяйственного производства в Сибири были выше, чем в среднем по стране и большинству регионов. Это явилось следствием совокупности факторов. Во-первых, сибирский крестьянин был значительно лучше обеспечен землей, чем крестьянин европейских районов России. По данным гнездовой пе-

Социальное расслоение сибирской деревни

реписи 1927 г., в Сибирском крае на одно крестьянское хозяйство приходилось 12,2 га надельной пашни, 5,1 га посева и 3,1 га сенокоса, а в среднем по стране — соответственно 6,1, 4,0 и 1,2 га. Превосходство крестьян Сибири в обеспечении сельскохозяйственными угодьями в целом было еще значительней. В Сибири на одно хозяйство в среднем приходилось 47,3 га земли, в расчете на едока 8,7 га, в районах Европейской России — соответственно 13,2 и 2,6 га ²².

Во-вторых, крестьянское хозяйство Сибири было лучше обеспечено орудиями и машинами конной тяги, а также тягловой силой. Сибирская деревня потребляла во второй половине 20-х годов около 1/5 всех продаваемых в стране сельскохозяйственных машин и орудий. В 1927/28 г. стоимость сельскохозяйственных машин и орудий на 1 га посева в Сибирском крае — 22 руб., в 2—2,5 раза больше, чем в среднем по стране. Усовершенствованным инвентарем в крае владело 26,1% хозяйств, в стране — лишь 15,2%. В расчете на одно хозяйство в Сибири приходилось 1,9, а в стране 1,0 головы рабочего скота ²³.

В-третьих, благотворное влияние на развитие производства оказывал значительный приток переселенцев. По примерным подсчетам, всего в 20-х годах в Сибирь переселилось не менее 900 тыс. чел. (за вычетом «обратников»), большинство из них осело в сельском хозяйстве. Среди переселенцев в сравнении со старожилами был выше удельный вес трудоспособных и лиц более молодых возрастов. Вследствие этого, а также в силу традиционной многочисленности сибирской семьи в Сибири был сравнительно высокий уровень естественного прироста, особенно рождаемости. Отмеченные причины определили и более высокие темпы роста сельского населения Сибири: в 1929 г. по сравнению с довоенным оно увеличилось на 36,7%, а в стране на 11,2%; удельный вес края в населении страны соответственно поднялся с 5,2 до 6,4% ²⁴.

Динамика основных элементов сельскохозяйственного производства в регионе в середине 20-х гг. свидетельствует о его непрерывном подъеме до 1928 г. включительно, значительно превосходящем по темпам и уровню средние показатели по стране и республике. Посевные площади увеличились по сравнению с 1913 г. на 45,4% (в стране на 12,4%), валовое производство зерна — на 46,9% (в стране в самом урожайном 1926 г. лишь достигло уровня 1913 г.). поголовье крупного рогатого скота в крае превзошло показатель 1916 г. на 16,8, коров — на 14,2, овец — на 92,3, свиней — на 13,1% (по стране соответственно на 11,6, 11,8, 12,1 и 12,4%), поголовье лошадей в крае составило 99% от уровня 1916 г., в стране — 93%. Товарная продукция росла медленнее, чем валовое производство и не достигла довоенного уровня (общая товарная продукция снизилась примерно с 30 до 20%). Это было следствием, главным образом, дробления крестьянских хозяйств, число которых в крае с 1913 по 1929 г. увеличилось с 983,5 тыс. до 1537,3 тыс., т.е. на 56%, а также нивелировки и осереднячивания деревни. Уровень товарности в Сибири (особенно в животноводстве) был сравнительно высоким и превосходил средние показатели по стране и республике ²⁵.

В условиях нэпа по мере роста производительных сил и развития товарно-денежных отношений возобновился процесс расслоения деревни. В социальном развитии, наряду с традиционными тенденциями, появляются и новые черты, в решающей степени определяемые усилением регулирующей роли государства. Они проявлялись в сдержанном, ограниченном росте крайних групп и общем осереднячивании деревни.

Подавляющее большинство сельского населения региона составляли крестьяне. Согласно демографической переписи 1926 г., сельское население Сибирского края насчитывало 7 млн 556 тыс.чел. (87% от всего населения края), из них крестьян-земледельцев (вместе с членами семей) и батраков, работающих в их хозяйствах, —

Социальное расслоение сибирской деревни

6729,7 тыс.чел., или 89,06% от всего населения деревни. Кроме того, к занятым в других отраслях сельского хозяйства относилось 131,7 тыс.чел. (1,7%), кустари-ремесленники и члены их семей насчитывали 142,6 тыс. (1,9%), служащие и члены их семей — 136,5 тыс. (1,8%), рабочие государственных промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий и члены их семей — 240,5 тыс.чел. (3,18% от населения деревни) ²⁶.

Крестьянство имело сложную изменяющуюся социальную структуру. Общее представление о характере социальных процессов, протекавших в сибирской деревне в середине 20-х гг., может дать динамика соотношения групп крестьянства по размеру посева (табл.2).

Таблица 2

Группировка крестьянских хозяйств Сибирского края по посеву (по данным гнездовых динамических переписей 1922—1927 гг.), % *

Год	Без посева	С посевом, дес.					
		до 2	2,1—4	4,1—6	6,1—10	10,1—16	свыше 16
1922	14,4	55,6	19,0	6,0	3,3	1,3	0,4
1923	10,9	44,0	25,1	11,3	6,7	1,7	0,3
1924	8,5	38,8	29,4	13,1	8,2	1,7	0,3
1925	9,2	34,0	28,8	15,0	10,0	2,5	0,5
1926	9,0	26,6	26,5	17,1	14,3	5,0	1,5
1927	7,1	21,7	25,4	18,4	17,7	7,3	2,4

* Составлено по: Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. М., 1927. С.138; Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С.235.

В 1923—1924 гг. в связи с начавшимся восстановлением сельского хозяйства сократился по сравнению с 1922 г. процент беспосевных и малопосевных (с посевом до 2 дес.) хозяйств, доля среднепосевных выросла, а крупнопосевных (свыше 10 дес.) осталась почти стабильной. В 1925—1927 гг. наблюдается дальнейшее увеличение удельного веса среднепосевных и уменьшение малопосевных хозяйств при некотором росте высшей группы.

Эта же тенденция прослеживается и при группировке крестьянских хозяйств по обеспеченности скотом (табл.3).

Таблица 3

Группировка крестьянских хозяйств Сибирского края по обеспеченности скотом, % *

Год	Без скота	Со скотом, голов			
		1	2	3	4 и более
С рабочим скотом					
1922	9,6	28,6	33,7	15,5	12,6
1923	11,8	31,0	32,3	14,4	10,5
1924	12,9	28,3	32,6	14,9	11,3
1925	13,2	26,3	32,4	15,8	12,2
1926	13,3	26,2	33,1	16,0	11,4
1927	12,0	27,4	37,4	14,3	8,9
С коровами					
1922	8,4	43,1	29,6	10,8	8,1
1923	10,4	43,4	26,8	10,4	9,0
1924	10,3	39,0	27,3	11,8	11,6
1925	9,6	34,4	29,2	14,1	12,7
1926	9,1	31,1	29,0	15,1	15,7
1927	6,6	36,0	31,5	13,6	12,3

* Составлено по: Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. С.149; Сибирский край... С.270—271.

Социальное расслоение сибирской деревни

Средняя группа по обеспеченности рабочим скотом (2—3 головы рабочего скота на хозяйство) начиная с 1923 г. постепенно растет, а группа хозяйств с одной головой рабочего скота в целом уменьшается. Изменения в поллярных группах менее определены. Процент хозяйств без рабочего скота растет до 1925 г., затем практически стабилизируется, а в 1927 г. несколько падает. Группа хозяйств с четырьмя и более головами увеличивается до 1925 г., а затем также начинает уменьшаться. Группировка по наличию коров иллюстрирует осреднячивание и общий рост благосостояния деревни. Начиная с 1923 г. падает доля бескоровных и однокоровных дворов и в целом растет средняя и высшая группа хозяйств.

Группировка по имущественным признакам (посеву, скоту) является суррогатом социальной группировки, она позволяет определить лишь общие тенденции развития. Более точную характеристику социальной структуры дает группировка крестьянских хозяйств по стоимости принадлежавших им средств производства в совокупности с социальными признаками (наем-сдача рабочей силы, сельскохозяйственных машин, аренда земли). Именно таким образом была обработана динамическая гнездовая перепись крестьянских хозяйств 1927 г. Ее материалы позволяют более точно учесть соотношение основных социальных групп в деревне (табл.4).

Приведенные данные подтверждаются с незначительными колебаниями многочисленными обследованиями сибирской деревни, отчетными сведениями директивных органов и т.п.²⁷.

Сибирский край относился к числу районов, где доля зажиточных крестьян была выше, чем в целом по стране и большинству районов. По этому показателю Сибирь превосходила все другие регионы страны и уступала лишь Дальневосточному краю (7%) (табл.5).

Таблица 4

Социальный состав деревни Сибири в 1927 г., % *

Социальная группа	Юго-Западная Сибирь	Северо-Восточная Сибирь	Сибирский край
Сельскохозяйственные рабочие	9,8	9,7	9,8
Бедняки	20,2	20,7	20,4
Середняки	62,3	64,5	63,1
Кулаки	7,7	5,1	6,7

* Сибирский край... С.212—213.

Таблица 5

**Классовый состав советской деревни
в 1927 г.,(хозяйств, %) ***

Регион	Сельский пролетариат	Сельский полупролетариат	Мелкие товаропроизводители	Мелкокапиталистические производители
Сибирский	9,9	20,7	62,7	6,7
Центрально-Черноземный	8,9	24,6	64,2	2,3
Средне-Волжский	10,0	24,6	61,9	3,5
Северо-Кавказский	15,7	22,4	56,1	5,8
РСФСР	10,0	23,0	63,3	3,7
УССР	9,9	21,0	65,1	4,0
СССР	10,0	23,3	62,8	3,9

* Сельское хозяйство СССР. 1925—1928: Сборник статистических сведений к XVI Всероссийской партконференции. М., 1929. С.24—27.

Социальное расслоение сибирской деревни

Для Сибири был характерен малый удельный вес бедноты в крестьянском населении (меньший показатель имели только Дальневосточный край, Московская и Ивановская области) ²⁸.

Интенсивное расслоение сибирской деревни, наличие в ней значительной доли крупных крестьянских хозяйств объясняются рядом объективных причин. Как уже отмечалось, сибирское кулачество, составлявшее до революции многочисленную и мощную прослойку, в ходе аграрного переворота пострадало меньше, чем в центре страны. Кроме того, процессы социального расслоения в Сибири в середине 20-х гг. протекали весьма интенсивно. Сельское хозяйство края, главным образом его основные отрасли — зерновое производство и маслоделие, отличалось относительно высокой товарностью. Рост торгового земледелия ускорял процесс дифференциации крестьянства. Экономические позиции зажиточных слоев усиливались в связи с неурегулированностью земельных отношений. В Сибири до конца 20-х гг. сравнительно широко сохранялось вольнозахватное землепользование, способствующее образованию крупных хозяйств.

Основными путями (формами) превращения имущественного неравенства в социальное являлись сдача средств производства и земли в аренду и наем рабочей силы. Стимулирующее воздействие на социальное расслоение крестьянства оказывали сравнительная насыщенность сибирской деревни машинами и большая концентрация их у верхних слоев деревни. Если в 1927 г. бедняцкие хозяйства имели всего 2,3% сельскохозяйственного инвентаря, то у зажиточных сосредоточивалось 26,1% сельскохозяйственного инвентаря, 22,3% жнеек, 23,4% зерноочистителей, 24,5% молотилок, 53,2% сеялок ²⁹. Неравномерность распределения сельхозинвентаря порождала широкое распространение в сибирской деревне его сдачи в наем. Нанимателями сельхозмашин были главным образом низшие и средние группы, а сдатчиками их —

преимущественно высшие. Представители Народного комиссариата торговли РСФСР, обследовавшие ряд районов Сибири, писали: «Экономическая роль крупного сельскохозяйственного инвентаря в этом районе настолько велика, что в некоторых хозяйствах доход от машин выше всего годового дохода полеводства и животноводства»³⁰.

На почве неравномерного распределения средств производства в сибирской доколхозной деревне развивалась земельная аренда. В Сибири арендные отношения получили большое развитие (в особенности аренда сенокосов), чем в среднем по стране. В 1927 г. в регионе сдавали землю в аренду 16,1, а арендовали — 29,9% хозяйств. В результате арендных сделок земля перераспределялась в пользу верхних слоев деревни: пашня у них увеличивалась на 19%, а сенокос — на 69%³¹.

В сибирской деревне широко применялся наемный труд. Процент крестьянских хозяйств, нанимавших рабочих, в Сибирском крае в 1927 г. выше в 1,8 раза, чем в РСФСР, и в 1,3 раза, чем на Северном Кавказе. Основным поставщиком рабочей силы была деревенская беднота, на долю которой приходилось 79,2% всей отпускаемой в наем рабочей силы (68,4% — пролетарские слои и 10,8% — бедняки). Безлошадный и безинвентарный крестьянин, сдав свою землю в аренду, вынужден был идти или в отхожий промысел, или, чаще всего, в наем к богатому соседу. В зажиточных хозяйствах наем рабочей силы носил предпринимательский характер³².

Анализ особенностей социально-экономического развития сибирской деревни позволяет показать экономические позиции различных социальных групп в крестьянстве и кратко охарактеризовать их (см. табл. 1 Приложения). Преобладающим социальным слоем и основным производителем валовой и товарной продукции были середняки. В 1927 г. они составляли 63,1% в составе крестьянских хозяйств, 68,2% в крестьянском населении (5,88 чел. на семью). Доля середняков в производстве

Социальное расслоение сибирской деревни

валовой и товарной продукции была выше, чем в числе хозяйств: они владели 72,5% основных средств производства, 73,2 посева, 74,0 товарной продукции зерновых, свыше 70% коров. В среднем на одно середняцкое хозяйство в районах Южной Сибири приходилось 8,3 га посева, 2,3 лошадей, 2,1 коров, 647 руб. средств производства (по стране 4,7 га посева, 1,2 лошади, 1,3 коровы, 571 руб. средств производства). Средняцкое хозяйство — это трудовое семейное крестьянское хозяйство, обеспечивающее почти исключительно своим трудом потребности своей семьи, и в значительной степени связанное с рынком (товарность зерновых у середняков достигала 22%, а их доля в чистом отчуждении зерновых, принятых для баланса — 76,4%). Среднячество не было однородной массой. По уровню обеспеченности средствами производства среднее крестьянство разделялось на три категории: в 1927 г. (по данным статорганов края) к низшей имущественной группе относилось 32,8%, к средней — 46,3%, к высшей — 20,9%³³.

На крайнем полюсе обнищания находилось батрачество. Батрацкие хозяйства были, как правило, малосемейными. Среди рабочих, нанимавшихся в единоличные хозяйства, 45,3% составляли одиночки. Батраки, если и имели собственное хозяйство, то мизерное. В 1927 г. у 53,6% сроковых рабочих, нанимавшихся в индивидуальные хозяйства, не было земельного надела, 10% из них не засеивали свои наделы и не имели рабочего скота, 11,6% были с посевом, но без рабочего скота, 1,3% — с рабочим скотом, но без посева, у 58,5% всех батраков отсутствовал сельскохозяйственный инвентарь. В 1927 г. в Сибирском крае насчитывалось 174,5 тыс. сроковых рабочих, из них 123,7 тыс. у единоличных нанимателей и 50,8 тыс. в сельских обществах и у групп нанимателей (в основном пастухи). Кроме того, имелось еще 177,2 тыс. поденных работников. В общей сложности в сибирской де-

ревне было около 350 тыс. наемных рабочих (без рабочих совхозов и государственных предприятий) ³⁴.

Значительный, хотя и сокращающийся в условиях нэпа, слой в деревне представляли крестьяне-бедняки. В 1927 г. они составляли 20,4% всех хозяйств (в стране и РСФСР больше 23%), в составе крестьянского населения — 14,7% (4,13 чел. на семью), владели лишь 6,8% средств производства, 9,1% посева. Размеры бедняцкого хозяйства были невелики, и оно в большинстве случаев не могло удовлетворить потребности семьи. В Южной Сибири в 1927 г. в среднем на одно бедняцкое хозяйство приходилось 3 га посева, на 168 руб. всех средств производства, на 9 руб. сельскохозяйственного инвентаря, 0,9 головы рабочего скота и 1,1 коровы. Испытывая острый недостаток средств производства, почти не имея инвентаря и машин, они были не способны самостоятельно хозяйствовать. Бедняки производили лишь около 10% валового сбора хлеба. Этого не хватало для удовлетворения собственных потребностей, и они вынуждены были покупать хлеб. Их доля в чистом отчуждении зерновых, принятом для баланса, была отрицательной: в 1927 г. минус 2,5, а в 1929 г. — минус 7,9%. Связь с рынком была слабой: в среднем одно хозяйство в 1925/26 г. продавало или обменивало продуктов на 36 руб. (средняцкое хозяйство — на 159 руб.) ³⁵.

Наиболее зажиточную часть в социальном составе деревни составляли крупные крестьянские хозяйства, квалифицируемые в 20-х гг. как кулацкие. Сибирское кулачество, как уже отмечалось, было более многочисленное и мощное, чем в целом по стране. В 1927 г. его доля составляла 6,7% в числе крестьянских хозяйств и 9% в населении Сибирского края (8,49 едоков на 1 хозяйство). В среднем на одно хозяйство приходилось в Южной Сибири 1487 руб. средств производства, 3,7 головы рабочего скота, 3,4 коровы, 15,9 га посева. Им принадлежало 18,9% основных средств производства, 15,2%

Социальное расслоение сибирской деревни

посева, 20,2% хозяйственных построек, 54,1% торгово-промышленных заведений деревни, 15,8% скота, 22,2% товарной продукции зерновых. Нанимали рабочую силу 91,6% хозяйств, отнесенных к данной категории, но в среднем на хозяйство приходилось в год лишь 164 чел.-дня (большинство имело не более 1 работника, нанимаемого «на срок») ³⁶.

Встает вопрос об установлении социальной природы этого верхнего слоя крестьянства, традиционно определяемого как «кулачество». Следует, по-видимому, признать, что научного определения этого термина в литературе, по сути дела, пока не дано. Термин «кулак» часто был синонимом «мироеда», «хищника», дикого, зверского эксплуататора, а в обыденном представлении нередко носил ругательный характер. В первой половине и в середине 20-х гг. в литературе, на политических «трибунах» разного уровня, на страницах ряда газет (в «Бедноте» в 1924 г., в «Сельской правде» в 1927 г.) велись дискуссии о социальной квалификации верхнего слоя деревни. При этом отмечалось, что зачисление в категорию «кулаков» часто происходило не по социально-экономическим, а по политическим признакам. М.И.Калинин в 1925 г. писал: «Кулак из экономической категории превратился в политического козла отпущения: где бы что не стряслось — гадит кулак» ³⁷. Эта же мысль прослеживается во многих сибирских материалах, в частности, в многочисленных социальных обследованиях деревни середины 20-х гг. Так, в одном из них отмечалось: «Термин «кулак» для современной деревни — стертая медная монета. Кулаком в деревне обзывают всякого, кто выступил на сходе и т.п.» ³⁸ Председатель Сибревкома М.Лашевич на I съезде Советов Сибири (1925 г.) говорил, что «кулак» в деревне сейчас бранное слово. Кулаком часто называют того, кто критикует Советскую власть, партию и т.п. ³⁹ Такие же взгляды, основываясь на результатах специальных обследований, высказывали многие

партийные работники на II Сибирской партконференции в ноябре 1925 г. (С.В.Косиор и др.). Подобная позиция в отношении кулака в середине 1920-х гг. получила широкое распространение как в директивных материалах, так и в литературе. Более того, в статистических материалах этого периода термин «кулак» чаще всего заменялся термином «зажиточный крестьянин».

Однако в конце 20-х гг. после XV партийного съезда, принявшего курс на усиление наступления на зажиточные слои деревни, подобные взгляды стали квалифицироваться как «правый уклон» и решительно осуждаться; возобладали сугубо политический взгляд на кулака как классового врага, который подлежит ликвидации. Это явилось логическим продолжением традиционного постулата марксистско-ленинской теории о крестьянстве как «последнем капиталистическом классе».

Какую же в действительности социально-экономическую характеристику можно дать верхнему слою крестьянства, квалифицируемому как «кулачество»? Следует отметить многофакторную неоднородность этого слоя. Это касается, прежде всего, его генетического происхождения. Несомненно, что значительная часть хозяйств этой группы имела «дореволюционный стаж». Об этом, в частности, свидетельствуют социальные обследования деревни 1926—1927 гг. Однако в научном плане соотношение «старых» и «новых» кулаков еще не изучено. Для этого необходим не только последовательный анализ по годам органических изменений в различных группах крестьянства, но и монографическое описание отдельных хозяйств. В.И. Ленин был прав, когда подчеркивал, что для определения социального типа в крестьянской среде «надо знать всю историю хозяйства этого крестьянина»⁴⁰.

Неоднородность рассматриваемого слоя проявлялась также в направленности производственной деятельности различных хозяйств. Основная масса кулацких хозяйств занималась преимущественно сельским хозяйством, на

Социальное расслоение сибирской деревни

их долю приходилось 6,1% из всех крестьянских хозяйств. При этом часть из них сочетала сельскохозяйственное предпринимательство с торгово-промышленной деятельностью (11,9% из этой группы в Юго-Западной Сибири и 34,4% — в Восточной Сибири). Кроме того, к группе «кулацких хозяйств» относили владельцев промышленных и торговых заведений: на долю каждой из этих групп приходилось примерно по 0,3% в общем числе хозяйств ⁴¹.

О степени развития предпринимательства у кулаков можно судить по уровню товарности хозяйств, их связи с рынком, а также по размерам накоплений, затрачиваемых на развитие и совершенствование производства (внедрение усовершенствованных машин, технологий, новых сортов культур и пород животных и т.п.). Наилучшим источником для анализа этих показателей являются бюджеты крестьянских хозяйств, а также специальные обследования. Так, при обследовании деревень ряда округов Сибирского края в 1925—1926 гг. на вопрос «каковы основы роста кулака?» были получены ответы, в которых единодушно подчеркивалось: «основным моментом по укреплению зажиточных хозяйств является торговля», «переход в кулаки главным образом по линии торговли», «рост кулаков за счет торговли, за счет мелких предприятий и сельхозмашин» ⁴². Бюджеты крестьянских хозяйств за 1925/26 г. (наиболее разработанные) показали следующую картину доходности хозяйств, отнесенных к кулацким, и их связи с рынком. Общая валовая доходность кулацкого хозяйства от сельскохозяйственной деятельности составляла (в расчете на одно хозяйство) 1211 руб. (в 2 раза больше середняцкого). Из них половина (610 руб.) шла на производственные затраты (у середняков на эти цели затрачивалось 290 руб.). Кроме того, кулаки около 300 руб. дохода в расчете на хозяйство получали от внеземледельческих заработков. Кулаки продавали сельскохозяйственных продуктов на 442,8 руб., а покупали на 348,5 руб.

(сальдо плюс 94,3 руб.). Только у этой группы баланс был положительный. Промышленной продукции в среднем одно кулацкое хозяйство приобретало на 254 руб. (почти в 2 раза больше, чем середняки), при этом треть из промышленных товаров приобреталась для хозяйственных надобностей ⁴³. Приведенный анализ бюджетов за 1925/26 г., как и за последующие два года (1926/27 и 1927/28 г.), свидетельствуют о том, что черты предпринимательства (связь с рынком, рост производственных затрат и т.п.) в верхних слоях крестьянства выражены значительно сильнее, чем в группе середняцких хозяйств ⁴⁴.

Формы предпринимательской деятельности были различны: наем сроковых и поденных работников, использование предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья (мельницы, кожевенные заводы и др.), а также торговых заведений, сдача в наем машин и др. По мере усиления вмешательства государства в сельскую экономику, а также нарастания антикулацкой риторики в официальной пропаганде, все большее распространение получают скрытые формы предпринимательской деятельности, среди которых на первое место выходит сдача в наем машин. Об этом убедительно свидетельствуют материалы социальных обследований деревни середины 20-х гг. В материалах обследования Старо-Бардинского района Бийского уезда (1925 г.) говорилось: «Значительно быстрее растет скрытый кулак. Скрытый кулак, в обследованных селах, растет главным образом через машины. У зажиточных хозяйств заметно стремление не столько расширить посевную площадь, сколько купить молотилку, косилку, жнейку... В среднем, крестьянин, имеющий машину, зарабатывает за сезон молотилкой до 500—600 пудов и косилкой до 300 пудов. В обследованных селах в среднем урожай с десятины 50 пудов. Таким образом, выходит, что молотилкой крестьянин приобретает необ-

лагаемой налогом до 12 дес. земли, а жнейкой — 6 дес. плюс к тем, которые у него показаны как объекты обложения»⁴⁵.

Наряду с предпринимательской деятельностью, носящей разрешенные законом «цивилизованные» формы, в деревне сохранился с дореволюционных времен и тип «кулака-миroeда» с преобладанием кабально-ростовщических форм обогащения и эксплуатации. В этой связи следует отметить, что наметившаяся в последнее время тенденция изображения предпринимателей «всех мастей» как в дореволюционное, так и в «советское» время лишь со знаком плюс, лишь как благодетелей и т.п. антиисторична в своей основе и противоречит истине. Широко известно, какую убийственную характеристику сибирскому «кулаку-миroeду» дал в свое время такой глубокий знаток сибирской жизни, как Н.М.Ядринцев: «Тип сибирского кулака и сибирского монополиста «чумазого», нажившего миллион, грубого, невежественного, чванлого своими связями с местными взяточниками, питающего убеждение, что нет ничего в мире, что бы он не мог купить и подкупить, производит отвратительное впечатление... Тип этот, грубый и бессердечный, не доступен человеческим чувствам, справедливости и упорен в своей косности»⁴⁶. В этой связи, по-видимому, несостоятельна наметившаяся в последние годы тенденция квалификации всех дореволюционных сибирских кулаков, как фермеров⁴⁷. Следовательно, следует различать «кулака» цивилизованного, предпринимательская деятельность которого содействовала развитию производства и в целом экономическому прогрессу, и «кулака-миroeда», консервирующего старые, по сути дела, феодально-крепостнические отношения.

В период нэпа также имелись разные типы «кулаков», которые существенно отличались по методам хозяйственной деятельности, хотя, как уже отмечалось, их экономическая мощьность во много раз сократилась, а формы

роста состоятельности значительно видоизменились, приобретая менее выраженный предпринимательский характер. В литературе содержатся отдельные описания хозяйств разных типов. Наиболее детально на основании специального обследования описаны относимые к кулацким хозяйства сел Барнаульского и Иркутского округов. Так, кулак Степанченко владел крупным предпринимательским хозяйством еще с дореволюционного времени. В 1927 г. он имел полный набор сельскохозяйственных машин (плуги, бороны, конные грабли, сортировка, сенокосилка, жнейка, веялка, две молотилки), засеивал 37,2 дес., держал 9 лошадей, 10 коров, 70 овец, 3 свиньи, пасеку из 50 ульев. Степанченко ежегодно нанимал 3—4 сезонных рабочих и арендовал 30—50 дес. пашни и сенокоса. Доходы хозяйства составляли около 5400 руб. Степанченко — «культурник», комплекс машин, которыми он владел, позволял внедрять совершенные агротехнические приемы, «его пасека в 50 рамочных ульев — его гордость».

Кулак Рукавкин тоже с «дореволюционным стажем». В 1927 г. засеивал 58 дес. (примерно половину в сравнении с дореволюционным временем), владел 10 лошадьми, 8 коровами, 70 овцами; имел полный ассортимент простых и сложных сельскохозяйственных машин и орудий (от бороны до сложной молотилки). Начиная с 1925 г. систематически занимался скупкой и перепродажей рогатого скота и лошадей. Ежегодно он совершал «путешествие в горы Алтая», откуда пригонял скот целыми гуртами, которые паслись на общественных пастбищах. В 1926 г. из Харькова привез 4 молотилки, которые перепродал односельчанам. «Рукавкин в первых рядах культурников своего села. У него прекрасная пасека в 20 рамочных ульев, племенные производители — жеребец и баран... Он выступает пионером новой для своего района отрасли хозяйства — кролиководства... Урожай у него выше средних по району». Доходы Рукавкина в 36

Социальное расслоение сибирской деревни

1927/28 г. составили, по его собственному подсчету, примерно 5 тыс. руб.

Кулак Сизых вырос в годы нэпа. В 1928 г. имел 40,5 дес. посева, 11 лошадей, 11 коров, 50 овец, 3 свиньи, жнейку, косилку, веялку и другие машины и инвентарь. В 1927 г. он приобрел мельницу с нефтяным двигателем, дающую в год не менее 1200 руб. дохода. Сизых нанимал 2 годовых, 3—4 сезонных батрака, арендовал ежегодно 60—70 дес. земли. Общие доходы хозяйства за 1927/28 г., по показаниям владельца, составили 4200 руб. Все описанные крестьяне проявляли недовольство налоговой и хлебозаготовительной политикой властей, директивными ценами, поддержкой властями бедноты (этих «лодырей и пьяниц»), и их взгляды квалифицировались исследователями как «открыто антисоветские»⁴⁸.

Для Восточной Сибири наиболее характерны были кулацкие хозяйства с неземледельческими доходами. В с.Холмогай Заларинского района Иркутского округа Рыбаков имел 10 дес. посева, 3 лошади, 2 коровы, крупорушку, молотилку, жнейку. Кроме того, арендовал мельницу, на которой держал работника «на правах родственника». Нанимал также сезонных батраков. Кулак Герасимов из с.Майгон того же района засеивал 17 дес., держал 3 лошади, 5 коров, 14 овец, племенных производителей, имел триер, жнейку, сепаратор, маслобойку, шерстечесалку, сукновальню, пасеку. Кулак нанимал 1 годового и 2 сезонных батраков для работы в поле и 2 батрачек — «стряпок». Неземледельческие доходы этих хозяйств превышали доходы от полеводства⁴⁹.

В то же время в сибирской деревне имелся другой тип кулака, широко (иногда преимущественно) применявший одну из самых кабальных форм эксплуатации — ростовщичество. «В деревне развивался кредит кулацкой, — говорилось в материалах анкетного обследования волостей Алтайской губернии в 1923 г., — кредит самый обирательный и кабальный»⁵⁰. Одна из самых тяжелых форм

эксплуатации заключалась в посеве «исполу». Сущность его состояла в получении бедняком у зажиточного семенной ссуды, собранный же урожай делился пополам. Вот характеристика некоторых типов кулацких хозяйств, прибегавших к ростовщичеству. В дер. Горящино Иркутского уезда кулак, будучи арендатором мельницы, раздавал вырученный на мельнице хлеб под проценты бедноте. Проценты он брал отработкой: уборка хлеба, сенокос, колка дров и т.п. В Тулунском уезде за 4 пуда заемного хлеба бедняки платили кулакам 10 пудов, за 10 фунтов хлеба — день косили и т.д. Обследование в 1927 г. Вознесенского сельсовета Красноярского округа выявило кулака Петра К. До революции у него было 20 батраков, большой посев и много скота. При Советской власти он резко сократил видимые размеры своего хозяйства (всего 4 дес. посева, 2 лошади, 1 корова), но пустил свои капиталы в машины (сдача молотилки давала ему 280 руб. дохода в год), а также ростовщичество (ссудные денежные и хлебные операции). Бедняки деревни говорили: «Мы у него оброчные»⁵¹.

Встают вопросы: как определить в социальном плане категорию кулачества, оформилось ли кулачество как особый класс в условиях нэпа, отпочковалось ли оно в достаточной степени от класса мелкотоварных производителей — крестьян. Малочисленность кулачества, его связь с обиходом жизни, личной физической работой в своем хозяйстве позволяют говорить о кулаках как особом слое внутри класса крестьянства. В пользу этого положения говорят и трудности статистического отграничения кулачества: для этого было недостаточно учета имущественных признаков, надо было выявить и социальные признаки. Об этом также свидетельствует и неустойчивость кулачества как социального слоя: ежегодно значительная его часть переходила в ряды середняков, в то же время кулачество пополнялось «выдвиженцами» из верхушки середняцкого слоя. Определить степень

Социальное расслоение сибирской деревни

перехода кулацкой группы в середняцкую и наоборот статистически весьма затруднительно. В.Каврайский и И.Нусинов, исследуя эволюцию в составе крестьянских хозяйств с 1927 по 1928 г. по Южной Сибири, высказали соображения, что кулачество является наименее социально стойкой группой и ежегодно обновляется чуть ли не наполовину⁵². Возможно, эти данные несколько завышены, но они несомненно правильно отражают направление социальной стратификации. Это подтверждается и материалами динамической переписи крестьянских хозяйств 1929 г. Они свидетельствуют, что с 1927 по 1929 г. в группе кулачества осталось без изменений лишь 70,9%, остальные перешли в другие группы (главным образом вследствие раздела), выселились, ликвидировались и т.п.⁵³ Следовательно, кулачество — крупное крестьянство, его верхний слой. По мнению известного американского исследователя советской деревни М.Левина, если зарождение классов и имело место, то речь могла идти лишь о начальной стадии этого процесса: «Бедняк или середняк, кулак или даже (в большинстве случаев) батрак были прежде всего и главным образом крестьяне, хозяева»⁵⁴. Другой крупный английский исследователь аграрной истории России Т.Шанин относит «верхние» слои деревни к «пограничным (маргинальным)» группам, «которые разделяют с крестьянством не все, но большинство основных характеристик»⁵⁵.

Можно ли определить сибирских кулаков как сложившихся фермеров? Понятия «крестьянство» и «фермерство» генетически связаны, хотя и не являются тождественными. Однако не только в публицистике последних лет, но и в современном законодательстве («крестьянское (фермерское) хозяйство») наблюдается несомненная путаница этих понятий. Крестьянское хозяйство — это семейное хозяйство, использующее в основном естественные (природные) силы и носящее в основном натуральный характер, слабо связанное с рынком (лишь в той или

иной степени). Т.Шанин дает следующее определение крестьянства как социального типа: «Крестьяне — это мелкие сельскохозяйственные производители, которые трудом своих семей, используя простое оборудование, производят главным образом для собственного потребления и для того, чтобы исполнить свои обязанности по отношению к обладателям политической и экономической власти»⁵⁶. Их «правопреемники» — фермеры. Эволюция «от крестьянина к фермеру», считает Т.Шанин, «сопряжена с новой технологией и крупными вложениями, привязывающими семейного фермера через кредит, снабжение и сбыт, часто организуемыми агробизнесом, к капиталистической экономике»⁵⁷.

Подобных же взглядов придерживается и В.П.Данилов. Он отмечает три стадии «товаризации сельского хозяйства», т.е., по сути дела, эволюции крестьянина в фермеры: «Стадия (1) продажи излишков собственного потребления, когда натурально-потребительский характер мелкого производства сохраняется практически в полной мере; стадия (2) ориентации хозяйства на рынок, перехода в растущей мере к производству продукта для продажи — стадия мелкотоварного производства, основой которого оставались трудовая кооперация хозяйствующей семьи и природные производительные силы; стадия (3) общей товаризации хозяйства, связанная с практически полной заменой природных производительных сил индустриальными и максимально возможной специализацией на производство рыночного продукта»⁵⁸. Позицию В.П.Данилова разделяют многие зарубежные ученые, в частности, английский исследователь О.Файджес: «На последних стадиях происходит фундаментальный сдвиг в характере средств производства — переход от натуральных к индустриальным, а вместе с тем и переход от мелкого семейного хозяйства к крупному, безразличному к характеру используемого труда (семей-

Социальное расслоение сибирской деревни

ный или наемный), высокопроизводительному и целиком работающему на рынок» ⁵⁹.

Из анализа российской нэповской деревни в определении типологии «верхних» слоев крестьянства В.П.Данилов приходит к выводу: «...В целом организация производства и социальные отношения этой группы хозяйств и в условиях нэпа продолжали носить характер примитивного, специфического деревенского капитализма, отличавшегося совмещением товарно-денежных и натуральных связей, сохранением кабально-ростовщических. Соответствовал этому и общий облик деревенского предпринимателя 20-х гг. Это далеко не фермер, ведущий крупное производство на основе более эффективных методов организации производства, более совершенной техники, а в значительной мере — прежний мироед. В целом это — фигура, социальная эволюция которой закончилась на половине пути между мироедом и фермером» ⁶⁰.

Этот вывод вполне соответствует и характеристике крупных кулацких хозяйств сибирской деревни в годы нэпа. Даже применительно к досоветской сибирской деревне, когда позиции кулачества (по доле в числе хозяйств, владении средствами производства, доходам и связям с рынком) были в несколько раз большими, чем в годы нэпа, исследователи, говоря «об эволюции фермерского типа», в то же время признают, что «фермерство... не сложилось окончательно, этому мешало господство самодержавия, помещичье землевладение и другие пережитки крепостничества» ⁶¹. Тем более это верно применительно к периоду нэпа, когда можно говорить лишь о наличии предпринимательской, фермерской тенденции в развитии крестьянских хозяйств.

Средняцкие хозяйства в обстановке мелкотоварного производства многими нитями экономически связывались с другими социальными слоями; в них сочетались элементы предпринимательства и зависимости: в верхних,

зажиточных слоях более развиты были первые, в низших, близких к бедноте слоях — вторые. Среди середняцкого слоя в середине 20-х гг. выделялась группа «крестьян-культурников», «крестьян-опытников». Эти инициативные, предприимчивые крестьяне, опираясь на эмпирически накопленные сельскохозяйственные знания и знакомясь с данными науки, пытались совершенствовать приемы земледелия, выводить новые сорта культур и породы животных. По данным статистики, в 1928 г. в Сибирском крае было учтено около 2 тыс. «крестьян-опытников». Общая численность крестьян, применявших агротехнические новшества, была значительно большей и измерялась десятками тысяч.

Апогей развития «крестьян-культурников» приходится на середину 20-х гг.: их начинания поддерживались директивными органами, их консультировали агрономы и зоотехники, они были тесно связаны с различными видами кооперативных объединений, а также служили «опытным полем» для внедрения в производственную практику рекомендаций научных разработок опытных станций. Однако отношение к «крестьянам-культурникам» резко изменилось после XV съезда, принявшего курс наступления на зажиточные слои деревни. «Крестьяне-культурники» были «окулачены», начиная с 1928 г. их стали экономически обескровливать (усиление налогового гнета, лишение кредитования и машиноснабжения, «чрезвычайные меры» — репрессии при хлебозаготовках и т.п.), а с конца 1929 г. — экспроприировать и «раскулачивать» как «классовых врагов».

В связи с вышеизложенным, по-видимому, можно высказать предположение, что в многоукладной экономике в случае продолжения нэпа формирование фермерских хозяйств возможно было двумя путями: (1) трансформация кулацкого хозяйства на основе капиталоемкого оборудования и предпринимательской стратегии; (2) развитие середняцких передовых «крестьян-культурни-

Социальное расслоение сибирской деревни

ков» в направлении усиления предпринимательства, путем повышения машиновооруженности, производительности труда и связи с рынком. Подобный путь развития был, по-видимому, экономически возможен и отвечал коренным интересам не только крестьянства, но и страны в целом.

ГЛАВА II

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА НАСТУПЛЕНИЯ НА ЗАЖИТОЧНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В 1928—1929 ГГ.. ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В 1928—1929 гг. в связи с провозглашенным XV съездом ВКП(б) курсом на коллективизацию и усиление наступления на кулачество происходит принципиальный сдвиг в государственной политике регулирования социально-экономического развития, все больший переход от экономических к административным, волюнтаристским методам, определяемым идеологическими, доктринерскими постулатами. Они исходили из основополагающих догм марксизма и особенно его российской разновидности — большевизма — об отношении к крестьянству: отрицание в принципе особой специфики аграрных отношений (вытекающей из их взаимосвязи с живой природой и землей); признание прогрессивным лишь пути развития, повторяющего промышленный тип — от индивидуального мелкотоварного к крупному обобществленному производству; рассмотрение крестьянства как мелкобуржуазного класса, неизбежно рождающего капитализм и эксплуатацию, являющегося тормозом прогресса сельского хозяйства и революционного процесса; утверждение о временном, преходящем характере товарного производства и частной собственности, необходимости их жесткого ограничения, регулирования и последующей ликвидации диктатурой пролетариата, играющей главенствующую роль в формировании новой хозяйственной системы. Переход от экономических методов к директивным диктовался также способами индустриализации «по-сталински», предполагавшими максимальное выкачивание

Наступление на зажиточное крестьянство

средств из деревни, главным образом из зажиточной части крестьянства, от которой в наибольшей степени зависели как общий рост производства и его товарности, так и накопление капитала в деревне. Рычаги государственного регулирования направляются на все большее «обуздание стихии рынка», повсеместное внедрение планово-регулирующих начал, жесткое подавление хозяйственной предприимчивости крестьянства, которое характеризуется как «окулачивание», «фаворитизация» бедноты, насаждение общественных форм хозяйствования.

В рамках новой аграрной политики возрастает «классовая» направленность кредитования деревни. В общей сумме кредита, отпущенного через низовую сеть сельскохозяйственной кооперации, доля колхозов поднялась с 15,5% в 1927/28 г. до 32,2% в 1928/29 г., простейших производственных объединений — с 30,1 до 39,7%, а единоличных крестьян сократилась с 54,4 до 28,1%. Доля хозяйств, отнесенных к кулацким, в кредитах резко снизилась в 1929 г. — до 0,2%, а с 1930 г. их кредитование совсем прекратилось¹. Подобная тенденция наблюдается и в снабжении машинами и инвентарем: с 1927/28 по 1928/29 г. доля индивидуальных хозяйств уменьшилась с 73,6 до 65,0%, а верхних слоев в составе крестьянских хозяйств — до 2,8%². К 1929 г. у зажиточных крестьян принудительно изъяли все трактора.

Ужесточение «классового принципа» в земельной политике также приводило к подрыву хозяйственной предприимчивости верхних слоев деревни. В принятом ЦИК СССР 15 декабря 1928 г. законе «Общие начала землепользования и землеустройства» декларировались дополнительные преимущества коллективному земледелию и в то же время еще большие ограничения зажиточных слоев деревни. В законе говорилось: «Лицам, лишенным права избирать в Советы, земля предоставляется в последнюю очередь»³. Особенно большое значение для упрочения классовой линии в регулировании земельных

отношений имело то, что сельские Советы получали право руководить земельными обществами и регулировать их деятельность, вплоть до отмены решений. Кроме того, лица, признанные кулаками, лишались права решающего голоса на общих собраниях земельных обществ и не могли быть избраны в их выборные органы⁴. Законом ЦИК было предусмотрено право колхозов на внеочередное устройство земельной территории и ряд дополнительных льгот по его проведению.

Произошло ужесточение регламентации арендных отношений. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 18 июля 1928 г. предельный срок аренды земли сокращался до шести лет⁵. «Общие начала землепользования и землеустройства» запрещали кулакам как сдачу земли, так и ее аренду. «В тех случаях, когда земля сдается в аренду кулацкими хозяйствами, — говорилось в законе, — такая земля постановлением земельно-судебных органов должна изыматься... Сельский Совет отказывает в регистрации, если земля сдается в аренду с нарушением законов, в частности ...если земля сдается в аренду кулацким хозяйствам»⁶.

В 1929 г. были приняты законы о регулировании найма рабочей силы в сельском хозяйстве. Постановление ЦИК и СНК СССР от 20 февраля 1929 г. «О порядке применения кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах» распространяло действие кодекса на все зажиточные хозяйства, а не только на крупные хозяйства промышленного типа, как было ранее. Закон устанавливал для батрака 8-часовой рабочий день, еженедельный день отдыха, оплачиваемый отпуск, социальное страхование⁷. Постановление СНК СССР от 11 июля 1929 г. ввело новые «Временные правила о применении подсобного наемного труда в трудовых крестьянских хозяйствах», которые устанавливали более строгие нормы использования наемного труда и в трудовых хозяйствах⁸. Строгая регламентация условий найма труда, конечно, защи-

Наступление на зажиточное крестьянство

щала батраков от тяжелых и неразрешенных законом форм эксплуатации. Однако в условиях аграрного перенаселения деревни и необеспеченности рабочей силой отдельных групп бедноты (вдовы, инвалиды и т.п.) она сокращала возможности обеспечения работой всех нуждающихся и в некоторой степени тормозила развитие производства.

Подобное же противоречивое воздействие на социально-экономическое развитие оказывала налоговая политика государства. В 1928/29 г. сельскохозяйственный налог возрос по сравнению с предыдущим годом более чем в 1,5 раза ⁹, изменилась и система налогового обложения: «едоцкий» принцип обложения (определение налога по количеству облагаемой пашни на едока и урожайности) был заменен обложением по доходности, установлением прогрессивных надбавок на зажиточные хозяйства от 5 до 25% и переходом к их индивидуальному обложению. Новый порядок обложения определялся постановлением ЦИК и СНК от 21 апреля 1928 г. «О едином сельскохозяйственном налоге» ¹⁰. Признаки «кулацких» хозяйств определялись постановлением СНК СССР от 21 мая 1929 г.: систематическое применение наемного труда, владение заведениями по переработке сельскохозяйственной продукции, сдача внаем сложных машин или отдельных оборудованных помещений, занятия «торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством» или получение других нетрудовых доходов (в том числе сюда относились и служители культа). Причем подчеркивалось, что достаточно одного из указанных признаков ¹¹. Естественно, что при таком расширительном и неопределенном подходе зачисление в «кулаки» рядовых середняцких хозяйств было обычным делом. Тем более, что крайевым, окружным исполкомам предоставлялось право вносить необходимые изменения в перечень признаков для обложения в индивидуальном порядке с учетом местных особенностей, что они нередко и осуществляли, еще бо-

лее расширяя рамки зачисления в «кулачество». Так, в Восточной Сибири, по решению директивных органов, совокупность «эксплуататорских» признаков определялась следующими показателями:

- ✓ систематическое применение наемного труда для сельскохозяйственных работ или работ в кустарных промыслах и предприятиях;

- ✓ наличие в хозяйстве мельницы, маслобойки, крупушки, волокончесалки, шерстобойки, сыроваренного завода, кожевенного, овчинно-шубного или колбасного заведения либо других промышленных предприятий, а также механического ветряного или водяного двигателя либо получение от предприятий с другими двигателями дохода более 150 руб. в год при обязательном условии применения найма на этих предприятиях;

- ✓ систематическая сдача внаем сложных сельхозмашин с механическими двигателями, или производство за плату работы этими машинами для других хозяйств, или сдача внаем других сельхозмашин (конная полусложная молотилка, сноповязалка, жатка и др.) при условии, если доход от этих (других) машин превышает 150 руб. в год;

- ✓ систематическая сдача внаем оборудованных построек под жилье или предприятие (в том числе дачи) при условии, если доход от сдачи этих построек превышает в год: в сельских местностях — 150 руб., в городах и рабочих поселках — 200 руб.;

- ✓ аренда земли на кабальных для сдатчика условиях или аренда с целью торговой или промышленной эксплуатации садов и огородов;

- ✓ занятие торговлей, ростовщичеством, скупкой и перепродажей сельскохозяйственных продуктов и скота;

- ✓ содержание постоянных дворов с доходом свыше 200 руб. в год;

- ✓ эксплуатация батраков, бедняков и середняков путем раздачи им денег, продуктов, семян, товаров,

Наступление на зажиточное крестьянство

кормов и т.п. под отработку в сельском хозяйстве или промысле, независимо от числа отработанных дней;

- ✓ применение наемного труда при занятии извозом;
- ✓ скрытая эксплуатация массового труда под видом «помощи», а также наличие в хозяйстве других нетрудовых доходов ¹².

При таких установках критерием зачисления в «кулаки» и индивидуального обложения часто выступало не наличие признаков эксплуатации чужого труда, а имущественная состоятельность. По новому порядку налогообложения бедные слои получили облегчение: 38,2% хозяйств полностью освобождалось от налога, и хозяйства с доходом до 200 руб. получили снижение налоговых платежей. В то же время для состоятельных крестьян налоговый пресс был утяжелен: хозяйства с доходом от 200 до 400 руб. (среднеобеспеченные) стали платить с рубля дохода 8,2% (в 1927/28 г. платили 8,1%), а у зажиточных крестьян налог возрос с 11,6 до 15,8%. В 1928/29 г. 1,6% хозяйств, индивидуально обложенных, заплатили 19% всего налога. В 1929/30 г. обложение верхних слоев деревни еще более возросло: 62,8 тыс. индивидуально обложенных (4,05% крестьянских хозяйств) заплатили 38,4% всего сельхозналога. На 1 февраля 1930 г. 4,6% «кулацких» хозяйств уплатили 41% всей суммы сельхозналога ¹³.

Все более обременительным для крестьян становится и «самообложение», призванное служить формой привлечения средств населения на общественные, хозяйственные и культурные нужды деревни. «Самообложение» из добровольных взносов крестьян превращается в дополнительный и обременительный налог. До 1927 г. взносы по «самообложению» были уравнительными, раскладка проводилась по душам, по числу рабочих рук, с отдельного двора и т.п. С августа 1927 г., согласно новому порядку, размер платежа определялся по сумме уплачиваемого налога. В 1927/28 г. сумма принятого по краю

«самообложения» достигла 8,4 млн руб., в 1928/29 г. — 13,1 млн, в 1929/30 г. — 13,8 млн руб. и соответственно составляла 37,7; 37,8 и 52,6% от размера сельскохозяйственного налога ¹⁴.

Усиление налогового пресса было разорительным для состоятельных крестьян, подрывало материальный стимул хозяйствования, а также негативно сказывалось на социально-политическом климате деревни: у многих крестьян пропадал интерес к развитию хозяйства (боязнь непосильных налогов и реквизиций), возникло недоверие к мероприятиям Советской власти. Об этом свидетельствуют многочисленные и разнообразные документы тех лет. Один из них — письмо наркома земледелия РСФСР В.Г.Яковенко И.В.Сталину 3 октября 1928 г. После посещения «родных мест» Тасеевского и Рождественского районов Канского округа Сибирского края (где Яковенко руководил партизанским движением в годы гражданской войны) он убедился, что налоговая политика убивает интерес крестьянина в развитии своего хозяйства: «Крестьяне в тех местах, где я побывал, ходят точно с перебитой спиной. У них... пропал интерес к новшествам и к стремлению двигаться вперед... У мужиков преобладает мнение, что Советская власть не хочет, чтобы мужик сносно жил...

Когда вы мужикам начинаете говорить о каких-нибудь новшествах и улучшении в хозяйстве, они вам сейчас же приводят в пример Юдиных и прочих крестьян, пострадавших от новшеств. Вот, мол, Юдин занимался культурой, получал премии на выставках три года подряд, а теперь остался в чужом доме и без коня (Юдины — это крестьянская семья около 20-ти душ, которая перестраивала свое хозяйство по последнему слову науки. В 1925—26 г. он освобождался от сельскохозяйственного налога и получал на с.х. выставках премии за хороший скот и за полевые культуры)». В.Г.Яковенко отмечал, что он мог бы привести «очень длинный список» этих «пре-

Наступление на зажиточное крестьянство

ступников», которые не были кулаками, но «попали под кнут» налоговой и заготовительной политики ¹⁵.

Об этом же свидетельствуют многочисленные письма и жалобы крестьян. Так, в сентябре 1928 г. в «Крестьянскую газету» прислал письмо крестьянин И.М.Ванюков из пос.Спирино Шипуновского района Рубцовского округа «Какой же я кулак?» «Батраков не имею, — писал крестьянин, — и производственных машин тоже не имею, и если останусь в кулаках, то посев сокращу наполовину, чтобы быть другом государства». Вот типичное письмо крестьянина-середняка из Каменского округа: «Раньше была охота сеять, а теперь нет, потому что смотришь: рядом с тобой живет сосед-бедняк, меньше сеет и беднее живет, к нему и власть не придирается. Сейчас каждый старается быть победнее, а раньше как бы побогаче» ¹⁶.

На социально-экономическое и политическое развитие деревни, а также и всей страны решающее значение оказали хлебозаготовительные кризисы 1928—1929 гг. и начавшееся в их ходе «раскулачивание». Они во многом определили и снижение темпов развития сельскохозяйственного производства, и подстегивание колхозного строительства, и усиление наступления на наиболее состоятельные слои деревни внеэкономическими мерами, и обострение политического положения, социальных конфликтов в деревне.

Хлебозаготовительный кризис 1927/28 г., как уже не раз отмечалось в историографии, явился следствием многих причин: резкое возрастание затрат хлеба на внутреннее потребление (с 82,8 млн ц в 1925/26 г. до 101,7 млн ц в 1927/28 г.) в связи со значительным ростом промышленности и городского населения в условиях некоторого снижения валового сбора и сравнительно низкой товарности, неблагоприятное соотношение цен на хлеб в сравнении с другими продуктами сельского хозяйства, недостаточным предложением промышленных товаров и т.д. В этой обстановке зажиточная часть крестьян-

ства не стала по низким заготовительным ценам сдавать хлеб государству, выжидая их повышения.

Выход из кризиса, навязанный Сталиным и его сторонниками, привел к принципиальному повороту в политике государства по отношению к крестьянству. В современной историографии все более утверждается тезис, что решающий поворот в отходе от принципов нэпа был связан с поездкой Сталина в Сибирь. Уже накануне отъезда Сталина в Сибирь, 6 января 1928 г., от имени ЦК была послана на места подписанная им директива, в которой сложившаяся ситуация объяснялась тем, что «частник и кулак использовали благодушие и медлительность наших организаций, прорвали фронт на хлебном рынке, подняли цены и создали у крестьян выжидательное настроение». В директиве выдвигалось требование чрезвычайных мер, содержалось прямое указание «арестовывать спекулянтов, кулачков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен» и судить их «в особо срочном, не связанном с формальностями порядке»¹⁷. Сам Сталин признавал, что эта директива была «совершенно исключительной как по своему тону, так и по своим требованиям». Директива эта кончалась угрозой в адрес руководителей партийных организаций в случае, если они не добьются в кратчайший срок решительного перелома в хлебозаготовках.

В ответ на требования центра Сибкрайком ВКП(б) 17 января 1928 г. направил в основные хлебозаготовительные округа директиву о привлечении органами ОГПУ к ответственности «кулаков», как злостных спекулянтов. Для руководства хлебозаготовительной кампанией на местах при партийных комитетах создавались штабы. В Сибири была образована краевая тройка по хлебозаготовкам в составе секретаря крайкома, председателя крайисполкома и заведующего крайорготделом. В течение января подобные тройки возникли во всех округах и районах.

Наступление на зажиточное крестьянство

В целях ликвидации «прорыва» в хлебозаготовках Сталин 15 января 1928 г. выехал в Сибирь, где пробыл до 6 февраля, посетив основные хлебные районы края. Он принял участие в заседаниях бюро Сибирского крайкома ВКП(б) в Новосибирске, в заседаниях бюро окружных комитетов партии и совещаниях актива омской, барнаульской, бийской и рубцовской окружных партийных организаций совместно с представителями Советов и заготовительных организаций. Сталин в чрезвычайно резкой и грубой форме критиковал местных работников (председателя Сибсельхозкредита С.И.Загуменного и др.) за опасения, что применение чрезвычайных мер вряд ли целесообразно, ухудшит социально-политическое положение в деревне и потребовал сменить тех представителей прокурорской и судебной власти, которые «стараются жить в мире с кулаком». В речи, которая была опубликована впервые лишь в 1949 г., он так характеризовал сибирских представителей «прокурорской и судебной власти»: «Почти все они живут у кулаков, состоят у кулаков в нахлебниках и, конечно, стараются жить в мире с кулаками... Непонятно только, почему эти господа (подчеркнуто автором — Н.Г.) до сих пор еще не вычищены и не заменены другими...»¹⁸ Эта «установка» Сталина вызвала массовую «перетряску» местных работников, особенно кооперативных (осуществлявших заготовки) и судебных органов.

В постановлении бюро Сибкрайкома ВКП(б), принятом на заседании с участием Сталина (18 января 1928 г.), говорилось: «Считать абсолютно обязательным обеспечение выполнения плана заготовок для центра в 60 млн пудов...

В дополнение к решению бюро крайкома от 17 января (привлечение в каждом из основных хлебозаготовительных районах нескольких кулаков (4—10), располагающих большими запасами хлеба, использующих хлебные затруднения для спекуляции, взвинчивания цен, задер-

жки и невыпуска хлеба, как злостных спекулянтов с конфискацией хлеба, считать необходимым, чтобы проведение этой меры (в порядке 107 ст. УК) происходило от имени прокуратуры... через нарсуды в особо срочном и не связанном с формальностями порядке... с широким опубликованием приговоров и решений в печати, через сельсоветы»¹⁹. Этим же постановлением предполагалось подвергать репрессивным мерам зажиточных крестьян за несвоевременную сдачу сельхозналога, усилить борьбу с самогоноварением, намечалось дополнительно направить работников краевых организаций в деревню и т.п.

В выступлениях в Сибири Сталин свел проблему трудностей хлебозаготовок к «кулацкому саботажу», а пути преодоления их — к применению 107 ст. УК РСФСР и развертыванию «вовсю» строительства колхозов и совхозов. «Нужно покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами (и совхозами), способными заменить, как сдатчиков хлеба государству, не только кулаков, но и индивидуальных крестьян»²⁰. В то время (ведь не высохли еще «чернила» резолюций XV съезда партии!) Сталин говорил о колхозном строительстве, как о сравнительно длительном процессе: предполагалось, что в ближайшие 3—4 года колхозы должны дать не менее третьей части потребляемого хлеба. Однако вскоре (через полтора года) это представление будет Сталиным кардинально пересмотрено и отброшено. Но уже начиная с «сибирских» речей Сталина, коллективизация крестьянских хозяйств стала все более рассматриваться не как самостоятельная цель социалистического переустройства общества, осуществление которой мыслилось произвести постепенно в течение целой исторической эпохи, а как подчиненное средство решения хлебной проблемы в возможно более короткие сроки, не считаясь с социальными потерями и их последствиями.

На практике 107 ст. УК применялась весьма расширительно. Согласно ей, к судебной ответственности (лише-

Наступление на зажиточное крестьянство

нию свободы с полной или частичной конфискацией имущества) подлежали лица за скупку и перепродажу сельскохозяйственных продуктов с целью наживы; в действительности же эта статья стала широко применяться как наказание за хранение и отказ продавать государству хлеб. Следовательно, применение этой статьи зависело практически не от преступного деяния, а от хода хлебозаготовок.

В Сибири повсеместно были проведены открытые судебные процессы над «кулаками», саботажниками и спекулянтами. С января по март 1928 г. к судебной ответственности привлечено около 1 тыс. чел. с конфискацией 700 тыс. пудов хлеба. Кроме того, были конфискованы 78 мельниц, 68 амбаров, закрыто около 1500 кожевенных заводов ²¹. Экспроприация этих средств производства в условиях острой нехватки предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья и дефицита товаров была абсолютно нецелесообразна и явилась, по сути дела, прологом «раскулачивания».

Положение с хлебом вновь обострилось весной 1928 г. вследствие гибели озимых на Северном Кавказе и Украине и резкого сокращения заготовок в этих районах. В создавшихся условиях ЦК ВКП(б) потребовал от сибирских организаций неукоснительного выполнения плана хлебозаготовок. 3 июня 1928 г. состоялось «хлебное совещание» при Сибкрайкоме ВКП(б), в котором принял участие секретарь ЦК ВКП(б) С.В.Косиор. В постановлении совещания говорилось: «Совещание считает необходимым: установить на июнь месяц твердый план заготовок в общих цифрах по Сибкраю ни в коем случае не менее, чем в 5—5,5 миллионов пудов, который может и должен быть выполнен при всяких обстоятельствах». Вновь было решено, наряду с разъяснительной работой среди крестьянства, «усилить нажим» на зажиточные слои деревни, продолжив применение 107 ст. УК ²².

По данным на середину 1928 г., в Сибирском крае ст.107 УК была применена к 1589 «кулакам», саботажникам и

спекулянтам. Наибольшее количество «кулаков» привлекалось к ответственности в Юго-Западной Сибири, и особенно в Славгородском, Омском, Бийском, Каменском, Новосибирском округах. Средние размеры конфискованных запасов хлеба на одно хозяйство в большинстве округов приближалось к 1 тыс. пудов, а по некоторым округам были больше (в Рубцовском — 1607, Минусинском — 1220, Тулуновском — 1143, Ачинском — 1069, Бийском — 1018 пудов). Размеры конфискованного хлеба в целом, а также в расчете на осужденное хозяйство были невелики. Действительность резко расходилась с оценками Сталина («в кулацких хозяйствах имеются излишки хлеба по 50—60 тысяч пудов на каждое хозяйство, не считая запасов на семена, продовольствие, на корм скоту»²³). Число крестьян, имевших хлебные излишки, превышающие 1—1,5 тыс. пудов, было невелико. Источники свидетельствуют лишь об отдельных фактах. Так, кулак Теплов из Покровского района Рубцовского округа имел 15 тыс. пудов хлеба, кроме того, около 40 лошадей, 55 голов крупного рогатого скота, сотню овец. У кулака Анисимова из того же района запасы зерна составляли 6 тыс. пудов (в хозяйстве было 30 голов рогатого скота, сотня овец, сложная молотилка и т.д.)²⁴.

Из числа осужденных, по данным Сибкрайкома партии, 93,2% составляли зажиточные крестьяне и торговцы, 6,5% — середняки и 0,2% — бедняки. В некоторых округах и районах число осужденных по 107 ст. УК крестьян, впоследствии отнесенных к середнякам, было значительно большим: в Кузнецком округе — 26,1%, в Бийском — 13,6%, в Омском — 13,1%²⁵. Общее число репрессированных середняков и бедняков было, по-видимому, значительно большим.

В ряде районов допускались произвольные методы заготовок: подворный обход всех крестьян, проверки амбаров, обыски, обложение заданиями по хлебосдаче всех дворов. Подобные методы практиковались во многих

Наступление на зажиточное крестьянство

районах Омского округа. Грубейшие нарушения законности и массовое применение мер принуждения к крестьянам были допущены в Кузнецком округе. Бюро Сибкрайкома ВКП(б) 18 февраля 1928 г. объявило выговор Кузнецкому окружному партии за искривление партийной линии в хлебозаготовках, в частности за применение чрезвычайных мер к середнякам. Орган Сибкрайкома ВКП(б) — журнал «На ленинском пути» — отмечал ошибки хлебозаготовителей в Покровском, Курьинском, Минусинском, Уч-Пристанском районах, где чрезвычайные меры применялись не только к «кулакам-саботажникам», но и значительной части середняков и бедняков²⁶. В постановлении IV пленума Сибкрайкома (3—7 марта 1928 г.) признавались «грубые извращения» в хлебозаготовках, «голое администрирование», «нажим на деревню в целом», что выражалось «в prodrazverstochном уклоне (разверстка заданий по дворам, расписки о вывозе хлеба, разгон базаров, конфискация по ст. 107 средств производства и домашнего обихода и т.п.)»²⁷.

Применение чрезвычайных мер в известной мере содействовало выполнению плана хлебозаготовок: к концу августа 1928 г. краевой план был выполнен на 96% (к концу января — лишь на 42%), всего было заготовлено 81 млн пудов (почти на уровне предыдущего года)²⁸. Однако политическая обстановка в деревне значительно осложнилась. Переход к чрезвычайным мерам, особенно допущение насилия и произвола вызвали протест крестьянства. Он выражался в разных формах: письма в местные и центральные партийные и советские организации, в газеты, «бабы волюнки», открытые формы сопротивления (коллективный отказ сдавать хлеб, растаскивание конфискованного зерна из амбаров и т.п.). Весной 1928 г. в районах Западной Сибири на почве протеста против репрессивных методов заготовок было зафиксировано 11 открытых выступлений (число участников от 15 до 300 чел.)²⁹.

Применение антикрестьянских репрессий значительно расширилось во время хлебозаготовительных кампаний 1928/29 и 1929/30 гг. Хлебозаготовки в 1928/29 г. первоначально предполагалось проводить без применения чрезвычайных мер. Однако весной 1929 г. вновь возникли затруднения, связанные в основном с тем, что в условиях, когда разрыв между заготовительными и рыночными ценами достиг 2—3 раз, крестьяне не были экономически заинтересованы сдавать хлеб по твердым ценам. В конце зимы — начале весны 1929 г. заготовки хлеба, а также общие его запасы резко сократились. В связи с этим февральский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) признал допустимым временное применение чрезвычайных мер к зажиточным держателям хлеба.

С весны 1929 г. стал широко практиковаться новый метод хлебозаготовок, который впервые стал применяться на Урале и в Сибири и поэтому впоследствии получил название «урало-сибирского». Под давлением уполномоченных на сельских сходах выбирались в основном из бедняков и местных функционеров комиссии содействия хлебозаготовкам, которые должны были определять задания по продаже хлеба зажиточным односельчанам. Крестьяне, не подчинявшиеся постановлениям своих сельских сходов, шли на нарушение существовавших законов, согласно которым обязательства, налагаемые на отдельных крестьян сельскими сходами, рассматривались как государственная повинность, и неисполнение ее влекло за собой особые меры воздействия по ст.61 УК: с виновных взымали штраф в пятикратном размере по отношению к заданию, оказавшие же сопротивление могли подвергаться лишению свободы. Это, по сути дела, означало переход к новым организационным принципам хлебозаготовок. Раньше хлебозаготовительный план устанавливался для края и округа, а также по заготовительным организациям, район и село такого плана не имели. Теперь стал приниматься план по селам, а внутри села

Наступление на зажиточное крестьянство

определялся размер излишков, которые должны были сдавать кулаки и середняки (чаще всего 65% плана разверстывалось на зажиточные дворы, а 35% на середняцкие).

Следует признать, что традиционное изображение в историографии «урало-сибирского» метода хлебозаготовок («самообложение») как почина-инициативы низов крестьянства следует признать неверным. Этот метод повсеместно внедрялся сверху, административным путем, «хлебными тройками», специальными уполномоченными. Конечно, беднота, освобожденная не только от сельхозналога, но и от хлебных поставок, а также партийные функционеры в основном одобрительно относились к нововведению. Так, Рубцовский окружком партии сообщал сразу же после принятия Сибкрайкомом решения о повсеместном распространении «нового метода»: «Беднота в основном везде поддерживает новые методы, середняки выжидают, но в последний момент идут за наиболее сознательными — берут обязательства, сдают хлеб»³⁰. Однако значительная часть деревни отрицательно встретила новый порядок хлебозаготовок и пыталась протестовать.

Недовольство крестьян применением репрессивных мер признавал Л.М.Каганович, совершавший в то время инспекционную поездку по районам Сибири. В письме секретарю Сибкрайкома С.И.Сырцову 1 апреля 1929 г. «О хлебозаготовках в Барнаульском округе» он писал: «Продажа по пятикратному обложению вызывает, конечно, большое недовольство... Это совершенно естественно. У ряда крестьян это недовольство усугубляется тем, что это не по суду, а решается тут же местной сельской комиссией и сельскими властями»³¹. Как выход из положения автор письма предлагал больше привлекать крестьян к судебной ответственности. Судебные репрессии, наряду с административными, получали все большее распространение в крае. Грубые нарушения законности, по признанию Сибкрайкома партии, выражались в «подмене

методов и форм общественной работы по хлебозаготовкам во всех стадиях (принятие селом задания, выполнение) мерами административного порядка»; в неправильном распределении заданий между зажиточной группой хозяйств и другими хозяйствами (иногда план распределялся поровну среди всех хозяйств); в «недостаточном использовании средств общественного воздействия на середняков, задерживающих продажу хлеба (стенгазета, соревнование, разъяснительная работа, отчет перед сельсоветом и т.п.)», «применение вместо этих мер по отношению к середнякам меры принуждения наравне с кулаками», в организации «карнавалов под чернопозорным знаменем» неслатчиков хлеба, необоснованных «бойкотов» крестьянских дворов вне зависимости от социальной дифференциации, соединение хлебозаготовок с закрытием церквей ³².

На необоснованно, по его мнению, широкое применение ст.58 УК (контрреволюционная деятельность) к крестьянам указывал даже полномочный представитель ОГПУ по Сибирскому краю Л.М.Заковский в докладе на пленуме Сибкрайкома в марте 1929 г. ³³ Как признавалось в отчете краевого суда и прокуратуры, «в кампанию 1928—29 года... в ряде округов края (Камень, Рубцовка, Славгород) кое-где на местах творилось безобразнейшее насилие над крестьянами, в том числе середняками и бедняками» ³⁴.

Репрессивные меры в хлебозаготовительную кампанию 1928/29 г. значительно превосходили по своему размаху предыдущий год. По неполным данным 13 округов, к маю 1929 г. было описано около 8 тыс. хозяйств, в том числе более 4,2 тыс., имущество которых распродано ³⁵. Хотя большинство репрессированных, по тогдашней классификации, были кулаками, в их числе были и крестьяне, относимые к середнякам, а иногда и к беднякам (неудобные местным чиновникам, строптивые и т.п.). Так, в информационной сводке Томского окружкома партии сооб-

Наступление на зажиточное крестьянство

щалось: «По 9 районам снято описей 99, возвращено имущества по 7 районам 39 хозяйствам. Сейчас заканчивается работа по дополнительному возвращению проданного имущества в остальных районах». В сообщении Каменского окружкома партии говорилось: «Есть случаи продажи хозяйств с доходом менее 550 руб. ...Районы приступили к пересмотру проданных хозяйств в целях исправления допущенных ошибок. С 18 до 23 апреля восстановлено частично и полностью 14 хозяйств, из них середняцких — 13 и маломощных — 1» ³⁶.

Принятые меры, означавшие, по сути дела, переход к разверсточному принципу, привели к выполнению плана хлебозаготовок (заготовлено 105,6 млн пудов зерна), однако социально-политическая обстановка в деревне еще более обострилась. Волна разнообразных протестов значительно поднялась по сравнению с предыдущим годом: сотни листовок, «бабьих волюнок» (число их, по примерным подсчетам, достигло 150), открытых выступлений против репрессий. В Барнаульском округе зафиксировано около 20 случаев отказа допустить к описи и продаже имущества сельских исполнителей и милиционеров и избиение их. В ряде мест протест приобрел характер массовых выступлений против местных властей. Подобные выступления зафиксированы в селах Ново-Тарава и Сунгай Верх-Чумышского района, Хабазино Чистюньского района и др. В Бийском округе произошли десятки выступлений, в которые были вовлечены несколько тысяч крестьян. Начались массовая распродажа имущества и бегство в города зажиточных крестьян, пытающихся избежать угрозы описи и распродажи хозяйства. Всего зимой 1928/29 г. в крае было зафиксировано более 400 таких случаев ³⁷. В последующие годы (в конце 1929, в 1930—1931 гг.) бегство из деревни как форма протеста и спасения от репрессий охватили в Сибири десятки тысяч крестьянских хозяйств и превратились в подлинное бедствие.

Сложившийся на практике разверсточный порядок хлебозаготовок в середине 1929 г. был законодательно закреплён. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1929 г. «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов» узаконивало практиковавшийся ранее в качестве чрезвычайных мер порядок установления плановых заданий селам и раскладку сельского плана по отдельным дворам, а также обязанность продажи государству по твердой цене излишков хлеба зажиточной частью деревни ³⁸. Количество зажиточных хозяйств, получивших в 1929/30 г. твердые задания, составило 108 тыс. (7,1% всех крестьянских хозяйств). Они должны были сдать 329 тыс. т хлеба, около одной четверти всех хлебозаготовок ³⁹. Репрессивные меры приобрели еще больший размах. В Славгородском округе на 1 декабря в пятикратном размере обложено 1299 хозяйств, распродано имущество 1206 хозяйств, осуждено по ст.61 525 чел.; в Бийском округе на 10 декабря в пятикратном размере обложено 1099 хозяйств, осуждено по ст.61 134 чел., по другим статьям УК — 115 чел., объявлен «бойкот» 284 «кулацким» и 164 «зажиточным» хозяйствам. Общее число привлеченных к ответственности по ст.61 УК достигло 15,3 тыс. чел. Всего за «саботаж» выполнения твердых заданий по хлебозаготовкам около 13 тыс. зажиточных хозяйств было оштрафовано в пятикратном размере, около 6 тыс. крестьян осуждено судом, из них около 2 тыс. выселено за пределы прежнего местожительства ⁴⁰.

Наступление на позиции зажиточных слоев деревни происходило и в сфере кооперативного и колхозного строительства. На базе нэпа сравнительно успешно развивались все виды кооперации. Добровольность объединения, большая хозяйственная самостоятельность, относительно свободное (хотя и ограниченное государством) функционирование рыночных отношений способствовали широкому развитию различных торговых форм

Наступление на зажиточное крестьянство

кооперации — потребительской, кредитной, сбыто-снабженческой и часто на их основе происходил постепенный рост простейших производственных объединений. По данным на 1 октября 1927 г. в стране кредитно-торговые формы кооперации охватывали около трети крестьянских хозяйств, простейшие производственные объединения (машинные, семеноводческие и т.п.) — примерно 3%. Кроме того, успешно развивались потребительская кооперация (объединяла до половины крестьянских хозяйств) и кустарно-производственные кооперативные объединения. Все виды кооперации охватывали около двух третей товарооборота между городом и деревней. По количественным параметрам кооперация развивалась по восходящей линии до осени 1929 г. На октябрь этого года потребительская кооперация охватывала свыше 58% крестьянских хозяйств, сельскохозяйственная торгово-кредитная кооперация — около 50%, простейшие производственные объединения — 17—18%, колхозы — 7,6% ⁴¹.

В Сибири, в условиях относительно высокой степени товарности сельскохозяйственного производства (особенно в молочном животноводстве), кооперация развивалась еще более успешно: по данным на 1 октября 1929 г. в Сибирском крае 38,4% крестьян состояло в кредитной кооперации, 49,4% в молочной и 28,7% в простейших производственных объединениях: за вычетом двойного членства примерно 78—80% сибирских крестьян было охвачено различными видами сельскохозяйственной кооперации. Кроме того, потребительская кооперация охватывала почти 90% крестьянских хозяйств ⁴². Налаживая экономические связи между городом и деревней, внедряя коллективистские начала в торгово-рыночные отношения, кооперация содействовала развитию производства, укреплению естественных связей между мелкотоварным крестьянским хозяйством и государственной индустрией. Нельзя не согласиться с выводом В.П.Данилова: «Несо-

мненно успешное развитие кооперации в условиях нэпа, но столь же несомненно и то, что ни одна из форм кооперации того времени не исчерпала ни возможностей роста, ни тем более своей преобразующей роли»⁴³.

Однако по мере усиления внеэкономических методов государственного регулирования традиционные кооперативные принципы деформировались и кооперация все больше «огосударствливалась». Гипертрофирование «классового подхода» во всей экономической политике (землеустройство, налоги, кредиты и т.п.) подрывало возможность развития и участия в кооперации «культурных», наиболее товарных крестьянских хозяйств, ослабляло финансовую базу кооперативов. Доля паевых взносов и вкладов населения по сравнению с дореволюционным периодом резко снизилась: в кредитной кооперации с 50—60% до 10—11%. Преобладали заемные средства, составлявшие 50—60% в составе баланса. Соотношение собственных и заемных средств во второй половине 20-х гг. и в среднем по стране равнялось примерно 1:5⁴⁴. Иждивенческие настроения свидетельствовали о малой заинтересованности крестьянства в действительном участии в кооперации.

Позиции зажиточных крестьян в кооперативах все более теснились, регулярно проводились «проверки» социального состава и «чистки» кооперативов; крестьяне, отнесенные к кулакам, были лишены права избираться в состав правлений и ревизионных комиссий. В постановлениях от 28 июня 1928 г. «О состоянии и работе Иркутской окружной партийной организации» и от 12 сентября 1928 г. «О практическом проведении Бийским окружкомом решений XV партсъезда» ЦК ВКП(б) отмечал большую «засоренность» партийных, советских, кооперативных организаций «классово чуждыми элементами», «кулаками» и указал на необходимость проведения «чистки», ликвидации «лжекооперативов» и «лжеколхозов»⁴⁵. 26 июня 1928 г. ЦК компартии принял постановление

Наступление на зажиточное крестьянство

о проведении «проверки» кооперативного аппарата в целях «очищения» от «классово-чуждых элементов»⁴⁶. На основе указаний ЦК ВКП(б) в 1928 г. в Сибири была проведена «проверка» социального состава кооперации и, прежде всего, аппарата управления ею всех уровней. В ходе «проверки» из управленческого аппарата было «вычищено» большое количество кооперативных работников в основном по причинам социального происхождения. На место «вычищенных» на работу в кооперацию было направлено несколько сотен партийных и советских работников — «идейно зрелых», но не опытных, не знавших существа кооперативной деятельности. Всего с июля 1928 г. по июль 1929 г. на работу в аппарат сельхозкооперации Сибири направлено 986 чел., из них 837 чел. из партийного и советского аппарата, 41 «работников с производства», 12 батраков, 27 «крестьян от сохи»⁴⁷. В результате такой кадровой политики, во-первых, грубо нарушалась кооперативная демократия: вместо подлинной выборности, низовым членам кооперации навязывались «сверху» руководители, зачастую некомпетентные; во-вторых, осуществлялась изоляция, «избиение» опытных кооперативных кадров. Как отмечалось на собрании уполномоченных Сельскосоюза (июль 1927 г.), многие из «честнейших, лучших кооперативных работников сидят по тюрьмам..., они виноваты только в одном — в излишнем желании работать на пользу народа, а не в чем-либо другом..., нужно осторожно обращаться с честными старыми работниками кооперации»⁴⁸.

По мере усиления «чрезвычайщины» наступление на зажиточных крестьян-кооператоров возрастало. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. «об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» говорилось: «Исходя из задач дальнейшего развития наступления на кулачество и принимая во внимание лишение кулачества права голоса в земельных обществах, считать необходимым лишение права голоса во всех

видах кооперации кулаков и нетрудовых элементов, лишенных избирательных прав в Советы»⁴⁹. В 1929 г. в связи с усилением кооперирования бедноты ее удельный вес в кооперации еще более поднялся, а зажиточных крестьян сократился. Доля вновь принятых в кооперации зажиточных крестьян составляла к 1929 г. лишь 4,3%⁵⁰, а к концу этого года их приток в объединения практически прекратился. Все это подорвало доверие крестьян к кооперации и вело, по сути дела, к ее уничтожению.

В обстановке все усиливающегося курса на администрирование и применение репрессивных мер к крестьянству, особенно к его верхним слоям, все виды кооперации стали рассматриваться исключительно как «путь к колхозам». Этой цели служили многочисленные организационные перестройки кооперативной системы, развернувшиеся в 1928—1929 гг. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. на место разнообразных типов сельскохозяйственной кооперации рекомендовалось создание единых товариществ поселкового типа, перед которыми все более выдвигалась в качестве центральной задача непрерывного повышения уровня обобществления средств производства и на основе этого перерастание в высшую колхозную форму. Показателен сам факт директивного регламентирования ЦК партии конкретных форм и принципов функционирования кооперативной организации, которая по самой своей природе может быть жизнеспособной только на основе самостоятельности, самоуправления и демократизма. Впрочем, в условиях все большего укрепления командно-административной системы это становилось нормой в отношениях руководящей партийно-государственной элиты с обществом. К концу 20-х гг. государство регулировало практически все аспекты работы кооперативной системы: заготовительные и сбытовые цены, условия заготовки и реализации продукции, внешнюю торговлю, размеры торговых и накладных рас-

Наступление на зажиточное крестьянство

ходов, капиталовложений и т.д. Функции Союза союзов сельскохозяйственной кооперации все более ограничиваются, руководство кооперацией фактически полностью переходит к государственным учреждениям. В марте 1931 г. Союз союзов был ликвидирован, вся развернутая система сельскохозяйственной кооперации была сломана.

Усиление административных начал и «антикулацкой» политики наблюдалось в 1928—1929 гг. и в колхозном строительстве. До XV съезда партии колхозное движение в Сибири, как и в целом по стране, носило в основном опытный характер: на октябрь 1927 г. в сибирской деревне насчитывалось 697 колхозов, объединявших 10,4 тыс. крестьянских хозяйств (0,7% от числа всех хозяйств). По степени охвата крестьян колхозами Сибирь находилась примерно на среднем уровне страны, где было коллективизировано 0,8% крестьян⁵¹. Колхозы являлись сравнительно мелкими хозяйствами. В них объединялось в Сибири в среднем 58 чел.; три четверти составляла беднота, около одной четверти — середняки (зажиточные — 2—3%). Колхозы, особенно коммуны, долгое время всячески поощрялись как центральными, так и особенно сибирскими директивными органами (Сибкрайкомом ВКП(б), Сибкрайисполкомом, органами Колхозцентра и др.). Но и в условиях наибольшего благоприятствования колхозы в своей массе (за исключением «маяков») не могли стать для крестьянства наглядным примером для массового подражания. Валовой доход на одного работника в 1926/27 г. в артелях был почти в 2 раза ниже, чем в индивидуальных крестьянских хозяйствах, а в тозах — в 3 раза (только в коммунах выше, что в значительной мере определялось тем, что они получали в 2—3 раза больше кредитов⁵²).

Новые процессы в колхозном строительстве начались после XV съезда партии и выразились в резком ускорении темпов роста, в укрупнении колхозов, в повыше-

нии уровня обобществления средств производства, в некотором увеличении доли середняка в объединениях. С конца 1927 до середины 1929 г. число колхозов возросло в 5 раз, а количество объединенных в них крестьян в 6,5 раза — с 0,7 до 4,5% (в стране с 0,8 до 3,9%)⁵³.

Сдвиги в колхозном строительстве и прежде всего ускорение его темпов были следствием совокупности различных факторов, главный среди них — усиление воздействия и помощи со стороны государственных органов: предоставление наиболее ценных земель и преимуществ в землеустройстве, возрастание кредитования, машиноснабжения и т.п. Однако рост технической вооруженности (главным образом обеспеченность тракторами) не поспевал за ростом коллективизации. Почти половина коммун, больше 3/4 артелей и свыше 9/10 тозов обрабатывали землю конной тягой. Колхозы примерно в 3 раза были хуже обеспечены тягловой силой, чем крестьянские хозяйства⁵⁴. Техническая отсталость свидетельствовала о неоправданности форсированных темпов колхозного строительства.

По социальному составу колхозы продолжали оставаться бедняцко-батрацкими (хотя доля середняков в них увеличилась). По данным выборочного обследования 18 тыс. крестьянских хозяйств в 11 гнездах, проведенного экономико-статистическим сектором Сибплана, на 1 июля 1929 г. в составе колхозов было 16,1% батраков, 32,6% бедняков, 47% середняков и 4,3% «кулаков»⁵⁵. «Кулаков» продолжали принимать в колхозы до середины 1929 г. На XVI партийной конференции состоялась дискуссия по данной проблеме, в ходе которой были высказаны различные позиции. Летом 1929 г. ЦК ВКП(б) одобрил решение Северо-Кавказского крайкома о проведении чистки колхозов от «кулаков» и запрещении в дальнейшем принимать их в коллективы⁵⁶. До этого вопрос на местах решался по-разному. Сибирская партийная организация занимала последовательную позицию, за-

Наступление на зажиточное крестьянство

крепленную в решениях IV Сибирской партийной конференции (25 февраля — 5 марта 1929 г.): кулаков в колхозы, а также в простейшие производственные объединения не допускать⁵⁷.

Однако были и противоположные мнения и действия. В среде руководства кооперативно-колхозной системой, а также части партийных и советских работников, ученых-аграрников имела оппозиция жесткому курсу на изгнание из кооперации и колхозов кулачества, в категорию которого включались все более широкие слои крестьянства. Так в Ельцовском, Новониконовском (Бийский округ) и в ряде других районов поощрялось вступление в колхозы зажиточных крестьян. Председатель коммунистической фракции Союза союзов сельхозкооперации Комаров и член бюро ячейки Адатынь выступили за пересмотр решений конференции и допущении кулака в колхозы⁵⁸. Сибкрайком ВКП(б) 17 сентября 1929 г. принял постановление, осуждающее решение фракции Союза союзов о допущении кулачества в колхозы. Сибкрайком ВКП(б) отмечал, что «принятое фракцией Союза союзов решение о допущении кулачества в колхозы при сплошной коллективизации расходится с основными политическими установками партии и противоречит решениям 4-й Сибпартконференции, где прямо указано на «недопущение кулацких хозяйств в объединение и организация последних исключительно из бедняцко-середняцких слоев деревни...» Предложить фракции Союза союзов немедленно отменить это свое решение, являющееся грубым извращением правильной классовой линии партии». Перед фракцией Союза союзов ставилась задача «в ближайшее время провести чистку колхозов и производственных объединений от кулацкого элемента»⁵⁹. Грубое давление, приказной характер указаний все более становятся практикой взаимоотношений партии с представителями кооперативно-колхозной системы.

Распространенный в историографии тезис о развитии колхозного движения до конца 1929 г. на «здоровой основе», как исключительно добровольном движении снизу трудящихся масс деревни нуждается в критическом переосмыслении. Подстегивание коллективизации «сверху» началось уже вскоре после XV съезда партии в связи с первым кризисом хлебозаготовок. В документах центральных и местных партийных органов стали даваться прямые директивы — задания по форсированию коллективизации. В специальном письме от 27 апреля 1928 г. «О коллективизации деревни», адресованном всем окружкам и райкомам партии, Сибкрайком ВКП(б) поставил задачу «в течение ближайшего года по крайней мере удвоить число крестьянских дворов, втянутых в обобщественное производство (в сложные колхозы)». Сибкрайком предупреждал, что оцениваться работа парторганизаций будет по успехам в колхозном строительстве⁶⁰. Весной 1928 г. Новосибирский, Омский и ряд других окружкомов партии стали составлять планы коллективизации. Начиная с 1928/29 г., планирование становится всеобщим: партийные организации составляют обязательные для выполнения развернутые планы-задания коллективизации по годам и на пятилетие. В колхозном строительстве, как и в других сферах жизни, партия выступала непосредственным директивным руководителем, все более игнорируя кооперативную природу колхозов, демократическую сущность кооперативно-колхозных объединений.

Начавшийся ускоренный рост колхозного строительства не сопровождался качественными улучшениями: по многим показателям они даже снижались. В тезисах Сибкрайисполкома по колхозному строительству в крае, составленных в начале октября 1929 г., отмечались многие серьезные недостатки: «Середняк еще в слабой степени участвует в колхозном движении. Основную причину этого явления нужно искать в сравнительно

Наступление на зажиточное крестьянство

небольшом хозяйственном преимуществе значительной части колхозов перед середняцким хозяйством...» Крайисполком отмечал, что особенно «угрожающее положение» создается с тракторизацией и механизацией коллективного хозяйства, «ножницы» между тракторизацией и ростом посевных площадей с каждым годом становились все больше. Недостатком являлось и одностороннее полеводческо-зерновое направление в колхозном производстве: «Животноводческое хозяйство развито слабее, чем единоличное крестьянское хозяйство. Средняя обеспеченность крупным рогатым скотом на одного едока в коммунах и сельхозартелях 0,29, а в крестьянском хозяйстве — 0,35 коровы. Односторонность коллективного хозяйства снижает доходность хозяйства и его товарность». Сибкрайисполком делал вывод: «Слабая механизация и интенсификация коллективного хозяйства, значительная избыточность рабочей силы, особенно в зимнее время, являются объективными причинами низкой производительности труда. Кроме того, большое влияние на производительность оказывают факторы субъективного порядка: плохая организация труда, отсутствие надлежащей производственной трудовой дисциплины, наличие элементов казенщины среди колхозников в отношении хозяйства коллектива...

Прямым следствием низкой производительности труда и доходности коллективного хозяйства является слабый рост внутриколхозных накоплений. Отсутствие в подавляющей части колхозов систематического учета всех хозяйственных элементов создает неясность результатов хозяйственной деятельности колхозов»⁶¹.

Подобные недостатки в колхозном строительстве отмечаются и в ряде других документов. Так, в материалах 4-ой партийной конференции Иркутского округа (1929 г.) говорилось, что «большинство вновь возникающих колхозов организовались без достаточного учета материальных и естественных условий своего дальнейшего

го развития», кредитование колхозов ведется «бессистемно и беспланово», крайне недостаточно снабжаются колхозы машинами и т.д. Из всего этого делался вывод: «Поэтому наши колхозы чрезмерно слабы... в хозяйственном отношении, образцовой, показательной постановки хозяйства в подавляющем большинстве наших колхозов нет»⁶² (подчеркнуто автором).

Многочисленные документы свидетельствуют, что вместе с ускорением темпов колхозного строительства, особенно со второй половины 1929 г., все более учащались факты администрирования, нарушения добровольности; в стране разворачивалось нездоровое соревнование под лозунгом «Даешь колхозы!» Это особенно наглядно проявилось осенью 1929 г. во время проведения различных ударных кампаний, «недель коллективизации», «разверсточных» заданий, бюрократического планирования сверху, не считаясь с реальными материально-техническими и финансовыми возможностями, с интересами крестьянства, их желанием и готовностью к объединению в колхозы.

Наряду с резким усилением наступления по всем линиям на экономические позиции крупных крестьян все более ограничивались и их политические права, что особенно наглядно проявилось во время кампании по перевыборам Советов в 1928/29 г. В декабре 1928 г. — январе 1929 г. была проведена проверка и чистка сельизбиркомов: из 4422 подвергшихся проверке комитетов исключили 1667 «классово чуждых элементов» (из них 354 председателя сельизбиркома). Всего в крае права голоса были лишены около 166 тыс. «кулаков», «бывших белогвардейцев» и т.п. (4,3% всех избирателей, в 1927 г. — 2,9%)⁶³ (табл.2 приложения).

Экономическая политика «чрезвычайщины», усиление администрирования и репрессий по отношению к значительным слоям крестьянства, естественно, порождали ответные действия «сопротивления» с их стороны. Политическая обстановка в деревне в 1929 г. (особенно к концу года) резко обостряется.

Наступление на зажиточное крестьянство

В литературе традиционно все формы противодействия крестьянства объявлялись «контрреволюционными», «антисоветскими» и «кулацкими», хотя многие из выступлений ни по составу участников, ни по лозунгам и намерениям таковыми не были. Нередко дело изображалось таким образом, что мероприятия Советской власти против кулачества носили якобы оборонительный характер (в ответ на «кулацкий саботаж» хлебозаготовок, налоговой политики и т.п.), что кулачество навязывало гражданскую войну Советской власти. Вряд ли это положение отражает действительность: факты показывают, что многие акты противодействия зажиточных крестьян мероприятиям Советской власти рождались безвыходностью их положения и все усиливающимися репрессиями со стороны государственных органов. Многие формы противодействия (практика придержки хлеба, уклонения от обременительных, разорительных налогов и т.п.) являлись своеобразной крестьянской экономической обороной. Большая часть крестьянских выступлений прямо иницировалась грубым администрированием и насилием над крестьянами.

Отказ от «нэповских» принципов взаимоотношений с крестьянством и коренной пересмотр аграрной политики большевистского режима в конце 20-х гг. вызвал радикальные изменения в направленности социальных процессов в деревне. Применительно к Сибири их можно проследить по натуральным имущественным признакам и прежде всего по посеву (табл.6).

В 1927—1929 гг. наблюдается стабильное сокращение доли беспосевных и малопосевных (до 2 дес.) хозяйств и некоторое уменьшение хозяйств, засевающих от 2 до 4 дес. пашни. Средние группы (с посевом от 4 до 10 дес.) постоянно растут. В 1927—1928 гг. продолжается рост числа хозяйств с посевом свыше 10 дес., однако к 1929 г. их доля снижается. Удельный вес группы с посевом свыше 16 дес. резко уменьшается.

Таблица 6
Группировка крестьянских хозяйств Сибирского края
по посеву (по данным 10-процентных выборочных
обследований), % *

Год	Без посева	С посевом, дес.					
		до 2	2,1—4	4,1—6	6,1—10	10,1—16	свыше 16
1927	6,9	24,1	27,1	18,3	16,0	5,9	1,7
1928	6,6	22,8	26,0	19,3	17,8	6,1	1,4
1929	5,4	21,1	26,1	20,7	20,3	5,7	0,7

* Сибирский край... — С.266—267.

Принципиально те же изменения прослеживаются в динамике группировки по наличию скота (табл.7).

В 1928 г. по сравнению с 1927 г. снижается доля хозяйств без рабочего скота и коров и имеющих всего одну голову скота, увеличивается средняя группа (две-три головы рабочего скота и коров), а также число хозяйств с четырьмя головами и более, что соответствует тенденциям изменения групп по посеву. Но в 1929 г. начинает снижаться не только процент хозяйств с большим количеством скота, но и с тремя головами скота, и в то же время увеличивается доля хозяйств без коров и имеющих одну голову рабочего или продуктивного скота. Эти отклонения от общего направления хозяйственного роста деревни объясняются сокращением поголовья в связи с истреблением продуктивного, а затем и рабочего скота накануне массовой коллективизации.

Проведенная в 1929 г. гнездовая динамическая перепись, обработанная по социальным группам, показала ту же

Наступление на зажиточное крестьянство

Таблица 7

Группировка крестьянских хозяйств Сибирского края по наличию скота (по данным 10-процентных выборочных обследований), % *

Год	Без скота		Со скотом, голов							
			1		2		3		4 и более	
	Рабочего	Коров	Рабочего скота	Коров	Рабочего скота	Коров	Рабочего скота	Коров	Рабочего скота	Коров
1927	10,2	6,6	28,6	36,0	38,1	31,5	14,3	13,6	8,8	12,3
1928	8,7	6,1	27,0	34,9	39,3	31,7	15,5	13,8	9,5	13,5
1929	8,0	6,4	28,1	39,0	43,7	32,4	13,9	11,8	6,3	10,4

* Сибирский край... — С.270—271.

тенденцию сокращения полярных групп и рост удельного веса середняцких хозяйств (табл.8).

Таблица 8

Изменение классового состава сибирской деревни в 1927—1929 гг.

(по материалам гнездовых переписей), % *

Классовая группа хозяйств	1927 г.		1929 г.	
	РСФСР	Сибирь	РСФСР	Сибирь
Пролетарские	9,7	9,8	9,0	8,8
Полупролетарские	22,6	20,3	21,1	20,3
Мелкие товаропроизводители	63,8	63,2	67,7	69,1
Мелкокапиталистические	3,9	6,7	2,2	1,8

* Сдвиги в сельском хозяйстве... — С.100.

Усиление административных, в значительной мере волюнтаристских, методов в регулировании социальных отношений по-разному сказалось и на экономических позициях различных социальных групп (табл.9).

Таблица 9

**Изменение имущественной состоятельности
сибирского крестьянства по социальным группам
от 1927 г. к 1929 г. (в сохранившихся хозяйствах) ***

Показатели	Пролетарские слои	Бедняки	Средняки	Кулаки	Крестьян в целом
Стоимость средств производства на одно хозяйство в руб.					
1927 г.	100,3	175,8	568,4	1288,2	495,2
1929 г.	164,3	238,2	541,3	863,3	465,6
Процент хозяйств, изменивших стоимость средств производства в 1929 г. к 1927 г.					
увеличивших	73,0	70,5	47,2	18,3	53,3
уменьшивших	21,6	28,7	52,5	81,7	46,7
Размер посева в среднем на хозяйство, га					
1927 г.	1,5	2,4	5,8	10,7	5,0
1929 г.	2,4	3,6	6,6	9,4	5,8
Количество голов рабочего скота в среднем на хозяйство					
1927 г.	0,5	0,97	2,13	3,18	1,81
1929 г.	0,89	1,25	2,09	2,41	1,83
Количество коров в среднем на хозяйство					
1927 г.	0,81	1,20	2,45	3,81	2,14
1929 г.	1,05	1,31	2,25	2,75	1,98
Процент хозяйств, имеющих сельхозмашины					
1927 г.	1,1	4,5	46,0	84,8	35,9
1929 г.	4,1	11,8	55,3	85,8	43,8
В том числе, имеющих три и более машин					
1927 г.	0,0	0,2	11,3	45,7	10,2
1929 г.	0,1	0,7	13,2	43,8	11,4

* Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами... — С.71—73.

Наступление на зажиточное крестьянство

В наибольшей степени поднялась хозяйственная состоятельность бедняцких слоев деревни. Так, стоимость средств производства у 73% батрацких хозяйств возросла. Общее увеличение стоимости средств производства составило 64%. Размер посева у этих хозяйств вырос на 66,3%, количество голов рабочего скота — на 78, коров — на 29,6%. Возросла стоимость средств производства и у 70,5% бедняков. В целом беднота увеличила стоимость средств производства на 35,5%, размер посева — на 47,7, количество голов рабочего скота — на 29, коров — на 9,2%. Хозяйства, бывшие середняцкими в 1927 г., увеличили размеры посева, а также количество сельхозмашин. Однако произошло некоторое уменьшение стоимости принадлежавших им средств производства, а также количества коров и рабочего скота.

Состоятельность крестьянских хозяйств, отнесенных к кулацким, значительно сократилась. Размер посева уменьшился на 12,2%, количество рабочего скота — на 24,2, коров — на 27,9%. Резко сократился также наем рабочей силы: только 65,7% прибегало к найму (в 1927 г. — 92,1%), а применяло наемный труд свыше 50 дней — 20,7% (в 1927 г. — 81,3%). Среднее число дней найма на одно хозяйство уменьшилось со 168,5 до 54,1, а общее — сократилось почти в 5 раз. Размер арендованной земли по данной категории снижается на 56,5%. В то же время число хозяйств, имевших машины, возросло, хотя и незначительно, — с 84,8 до 85,8%. Увеличилось также количество зажиточных крестьян, сдававших в аренду средства производства. В 1927 г. их было 69,0%, а в 1929 г. — 70,6%, однако объем доходов от этого на одно сдающее хозяйство уменьшается с 46,0 до 37,8 руб.⁶⁴ Снижение удельного веса и экономической мощи верхних слоев деревни определялось совокупностью причин. Одной из них стало экономическое наступление на кулачество, которое приводило к разорению значительной части этого слоя. К экспроприации хозяйств, отнесенных

к кулацким, приводили и чрезвычайные меры в хлебо-заготовках. Кроме того, в ответ на политику экономического ограничения и вытеснения зажиточные крестьяне сокращали размеры своих хозяйств: распродавали имущество, резко сокращали использование наемной рабочей силы. Участились разделы крупных семей, которые иногда носили фиктивный характер, являясь средством укрытия от налогового пресса. Материалы гнездовой переписи 1929 г. показывают, что кулацкие хозяйства были наименее стабильны и часто претерпевали те или иные органические изменения. В 1929 г. лишь 68,6% хозяйств, бывших кулацкими в 1927 г. остались без изменений, 20,6% — разделились, 6,9% — были выселены или ликвидированы⁶⁵. К началу 1930-х гг. можно было говорить уже о практическом исчезновении кулачества как социально-имущественной группы деревни. «Кулак» из социальной категории окончательно превратился в категорию политическую, в которую записывались с соответствующими последствиями все более или менее состоятельные крестьяне, негативно относящиеся к политике большевистского режима. Бедные же крестьяне, высказывающие недовольство властью, относились к «подкулачникам».

Сокращение хозяйственной состоятельности зажиточных крестьян отрицательно сказалось на сельскохозяйственном производстве. Уже в конце 1929 г. сократились все основные его показатели: валовое производство зерна, урожайность, поголовье скота и его продуктивность, товарность основных отраслей земледелия. На этом частично сказался неурожай этого года в ряде местностей Сибири, однако сравнение с показателями по другим районам и в целом по стране свидетельствует, что намечившееся сокращение производства было повсеместным и вызывалось в решающей степени политикой администрирования и «чрезвычайщины». Поэтому о действительных возможностях мелкотоварного крестьянского хозяйства

Наступление на зажиточное крестьянство

в условиях нэпа можно судить на основе сравнительных показателей за 1925—1928 гг. и довоенного периода 1910—1913 гг. Из этого анализа следует, что экономика деревни в Сибири, как и в целом по стране, существенно превзошла довоенные показатели. Анализ тенденций развития сельскохозяйственного производства по социальным секторам также показывает, что традиционный вывод советской историографии о полном исчерпании к концу 20-х гг. возможностей развития мелкотоварного крестьянского хозяйства в свете современного опыта развития нашей страны и мирового опыта кажется несостоятельным. Возможности развития крестьянского хозяйства на принципах нэпа были далеко не исчерпаны, а возникшие негативные тенденции, особенно в 1929 г., были связаны главным образом с социальными факторами, с политикой все более жесткого ограничения предприимчивости состоятельных крестьян и «фаворитизации» бедноты, с усилением административных начал, всевозможных чрезвычайных мер, переросших в фактическое «раскулачивание» и раскрестьянивание.

Напрашивается вывод, что «слом» нэпа в конце 20-х гг. был волюнтаристским актом сталинского руководства, взявшего курс на сверхиндустриализацию и насильственную коллективизацию.

ГЛАВА III

ПЕРЕХОД К МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

И ПОЛИТИКА «ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА». КОНЕЦ 1929—1930 Г.

Очередной радикальный поворот в аграрной политике большевистского государства, как и в его социально-экономической политике в целом, принципиальный отход от предыдущих партийных решений и заданий первого пятилетнего плана произошел во второй половине 1929 г. Если проследить выступления Сталина в 1928—1929 гг., то в них решение хлебной проблемы все в большей степени связывается с форсированным строительством колхозов и совхозов. Первый пятилетний план (октябрь 1929 — октябрь 1933 г.) намечал относительно умеренные темпы колхозного строительства. К концу пятилетки предполагалось коллективизировать 4—4,5 млн крестьянских хозяйств (16—18%), валовую продукцию колхозов поднять с 1 до 11,4%. Зато охват дворов сельскохозяйственной кооперацией предполагалось довести с 37,5 до 85%.

Однако вскоре, уже с лета 1929 г. начинается ревизия заданий первой пятилетки, все более берется курс на форсирование темпов развития как индустрии, так и колхозного строительства. Это признавал и Сталин, по инициативе которого произошел «коренной» и «великий перелом». В статье «Год великого перелома», опубликованной в «Правде» 7 ноября 1929 г., он явно переоценил успехи колхозного строительства, выдавая желаемое за действительное. Он утверждал, что в течение года (с 1928 по 1929 г.) «коренной перелом» в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному

Переход к массовой коллективизации

земледелию» уже произошел, что «благодаря росту колхозно-совхозного движения мы окончательно выходим или уже вышли из хлебного кризиса», что колхозы и совхозы будут «проявлять чудеса роста», что «наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире»¹. Действительное положение дел в сельском хозяйстве находилось в вопиющем противоречии со сталинскими оценками и необоснованными оптимистическими прогнозами.

Курс на чрезмерное форсирование коллективизации, административное «насаждение» гигантских колхозов и совхозов и свертывание всех форм кооперации все более настойчиво навязывались партии и стране в выступлениях Сталина в конце 1929 — начале 1930 г. (речь 27 декабря на конференции аграрников-марксистов, письмо от 10 февраля «Ответ товарищам свердловцам»). Непосредственно по рекомендациям, указаниям и под давлением Сталина и его ближайшего окружения (особенно усердствовали В.М.Молотов и Л.М.Каганович) был принят ряд решений партийных и советских органов, ориентирующих на форсированные темпы коллективизации: решение ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК, постановление ЦК от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» и др. Все это нанесло вред аграрному развитию страны, привело к многочисленным жертвам, в основе которых было допущение в широких размерах насилия по отношению к крестьянству и прежде всего к его зажиточным и середняцким слоям.

Сибирь явилась одним из районов, где порочные методы коллективизации применялись особенно широко. Здесь на основе постановления Сибкрайкома ВКП(б) от 2 февраля 1930 г. и других директивных решений был принят авантюристический курс завершения коллективизации уже весной 1930 г., огромный размах получило

насильственное объединение крестьян в бумажные коммуны-гиганты, происходило в больших масштабах принудительное обобществление всего скота. В первой декаде марта 1930 г. уровень коллективизации в Сибири достиг 52,9% ².

В соревнование по принятию все больших и больших темпов коллективизации включались даже отсталые национальные районы. Так, Ойротский обком партии еще 5 декабря 1929 г. объявил Уйманский, Онгудайский и Усть-Канский аймаки районами сплошной коллективизации, а 8 февраля 1930 г. вынес решение о сплошной коллективизации области, при осуществлении которой было допущено массовое насилие к сельским жителям: насильственный загон в коммуны, аресты недовольных крестьян и служителей культа ³. Массовое закрытие церквей и молитвенных домов было распространено и в других регионах Сибири. В Бурятии областной совет СВБ (Союз воинствующих безбожников) принял решение: «Каждый аймрайсовет должен добиться в течение 1930 г. закрытия минимум одного дацана или церкви в своем районе» ⁴. Факты свидетельствуют, что в ряде районов создание колхозов начинали «со снятия с церковью колоколов», что признавал и Сталин ⁵. По данным 100 районов Западной Сибири на середину 30-х гг. из 1518 молитвенных зданий было закрыто 726. Из них использовано под культурно-просветительные учреждения — 560, под склады — 72, закрыто, но не использовано — 55, сломано или сгорело — 66. Из незакрытых молитвенных зданий (803) функционировало меньше половины — только 374. Численность служителей культа всех направлений сократилась по сравнению с дореволюционной в десятки раз и составила лишь 377 чел. ⁶

Подобная политика вызвала острое недовольство и нередко противодействие крестьян, проявлявшееся в бегстве из деревни, массовом забое скота, антиколхозных выступлениях, выходе из колхозов. За январь-март 1930

Переход к массовой коллективизации

г. в стране произошло не менее 2200 массовых выступлений, в которых участвовало около 800 тыс.чел., то есть в 1,7 раза больше, чем за весь 1929 г.⁷ О нарастающих размерах антиколхозных выступлений в Сибири свидетельствуют следующие данные: в декабре 1929 г. было зарегистрировано одно массовое выступление, в котором участвовало 100 чел. в январе 1930 г. — 8 выступлений и 1700 участников, в феврале — 22 выступления и свыше 2,5 тыс. участников, а за 10 дней марта — 16 выступлений и 2,2 тыс. участников. Только с 1 февраля по 10 марта 1930 г. органы Советской власти «разоблачали» в Сибири 19 «повстанческих организаций», 465 «группировок», в которых состояло свыше 4 тыс. сельских жителей⁸.

В деревне создавалась напряженная политическая обстановка, под угрозу было поставлено, как косвенно признавалось в резолюции XVI съезда ВКП(б), существование большевистского режима⁹. Об этом же говорилось и в письме ЦК от 2 апреля 1930 г. «О задачах колхозного движения в связи с искривлениями партийной линии»: «Практика голого администрирования в деле коллективизации, сопровождавшаяся перенесением на середняков методов борьбы с кулаком, подрывает доверие широких масс крестьянства к политике партии и Советской власти». В письме отмечалось «наличие антиколхозных массовых выступлений» в ряде районов, в том числе и в Сибири, и подчеркивалось, что если бы не были приняты меры по исправлению ошибок, то «мы бы имели теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших низовых работников была бы перебита крестьянами...»¹⁰ Под давлением обстоятельств были приняты срочные меры по смягчению ситуации. 2 марта 1930 г. был опубликован в «Правде» переработанный Примерный устав сельскохозяйственной артели, который, в частности, разрешал иметь колхозникам личное подсобное хозяйство, а также статья И.В.Сталина «Го-

ловокружение от успехов». 14 марта принято постановление ЦК «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Сталин, хотя и осудил допущенные в ходе форсированной коллективизации «извращения», но, во-первых, объединение (в значительной мере принудительное) к 20 февраля в колхозы 50% крестьян расценивал как «серьезный успех», во-вторых, всю ответственность свалил на местных «головотяпов», у которых «закружилась голова от успехов, и они лишились на минутку ясности ума и трезвости взгляда» ¹¹.

Подобная оценка вызвала известную растерянность среди местных работников, многих коммунистов, так как директивы на форсирование колхозного движения давали Сталин, Молотов, Каганович и ряд других руководителей партии, Колхозцентр (особенно его председатель Г.Н.Каминский), Наркомзем, «Правда», «Известия» и другие центральные газеты. Это отразилось в многочисленных обращениях по этому поводу в ЦК партии и лично к Сталину некоторых руководителей местных партийных организаций, а также рядовых коммунистов. Голоса протеста прозвучали и из Сибири. Секретарь Барабинского окружкома партии Вальдин на заседании Сибкрайкома в апреле 1930 г. в ответ на вопрос присутствующего Л.М.Кагановича о настроениях коммунистов говорил: «Настроение у коммунистов такое, что с этим делом и тов. Сталин и ЦК запоздали, что все эти искривления не первый день, и если исправлять, то нужно было бы по этому делу ударить значительно раньше. Такое настроение было на Татарском и Барабинском районных совещаниях... Настроения второго порядка, что сейчас отыгрываются на нас, на низах, стрелочниках, а не думают сколько путаницы внесла Москва, которая переменила устав... Мы сначала принимали старый устав Колхозцентра, только успели его проработать, как был опубликован новый Устав» ¹². В том же духе высказывались многие. Так, в Новосибирском округе бывший

Переход к массовой коллективизации

партизан, член партии Гаврилов заявил, что «теперь во всех перегибах винят низы, вынуждая их извиняться перед крестьянством, тогда как тот же Сталин их заставлял недавно делать обратное»¹³. В информации Сибкрайкома партии 29 марта 1930 г. говорилось, что «во многих местах статья «Головокружение от успехов» и постановление ЦК были истолкованы неверно, а кое-где эти установки внесли растерянность и недоумение работников»¹⁴. В настоящее время становится очевидной справедливость этих высказываний: несомненно, что главную ответственность за эскалацию насилия над крестьянами в начале 1930 г. несет Сталин и его ближайшее окружение.

Встает вопрос: почему именно в конце 1929 г. Сталин и его окружение смогли осуществить резкий поворот в политическом курсе, отбросив только что принятый в мае 1929 г. V Всесоюзным съездом Советов первый пятилетний план? Решающим с точки зрения времени поворотом, по-видимому, было то, что 1929 г. (год 50-летия Сталина, чрезмерно торжественно, с неумными восхвалениями отмеченный) был годом полного утверждения культа «вождя всех времен и народов»: он разгромил «правый уклон», куда были зачислены крупные деятели партии Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, М.П.Томский (последние в то время возможные соперники Сталина в борьбе за руководство партией и страной); важнейшие решения по изменению политического курса он начинает принимать единоначально, не обсуждая даже в ЦК партии. Если в апреле 1929 г. XVI партийная конференция, как можно судить по стенограмме, проходила в обстановке относительно свободной дискуссии (в частности, по вопросу возможности приема кулаков в колхозы), то уже на ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК отдельные критические высказывания об «извращениях» в коллективизации (С.В.Косиора, С.И.Сырцова и др.) нередко пресекались возражениями-окриками (Сталина, Молотова и др.) и потонули в общем хоре ратующих за форсирование темпов.

Принятие же всех последующих директивных решений на различных форумах проходило в обстановке единодушного одобрения дальнейшего «подстегивания» нерепальных, авантюристических темпов индустриализации и коллективизации, прославления великих побед (в значительной части мнимых, одерживаемых тяжелой ценой человеческих трагедий) и «зодчего» этих побед.

Осуществить решающий поворот в политике Сталину и его окружению удалось, используя вызванные ими же трудности в развитии страны, инициируемые свертыванием нэпа. В конце 20-х гг., как уже отмечалось, сокращение производства и заготовок хлеба при резком увеличении потребности в нем в связи с ростом индустрии, городского населения (только механический прирост городского населения составил в 1929 г. 1,4 млн, а в 1930 г. — 2,6 млн чел.¹⁵) создавало в стране критическую ситуацию. Она значительно была усугублена попытками сталинского руководства осуществить «скачок» в темпах создания индустрии. Задания только что принятого пятилетнего плана стали пересматриваться уже в середине 1929 г. В августе темпы развития цветной металлургии подверглись «коренному пересмотру» — задания пятилетки увеличились по основным видам продукции от 1,5 до 4 раз, в январе 1930 г. на 70% повышены задания по выплавке чугуна. Сталин делал попытки «теоретически» обосновать «бешеные темпы» развития индустрии. В статье «Год великого перелома», утверждая, что мы проблему накопления «с успехом разрешили своими собственными силами», он намечал план увеличения капитальных вложений в крупную промышленность с 1600 млн в 1928/29 г. до 3400 млн руб. в 1929/30 г., т.е. свыше чем в 2 раза. Однако вопрос о том, из каких источников можно получить эти накопления, оставался открытым.

В соответствии с новыми директивами, вместо намечаемых по плану 21,5%, темпы роста промышленной продукции должны были достигнуть 32%¹⁶. В докладе

Переход к массовой коллективизации

на XVI партийном съезде Сталин вновь «подстегивает» темпы индустрии, выдвигая задачу выполнения пятилетки «по целому ряду отраслей промышленности в три и даже в два с половиной года»: по чугуну задания повышались с 10 млн до 17 млн т, по цветной металлургии в 2 раза, по тракторам с 55 тыс. до 170 тыс. шт., по автомобилям со 100 тыс. до 200 тыс., по комбайнам (производство которых первоначально не планировалось) до 40 тыс. шт. и т.д.¹⁷ В итоге выдвигалась задача довести прирост промышленной продукции до 45%. Нереальность и авантюристичность выдвигаемых задач показала жизнь: в действительности темпы подъема промышленности были значительно ниже не только намечаемых Сталиным, но и плановых заданий и составили по годам пятилетки соответственно 20,0%; 22,0; 20,5; 14,6 и 5,5%. По важнейшим видам продукции (в натуральном выражении) не были в 1932 г. выполнены даже плановые задания, а повышенные задания достигнуты только в конце 30-х и в 50-е гг.¹⁸

В конце 20-х гг. в руководстве коммунистической партии и страны не было однозначной оценки причин возникших трудностей и путей их преодоления. Группа Бухарина высказывалась за поиски экономических методов решения проблем на базе нэпа. Главные причины «хлебного кризиса» она усматривала в несовершенстве механизма хозяйствования, в частности, в перекосах политики цен, и выход из кризисной ситуации видела в экономических мерах регулирования сельхозпроизводства и аграрного рынка.

Сталин и его окружение главными причинами трудностей считали обострение классовой борьбы, а путями их преодоления — «подавление классовых врагов», отказ от нэпа, переход к исключительно командно-административным методам в решении социально-экономических задач. Возникновение серии хлебных кризисов Сталин объяснял в основном «кулацкой стачкой». По его мнению, решить хлебную проблему можно было только

путем широкого применения чрезвычайных мер против «саботажников» и всемерного «насаждения» колхозов и совхозов. Сталинское руководство, взяв курс на чрезмерное форсирование коллективизации, пыталось преодолеть все трудности за счет крестьянства, предполагая таким путем получить дополнительные средства для промышленности, создать надежную базу заготовок сельхозпродукции (колхозы и совхозы) и покончить с «последним капиталистическим классом» — мелкотоварным крестьянством.

Повороту курса коммунистической партии в конце 1929 г. — начале 1930 г. на непомерное взвинчивание темпов индустриализации и коллективизации содействовала и инициируемая Сталиным борьба с «правым» уклоном. Эта борьба, проводившаяся в 1928—1930 гг., начиная с 1929 г. из сферы идейного противоборства все более переходит в организационную. В условиях культа личности любое несогласие с искусственным форсированием коллективизации начинает квалифицироваться как проявление «правого уклона». М.И.Калинин отмечал, что местные работники форсируют темпы коллективизации не по доброй воле, а потому, что боятся, как бы их не обвинили в «правом уклоне»¹⁹. В этих условиях формируется у работников психология «лучше перегнуть, чем недогнуть». Громить «правых» продолжали и после того, как на ноябрьском 1929 г. Пленуме ЦК они признали свои «ошибки». О необходимости и впредь наносить «сокрушительные удары» по «правому уклону» говорилось на XVI съезде партии. Та же направленность была в решениях и деятельности сибирских партийных организаций. Среди руководящих работников Сибири не было открытых сторонников Бухарина, поэтому здесь был выдвинут лозунг борьбы «с правым уклоном на практике», что тоже приводило к искусственному форсированию колхозного движения.

Переход к массовой коллективизации

В теоретическом переосмыслении и конкретно-историческом исследовании нуждается сталинская «теория» и практика «ликвидации кулачества как класса» — пожалуй, самая трагическая страница истории коллективизации. В основах марксистской теории, хотя и предусматривалась ликвидация сельских капиталистов, предполагалось два возможных пути ее осуществления — насильственный и мирный. Ф.Энгельс в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» писал: «От насильственной экспроприации, вероятно, мы и тут откажемся, но сможем, впрочем, рассчитывать на то, что экономическое развитие научит уму-разуму и эти упрямые головы». Ф.Энгельс полагал, что не нужно будет прибегать к экспроприации кулаков, если они «поймут неизбежность гибели их нынешнего способа производства и сделают из этого необходимые выводы»²⁰. Если брать ленинское «наследие» в комплексе (особенно его работы в годы нэпа), то можно прийти к выводу, что В.И.Ленин, как и Ф.Энгельс, не исключал двух возможных путей ликвидации кулачества как класса: методами «комбедовскими», насильственной экспроприации, и методами мирными, экономическими. Выбор того или иного пути определялся, по его мнению, особенностями исторической обстановки, формами сопротивления кулачества и эксплуататорских классов. В марте 1922 г. в замечаниях на тезисы Е.А.Преображенского, в частности по поводу категорического возражения последнего против насильственных способов борьбы с кулачеством, В.И.Ленин написал, что эта «фраза... (против «комбедовских способов») вредна и неверна, ибо война, например, может принудить к комбедовским способам». И далее Ленин добавлял: «В данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на **ограничение** его эксплуататорских стремлений.....**Как** «ограничивать» кулаков, не останавливая роста производительных сил...»²¹

Даже в годы гражданской войны В.И. Ленин указывал на отличие кулачества от других эксплуататорских классов и не ставил задачи полной экспроприации кулаков. На заседании Петроградского Совета 12 марта 1919 г. Он отмечал: «Мы стоим за насилие против капиталистов, против помещиков и не только за насилие, но за полную экспроприацию того, что ими накоплено, мы за насилие против кулака, но не за полную его экспроприацию, потому что он ведет хозяйство на земле и часть накоплена им своим трудом. Вот это различие надо твердо усвоить. У помещика и капиталиста — полная экспроприация; у кулаков же отнять собственность всю нельзя, такого постановления не было...»²²

После окончания гражданской войны с переходом к нэпу Советская власть попыталась встать на путь экономического соревнования с капиталистическими элементами деревни. После XV съезда большевистской партии был взят курс на административно-экономическое вытеснение и политическую изоляцию кулачества. Новое изменение политики по отношению к зажиточному крестьянству происходит с середины 1929 г. Сам Сталин признавал это, подчеркивая, что «с лета 1929 г.» «наступил перелом в сторону политики ликвидации кулачества, как класса»²³ Что имел в виду Сталин?

Летом 1929 г. появился ряд постановлений, расширявших использование репрессивных мер против зажиточного крестьянства. 28 июля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР принял уже упомянутое в предыдущей главе постановление: «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов», согласно которому в случае невыполнения заданий по хлебозаготовкам, устанавливаемых сельским сходом, местный Совет имел право в административном порядке увеличить его до пятикратного размера «с применением в случае необходимости продажи с торгов имущества». «При отказе от сдачи хлеба группами хо-

Переход к массовой коллективизации

заяств и противодействия по проведению хлебозаготовительного плана» местным Советам предоставлялось право привлекать к уголовной ответственности по 61 ст. УК РСФСР. В датированном тем же числом постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении статьи 61 уголовного кодекса РСФСР» усиливалась мера ответственности лиц, отказывавшихся «от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение». При отягчающих обстоятельствах, когда подобные действия совершались «группой лиц по предварительному соглашению с оказанием активного сопротивления органам власти», предусматривались строгие меры вплоть до «лишения свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества, с выселением из данной местности или без такового» ²⁴.

Репрессивную направленность имели и решения о недопущении зажиточного крестьянства в колхозы.

В принятом ЦК ВКП(б) 18 июля 1929 г. постановлении говорилось «о нецелесообразности приема кулака в состав колхозов и необходимости систематической работы по очистке колхозов от кулацких элементов, пытающихся разлагать колхозы изнутри» ²⁵. Оценивая это постановление, В.П.Данилов и Н.А.Ивницкий справедливо заключают, что «многие семьи ставились в безвыходное положение, лишались будущего. Началась чистка колхозов от кулаков, причем само их вступление в колхозы рассматривалось как уголовно наказуемое деяние, а созданные с их участием колхозы квалифицировались как лжеколхозы» ²⁶. В сентябре 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о дополнении Уголовного кодекса статьями, предусматривающими уголовное наказание за образование лжеколхозов, а также за содействие их организации и деятельности ²⁷. Понятие же «лжеколхозов» стало трактоваться на практике очень произволь-

но.

В вопросе о приеме кулаков в колхозы вплоть до начала 1930 г. высказывались и иные точки зрения. Даже после решения ЦК 18 июля 1929 г. проблема приема кулаков в колхозы с повестки дня не снималась. При подготовке проекта постановления ЦК о темпах коллективизации (5 января 1930 г.) подкомиссия во главе с К.Я.Бауманом предлагала самую многочисленную категорию «кулаков», готовых подчиниться и лояльно относиться к мероприятиям Советской власти, принимать в колхозы с 3—5-летним испытательным сроком, по истечении которого предоставлять им гражданские права ²⁸. Это предложение было отклонено Сталиным и в постановление не вошло.

В сибирской партийной организации преобладающей была позиция — «кулаков в колхозы не пускать». На этот счет неоднократно принимались директивные решения и проводились многочисленные чистки колхозов и различных кооперативов от «кулаков». 5 декабря 1929 г. Сибкрайком ВКП(б) принял постановление «О чистке колхозов и других сельскохозяйственных объединений от кулацких элементов», в котором предлагал в срок до 15 февраля провести повсеместно «чистку», а наиболее активных кулаков выселять из районов сплошной коллективизации в необжитые в сельскохозяйственном отношении районы Сибири ²⁹.

Вероятно, именно приведенные выше акты имел в виду Сталин, говоря о переходе с лета 1929 г. к политике «ликвидации кулачества как класса», хотя она в то время еще никем не была официально провозглашена. Указанные постановления послужили юридическим основанием для экспроприации значительных групп зажиточного крестьянства.

По мнению И.С.Степичева, «еще до массовой коллективизации в результате борьбы с кулацкими контрреволюционными выступлениями, привлечения кулаков к

Переход к массовой коллективизации

ответственности за совершения террористических актов против партийного и советского актива, а также борьбы с кулацким саботажем в хлебозаготовках по Восточной Сибири было экспроприировано около 26% состава кулацких хозяйств»³⁰. Статистические данные в целом по Сибири показывают, что такой процесс «раскулачивания» проходил повсеместно. Так, в Славгородском округе зимой 1929—1930 гг. «самоликвидировалось» 1206 хозяйств, квалифицируемых как кулацкие (24,7% их общего числа), «раскулачено» по пятикратному обложению 897 (18,4%), за отказ выполнения повинностей, общегосударственных заданий и работ (ст.61 УК) 768 (15,7%), по другим статьям 624 хозяйства (12,9%). В конце 1929 г. в крае свыше 1800 семей преимущественно зажиточных крестьян были выселены за пределы их прежнего местожительства³¹.

Однако официальный курс на «ликвидацию кулачества» был выдвинут Сталиным в докладе на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.: «...от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества, как класса... Поэтому смешно и несерьезно распространяться теперь о раскулачивании. Снявши голову по волосам не плачут»³². Этот курс в целом был закреплен в постановлении ЦК от 5 января 1930 г. Развернутая же программа по осуществлению «ликвидации кулачества» и массовых депортаций была намечена в секретном и до сих пор не опубликованном постановлении ЦК, принятом 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». На его основе 1 февраля ЦИК и СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», опубликованное тогда же в прессе и в «Собрании законов»³³. В этих постановлениях намечались конкретные мероприятия по осуществлению «раску-

лачивания»: отменялось действие законов об аренде земли и применение наемного труда, у кулаков конфисковались средства производства, скот, хозяйственные постройки, предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов и т.д.

Кулаки в зависимости от противодействия мероприятиям властей и хозяйственной состоятельности подразделялись на три категории. К первой категории был отнесен «контрреволюционный кулацкий актив, особенно кадры действующих контрреволюционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостные, махровые одиночки». Они подлежали «немедленной ликвидации» — аресту, а их семьи выселению. Вторая категория («наиболее богатые кулаки, бывшие помещики и полупомещики, местные кулацкие авторитеты и весь кулацкий кадр, из которого формируется контрреволюционный актив, кулацкий антисоветский актив церковников и сектантов») должна была быть выселена «в отдаленные северные районы СССР». Кулаков третьей категории, признанных «лояльными по отношению к советской власти», первоначально предполагалось расселять (после «раскулачивания») в пределах своих административных районов на специально отведенных для них за пределами колхозных массивов землях. Общая цифра хозяйств, подлежащих раскулачиванию была определена в 3—5% для страны и 4—5% для Сибири.

Конкретные меры по организации депортации были намечены в секретной инструкции ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества». Она строго регламентировала действия государственных органов различных уровней. В частности, ОГПУ поручалась «вся организация доставки и сама доставка кулаков в отдаленные местности»³⁴. Функции ОГПУ расширялись и рядом других секретных решений. В феврале 1930 г. постановлением Президиума ЦИК СССР

были законодательно расширены права ОГПУ по внесудебному преследованию крестьян. На основе решений ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК в феврале ОГПУ был издан приказ N 44/21 «О ликвидации кулачества как класса». В нем говорилось: «...в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной контрреволюционной части, — должен быть нанесен сокрушительный удар...»³⁵. Приказом ОГПУ создавались «тройки», в состав которых включались представители крайкомов (обкомов) партии и край— и облисполкомов, которые практически осуществляли репрессивные акции.

Аналогичные вышеуказанным постановлениям, инструкциям и приказам акты принимались на местах. В Сибири к «раскулачиванию» приступили на основании секретного постановления крайкома ВКП(б) от 2 февраля 1930 г.³⁶ и «озвучившего» его в печати постановления Сибкрайисполкома от 12 февраля 1930 г.³⁷ Для основных сельскохозяйственных районов страны «контрольные цифры» кулацких хозяйств, отнесенных к 1-й категории, определялись в 60 тыс. К хозяйствам второй категории отнесено было 150 тыс. семей³⁸. По мере развертывания сплошной коллективизации в других районах эти цифры должны были возрастать и определяться местными партийными комитетами совместно с органами ОГПУ. В Сибири центральные органы определили «контрольные цифры» по второй категории, подлежащей выселению 25 тыс. хозяйств. Местные органы, демонстрируя свою «сверхреволюционность», увеличили эту цифру до 30 тыс.³⁹ В итоге к лету 1930 г. в целом по Сибири было репрессировано около 10,5 тыс. кулаков, отнесенных к первой категории, выселено в отдаленные малообжитые и необжитые районы 16025 семей кулаков второй группы (82922 чел.). Остальные кулаки отнесены к третьей категории. Сибкрайисполком в телеграмме от 1 марта 1930 г., адресованной всем окрисполкомам, определил по округам состав и ориентировочную

численность (около 50 тыс. хозяйств) кулаков этой категории, порядок расселения. Их предполагалось расселить до 1 апреля в пределах своих районов. Однако к намеченному сроку внутрирайонное расселение было проведено лишь в немногих местах, а с началом весеннего сева отложено. В связи с нехваткой рабочей силы значительная часть кулаков данной категории была мобилизована на строительство промышленных объектов (Кузнецкстрой, Кузбассуголь, Комбайнстрой и др.), а также на лесозаготовки, горнорудные предприятия и строительство совхозов ⁴⁰.

В целом из выявленных (индивидуально обложенных) на середину 1930 г. в Сибирском крае 76,3 тыс. кулацких хозяйств было «раскулачено» 59,2 тыс. (77,6%), в том числе, как указывалось выше, (первая и вторая категории) по постановлению ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г., законодательно разрешавшему «раскулачивание» 26,2 тыс. (44%), остальные по другим причинам и, в значительной части, до принятия этого постановления (см. табл.3 приложения).

В официальных решениях партийных и советских органов постоянно декларировалось, что «раскулачивание» должно осуществляться по мере и на базе сплошной коллективизации. В действительности же насилие над крестьянами и «голое раскулачивание» практиковалось почти повсеместно и использовалось как средство подстегивания коллективизации. Так, в информации органов ОГПУ Сибкрайкому партии сообщалось: «Кампании раскулачивания был придан характер штурма, партизанского налета... наряду с этим не в единичных случаях задевался и середняк, даже бедняк, в том числе бывшие красные партизаны, красноармейцы... Кампания раскулачивания была превращена в стимул коллективизации» ⁴¹.

Почти во всех районах Сибири число экспроприированных крестьян значительно опережало число выявленных

Переход к массовой коллективизации

кулаков. Так, в Канском округе среди «раскулаченных» было свыше 20% середняков, в Красноярском округе неправильно «раскулачено» около 17% хозяйств и т.д.⁴² В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» отмечалось, что «в число «раскулаченных» попадает иногда часть середняков и бедняков, причем в некоторых районах процент «раскулаченных» доходит до 15, а процент лишенных избирательных прав — до 15—20»⁴³. Анализ конкретно-исторического материала подтверждает, что число таких районов было велико, и эти цифры приближаются к средним показателям по краю. Об этом свидетельствуют и данные гнездового обследования, проведенного в сибирской деревне в мае 1930 г. (табл.10).

Таблица 10

Размеры экспроприации кулаков по различным группам сельсоветов Сибирского края (с октября 1929 — по май 1930 г.), % *

Группа сельсоветов по количеству раскулаченных	В гнездах районов сплошной коллективизации	В гнездах районов без сплошной коллективизации	В среднем
Раскулачивание не проводилось	8,4	12,5	9,4
Раскулачено			
до 3% хозяйств	45,6	37,5	43,8
от 3 до 10%	29,2	37,5	31,2
свыше 10% хозяйств	16,8	12,5	15,6

* Статистика Сибири: Сборник статей и материалов. Новосибирск, 1930. Вып.3. С.9.

Приведенные данные показывают, что уже в мае 1930 г. «раскулачивание» охватило свыше 90% всех сельсоветов, причем процент экспроприированных крестьянских хозяйств был почти одинаково высокий как в районах сплошной коллективизации, так и в районах, где она еще не проводилась.

Даже официальные документы свидетельствуют о массовых случаях «перегибов» в процессе осуществления «раскулачивания». Вот один из типичных примеров грубого насилия и издевательства над крестьянами, приводимый в докладной записке ОГПУ, представленной Сибкрайкому партии. «В селе Б.Улуй Ачинского округа секретарь партячейки Лебедев организовал бригаду по вербовке середняков и бедняков в колхоз, которой дал следующую установку: «Всех отказывающихся от вступления в колхоз гоните сюда, в сельсовет, мы им покажем, как отказываться». К вечеру вся канцелярия сельсовета оказалась запружена бедняками и середняками. Последние по очереди вызывались к столу, где засели Лебедев, член бюро ячейки Лениш и секретарь ячейки ВЛКСМ Берман. Вызываемым задавались следующие вопросы: «Ну, ты куда записываешься: в ссылку или в колхоз?» Некоторые из крестьян отвечали: «Дайте, товарищи, подумать, надо с семьей посоветоваться». На это Лебедев и другие угрожающе заявляли: «Нам некогда ждать, мы обязаны провести коллективизацию в 24 часа. Если сегодня кто не запишется, завтра уже будет поздно, всех сошлем в Туруханск и Нарым». На замечание бедняка Митрофанова о том, что никто не имеет права насильно принуждать идти в колхоз — Лебедев ответил: «Всех вышлем, будь то бедняк или середняк. Кто не пойдет в коллектив — враг Советской власти. На этот счет есть постановление Сибкрайисполкома». Несмотря на угрозы, бедняки и середняки, не уяснившие себе задач коллективизации и отказавшиеся вступить, все были внесены в список выселяемых. Далее в записке ОГПУ следовал

Переход к массовой коллективизации

вывод: «Почти по всем округам Сибири в ряде сельсоветов нежелающие вступить в колхозы середняки и бедняки арестовываются или же подводятся под индивидуальное обложение, лишаются избирательных прав и раскулачиваются» ⁴⁴.

Подобных свидетельств можно привести множество. В Маслянинском районе 9 февраля 1930 г. райком партии принял решение закончить коллективизацию в районе на 100% к 1 марта 1930 г. Секретарь райкома дал директиву: «Нужно взять кулака как класс, а также и середняка, который мешает в деле коллективизации, лучше перегнуть, чем недогнуть». В результате меры принуждения применялись ко всем категориям крестьянства. При проверке по 17 сельсоветам было выявлено 155 случаев экспроприации хозяйств, по налоговым спискам отнесенных к середняцким и даже бедняцким, за отказ вступить в колхозы ⁴⁵.

К лету 1930 г. у сибирских «кулаков» было конфисковано имущества на сумму примерно 15 млн руб., из нее свыше 11 млн руб. были переданы в неделимые фонды колхозов (табл.11).

Стоимость конфискованного у кулаков имущества была крайне мала (326 руб. на хозяйство), даже по сравнению с 1929 г. имущественная состоятельность их сократилась более, чем в 2 раза. Эти данные свидетельствуют (даже при учете таких факторов, как занижение стоимости кулацкого имущества при описи и его расхищении активистами, что было «раскулачено» значительное количество трудовых крестьянских хозяйств.

О массовом «раскулачивании» подобных хозяйств свидетельствуют и данные о числе реабилитированных и восстановленных в правах. В январе 1930 г. на имя М.И.Калинина поступило около 11,5 тыс. жалоб. Анализ жалоб и ответов на них показал, что 68,5% жалобщиков были «раскулачены» (или назначены к «раскулачиванию») неправильно даже по меркам того времени. В некоторых

краях и областях в 74—89 случаев из 100 «раскулачивание» было отменено⁴⁶. В Сибирском крае на 1 июня 1930 г., по неполным данным, поступило 35,3 тыс. жалоб о неправильном «раскулачивании» и лишении избирательных прав; при рассмотрении 28,6 тыс. заявлений было удовлетворено, и 13,1 тыс. крестьян было восстановлено в правах⁴⁷.

Таблица 11

Размеры и состав имущества, конфискованного весной 1930 г. у хозяйств, отнесенных к кулацким, по Сибирскому краю *

Вид имущества	Всего конфисковано	Конфисковано в расчете на одно хозяйство	Средняя обеспеченность на 1 хозяйство в 1929 г.
Деньги, руб.	166163	3,74	—
Облигации, руб.	73564	—	—
Другие ценности, руб.	2332	—	—
Крупный рогатый скот, голов	60698	1,36	2,71
Лошади, голов	56586	1,27	2,50
Овцы и козы, голов	143707	3,24	10,16
Свиньи, голов	13745	0,31	1,20
Всего имущества, руб.	14462644	326	—

* ГАНО, ф.3-П, оп.1, д.4095, л.125.

Переход к массовой коллективизации

Хотя в официальных документах — центральных и местных — не было недостатка в различных предостережениях от «голового раскулачивания», против «перегибов», «отрыва от масс» и т.п., однако наряду с ними давались указания «всемерно понимать и разжигать классовую ненависть масс по отношению к кулачеству и другим контрреволюционным элементам». В целом принимаемые постановления, инструкции и особенно практические указания, следовавшие сверху вниз, ориентировали не на ограничение, а на безудержное развязывание насилия. Вследствие этого, как отмечалось в одной из сводок ОГПУ Сибкрайкому партии, «у ряда районных работников и особенно низовых сложилось мнение, что выселение в данное время кулачества является началом их физического уничтожения и на последовавшие директивы смотрели как на прикрытие, маскировку вышестоящими органами проводимой расправы с кулачеством»⁴⁸. Об этом говорил и председатель Сибирского крайисполкома И.Е.Клименко на межокружном партийном совещании в апреле 1930 г.: «В большинстве районов занимались сначала ликвидацией кулака, а затем коллективизацией... Эта чрезвычайно важная политическая кампания — ликвидация кулачества — превратилась по существу в техническую кампанию и вместо того, чтобы эту кампанию увязать с коллективизацией, мы взяли просто с молотка продали кулацкое имущество, а затем начали заниматься коллективизацией»⁴⁹.

Официальные постановления предписывали даже выселяемым кулакам сохранять «некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте», «минимум продовольственных запасов», до 500 руб. (на семью) денег. На практике во многих случаях эти постановления не выполнялись и семьи, отнесенные к кулацким, «раздевали догола». Документы свидетельствуют о массовом мародерстве как представителей властей — уполномоченных, милиции,

так и сельских активистов, иногда увлекающих за собой часть бедняков и батраков. В.П.Данилов и С.А.Красильников справедливо пишут: «Факты мародерства при раскулачивании и выселении поражают не исключительностью, а массовостью и обыденностью происходившего... Одни грабили напрямую, другие — «цивилизованно»: пользуясь своим положением, они искусственно занижали стоимость отнятого имущества для того, чтобы затем скупить его практически за бесценок»⁵⁰. Эта точка зрения подтверждается в «Докладной записке» ОГПУ Сибкрая (25 апреля 1930 г.), отмечающей, что во многих случаях «раскулачивание» граничит с «грабительством (...отбор полностью всего имущества вплоть до белья, предметов кухонной утвари и последнего обеда, вытаскивая такой из печи, и т.п., производство экспроприации нередко ночью, с немедленным выбрасыванием из домов, в том числе и женщин с грудными детьми, инвалидов, стариков без указания дальнейшего пристанища и т.д.)»⁵¹. Подобные картины наблюдались почти повсеместно. В итоге значительная часть кулаков второй категории выселялась почти без имущества. Кулаки третьей категории, которым предписывалось оставлять часть средств производства с тем, чтобы они могли «выполнять определенные производственные задания по сельскому хозяйству и обязательства по сдаче продукции кооперативным органам»⁵², в основной массе также экспроприировались полностью. По мнению органов ОГПУ, этот слой был «экономически разорен, неустроен, озлоблен — готовый материал для контрреволюционного движения»⁵³. Подобная практика не могла не вызывать протеста среди значительной части односельчан «раскулаченных». Вот типичное заявление середняка Фоминых из Ойротского округа: «Если бы был жив Ленин, то такого безобразия, такого обирательства никогда бы не было. Это кем-то делается назло Советской власти, чтобы она скорее развалилась. Шуточное ли дело, когда детей оставляют го-

Переход к массовой коллективизации

лодными и босыми. Ведь как же тут народ не будет волноваться»⁵⁴.

Депортируемые кулаки во многих случаях не были обеспечены необходимым запасом продовольствия и в целом предписываемыми постановлением правительства «натуральными фондами». По данным органов ОГПУ Сибкрая, на конец марта 1930 г. из 8485 семей переселенцев (в 40 эшелонах 47160 чел.) без «натурального фонда» перевезено 2680 семей (в 9 эшелонах 14720 чел.), т.е. более четверти. Из числа необеспеченных было 3353 мужчин, 4174 женщин, 7174 детей. В числе выселяемых был большой процент стариков, детей, женщин с грудными детьми и беременных. Из выселенных весной 1930 г. в Нарым 16 тыс. хозяйств (82,9 тыс.чел.) дети составляли 38,3 тыс. (46%)⁵⁵.

Согласно постановлениям директивных органов спецпереселенцам полагалась норма — 300 грамм хлеба в день или 6,5 кг муки в месяц (работающим на освоении колонизационного фонда — 500 грамм хлеба; для сравнения — военизированной охране — 1200 грамм хлеба на человека). Однако вследствие отсутствия необходимых продовольственных запасов и эти скудные пайки сокращались в ряде мест в полтора-два раза⁵⁶. Особенно острый дефицит ощущался в снабжении семенами, инвентарем, в рабочем скоте. Об этом сообщалось из большинства районов вселения. Уже 7 марта 1930 г. руководство Томского округа сообщало в центр: «У прибывших эшелонов не оказалось лошадей, саней, сбруи... Все лошади абсолютно непригодны к передвижению на 300 километров, так как на месте отправки хороших лошадей заменили клячами...

При таком состоянии средств передвижения не только не приходится говорить о перевозке домашних вещей и двухмесячного запаса продовольствия, но даже нельзя перевезти детей и стариков, которых в эшелоне свыше 50%. Поэтому нам пришлось оставить в Томске все кулацкое

имущество: домашние вещи, продовольствие и проч. ... Кулацкие обозы являются «саранчей» для тех населенных пунктов, через которые они проходят. На остановках они буквально поедают все: фураж, продовольствие»⁵⁷. Жители г.Енисейска в письме на имя М.И.Калинина сообщали: «В г.Енисейск наслали тысячи семейных крестьян, набили ими дома, дают в сутки 300 гр. хлеба взрослым и 200 гр. детям и больше ничего. Даже кипятку не дают. Дети мрут, старики тоже. Крестьяне осаждают жителей города и деревни нищенством и надрыдают всем сердцем словами и горем своим. Начались болезни среди них от голода и скученности, вот-вот вспыхнет эпидемия тифа.

Все в ужасе от их рассказов о зверствах, проявленных к ним при выселении с мест и дорогой. Выселяли их так: мужей забирали в тюрьмы, а их семьи выгоняли в 50-градусные морозы с детьми на улицу, запрещая пускать в дома даже детей... 14 марта с.г. ночью приказали в один час собраться в дорогу, проявляя ужасную грубость... До Красноярска они везли муку, а в Красноярске ее отобрали всю, и теперь они питаются подаями по домам. Кулаков среди них мало, больше бедноты и горе грызет всем сердце... Насилие, грубость и хамство проявляли особенно председатель..., милиция, уполномоченный»⁵⁸.

В докладе начальника крайадмуправления наркому внутренних дел РСФСР Толмачеву, даже в начале июля 1930 г. после принятия ряда мер по хозяйственному обеспечению спецпереселенцев сообщалось об острой нехватке рабочего скота, орудий производства, семян: «На 7289 семейств, занятых сельским хозяйством, имеется в наличии: 4973 лошади, или средняя обеспеченность 68%, около 2500 комплектов обрабатывающих сельскохозяйственных орудий, требуется же 3644, или обеспеченность 68%; 12042 центнеров семян, или обеспеченность минимального посева из расчета 1 га на одно осевшее хозяйство 57%; обеспеченность поселков телегами,

Переход к массовой коллективизации

сбруей, скобяными товарами и т.д. крайне недостаточна»⁵⁹.

По официальным данным краевых органов, докладываемым в центр, в основном районе вселения — Нарыме имелись благоприятные условия для хозяйственной деятельности спецпереселенцев по освоению края: в среднем течении р.Оби на ее притоках Васюган, Кеть, Парабель и др. выделено более 2,1 млн га удобной для освоения земли, на которой могло разместиться около 100 тыс. хозяйств (при исчислении 5 чел. на хозяйство, при норме 4 га на едока)⁶⁰. По заключению специальной комиссии Западно-Сибирского крайкома партии и крайисполкома, «климатические условия всех выделяемых участков позволяют не только заниматься сельским хозяйством, и в частности полеводством, но и вести крупное хозяйство в масштабе совхозов»⁶¹.

В действительности «кулаки» в основном выселялись в глухие, необжитые места, часто малопригодные для хозяйственного освоения. Главной заботой организаторов акции было расселение спецпереселенцев в таких отдаленных районах, оторванных от средств сообщения и поселений, чтобы исключить возможность бегства. Вот некоторые характеристики мест поселения, содержащиеся в «Докладной записке» ОГПУ Сибкрая (25 апреля 1930 г.). Район расселения в бассейне реки Ягыл-Яг: «Для с/х освоения этот район один из наиболее худших в части освоенности... Он представляет из себя массив, на 90% залесенный, почвенные условия не изучены, а по сообщению коменданта вызывают сомнения вообще их пригодность к земледелию... Громадные трудности, связанные отрезанностью и отдаленностью района от железнодорожной магистрали (400 верст), отсутствием дорог, годных для более или менее значительных перевозок в течение всего года»⁶². Тутало-Чулымский район: «Северо-восточная часть района представляет собой совершенно необжитое таежное пространство... Почва земли

в данном районе в преобладающем большинстве светло-серая подзолистая, почему для разведения с/х является скудной»⁶³. В другом «Докладе» начальника крайадмуправления наркомун внутренних дел РСФСР говорилось: «Маковский район... по почвенным же условиям совершенно негоден — в одной части сплошные болота и в другой — песок»⁶⁴. Бывший старший комендант Чаинской комендатуры Нарымского округа И.Т.Бочарников так описывает устройство 40 семей спецпереселенцев в начале 1930 г.: «...Согласно карт и предписаний свыше началось расселение людей на местности. Оно прошло без особых хлопот и выбора места для будущего села. Бралась «пачка» из трех—четырёх тысяч людей и подконвойно сопровождалась до отметки Гулага. На карте с отметкой «новое поселение» значился лес или взгорье, или луг, а в действительности здесь хлюпало болото. А в ином месте селения предполагалось поставить посреди озера, которое на карте не значилось...

Скорodelьные селения перезимовки были поставлены в местах для жилья не приспособленных. Тухлую болотную воду нельзя было употреблять для питья. Начались болезни. Но главное был голод. Есть людям было совсем нечего... Цинга косила людей, от истощения и тифа сваливались тысячами. Хоронить мертвых не успевали. Трупы укладывали в штабелях на берегу рек...

После первой зимы от сорока тысяч человек лишенцев в живых оставалась еще половина. После второй — едва пять тысяч... Мужчин меньше, чем женщин. Стариков единицы. Детей — никого»⁶⁵.

Срочность проведения акции «раскулачивания» и спецпереселения, неподготовленность и непригодность многих мест расселения привели к многочисленным переселениям значительных контингентов на новые места. В сентябре 1930 г. только в Западной Сибири намечалось для переселения 4 северных отдаленных района тысячи «раскулаченных» из 9 пунктов временного

Переход к массовой коллективизации

расселения ⁶⁶. Подобные передвижки с юга на север и в обратном направлении происходили в начале 30-х годов постоянно, что свидетельствовало о «экономическом беспределе» властей в хозяйственном использовании бесправной «рабсилы» и приводили к дополнительным человеческим жертвам. Так, большую массу выселяемых первоначально предусматривалось расселить в полосе проектировавшейся трассы железной дороги Томск-Енисейск. «Строительство так и не состоялось, — отмечают В.П.Данилов и С.А.Красильников, — а тысячи спецпереселенцев, заброшенных в таежную глушь, оказались жертвами амбиций политиков и частью погибли, частью позднее переселены из этих гиблых мест» ⁶⁷.

Вполне естественно, что многие из экспроприированных крестьян встали на путь открытой или скрытой борьбы с режимом. Тем не менее участие кулаков в актах террора, «саботаже», «бандитизме» и восстаниях в советской историографии было сильно преувеличено. Среди участников всех форм и методов борьбы с властями абсолютно преобладали середняки и бедняки. Массовый исход весной 1930 г. насильственно загнанных крестьян из колхозов (почти двух третей из числа вовлеченных), забой ими скота, принявший катастрофические размеры (к марту 1930 г. в сравнении с 1928 г. поголовье разных видов скота сократилось от четверти до половины), бегство десятков тысяч сельских жителей, спасавшихся от «раскулачивания», в город — все это убедительное свидетельство неприятия крестьянами насильственной коллективизации.

ГЛАВА IV

«РАСКУПАЧИВАНИЕ» В 1931—1934 ГГ.

Партийно-государственная политика «раскулачивания» не была одноразовым актом весны 1930 г. По сути дела, она продолжалась до середины 30-х годов, но носила не постепенный, а как бы «взрывной» характер; в ее проведении были свои переломы, этапы, которые инициировались сверху. Наблюдалась закономерность: как только ослабевал административный нажим, колхозное движение затухало (как это было в середине 1930 г.) или даже шло вспять (отлив из колхозов в первой половине 1932 г.). Ответом властей на «антиколхозное» поведение крестьян было новое усиление административного гнета и прежде всего новый виток репрессий против «классовых врагов — кулаков».

Наступление на кулачество перманентно обосновывалось властями обострением классовой борьбы в деревне, все более изощренными происками «кулаков» и их «пособников» во всех сферах жизни. Об этом свидетельствуют многочисленные документы партийных и советских органов. Так, в обращении Сибкрайисполкома 9 июля 1930 г. к председателям окрисполкомов, райисполкомов и сельсоветов края «О пресечении вредительской деятельности кулачества» говорилось: «Кулачество, выселенное из районов сплошной коллективизации, не прекращает борьбу против правительственных мероприятий и, покидая места новых поселений, возвращается снова, группируя вокруг себя наиболее отсталые элементы деревни, пытается организовать выступления и вредительские акты против бедноты и колхозов»¹. В письме Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) ко всем райкомам партии «О завершении сплошной коллективизации в крае» от 19 июля 1931 г. говорилось: «Самым опасным врагом являются правооппортунистические настроения, счита-

Раскулачивание в 1931—1934 гг.

ющие, что с кулаком покончено, что классовая борьба в деревне ликвидирована, что дальнейший процесс колхозного строительства пойдет в спокойной обстановке, самотеком. Нужно решительно ударить по этим вреднейшим настроениям»². Политическая обстановка в деревне в действительности была напряженной. Часть разоренных и выселенных крестьян, бежавших из спецпоселков, вставала на путь борьбы с органами власти, организовывала вооруженные отряды, прибегала к террористическим актам и т.п. Особенно острой была политическая обстановка в Восточной Сибири, где повстанческое движение часто поддерживалось из-за рубежа. Секретарь Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) отмечал: «В нашем крае классовая борьба принимает очень часто иные формы, чем в других краях и областях. Наш край граничит с империалистической Японией, которая спит и видит, как бы организовать нападение на Советский Союз. Она упорно готовится к войне и делает все, чтобы помешать социалистическому строительству. Империалисты Японии используют остатки капиталистических элементов на территории Восточной Сибири, они вдохновляют кулачество, снабжая их всем необходимым, организуют из них шайки, которые нападают на наши колхозы. Банды состоят из кулацких элементов, белогвардейцев и бывших забайкальских жителей, которые все это время жили за границей. Они организуют банды не только в Забайкалье, но и в других районах»³.

В документах первой половины 30-х годов (а иногда и более позднего времени) проявления недовольства крестьянства в колхозах и вне колхозов (протесты против незаконных поборов, произвола властей, хозяйственной неустроенности в колхозах и совхозах и т.п.) квалифицировались директивными органами как происки «классовых врагов — кулаков». Властями был выдвинут лозунг о «классовой борьбе внутри колхозов». Методы «контрреволюционной деятельности кулачества» внут-

ри колхозов перечислялись в справке Запсибкрайкома ВКП(б) в январе 1931 г.: а) «Сколачивание вокруг себя ядра «единомыслящих», своего кулацкого «актива». Создание такого «актива» кулак пытается осуществить самыми различными способами; в некоторых случаях кулаками для этой цели используются родственные связи, иногда — прямой подкуп, спаивание, запугивание, всевозможные провокации и т.д. б) Натравливание одних групп колхозников на другие, разжигание борьбы между бедняками и середняками, батрачеством и квалифицированными рабочими. в) Распространение среди колхозников рваческих и иждивенческих настроений, срыв производственной дисциплины и организации труда и др.» ⁴

В официальных документах утверждалось, что кулачество, якобы, по-прежнему пытается проникнуть с целью вредительства не только в колхозы, но и в органы власти — Советы. В сводке Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета о выборах в Советы в 1931 г. сообщалось: «В обстановке ожесточенной классовой борьбы за Советы, в частности в период выдвижения кандидатов, кулачество прилагало все усилия к тому, чтобы через «подкулачников», через своих близких лиц провалить кандидатуры колхозников, батрачества, бедноты и лучших середняков на выборах для того, чтобы теми или иными путями протащить свою агентуру в Советы» ⁵. При выборах в сельсоветы в 1931 г. в Западно-Сибирском крае было лишено права голоса 4,7% «кулаков» и других «антисоветских элементов» ⁶. Однако полностью избежать «кулацкого засилия» не удалось. В постановлении Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 21 апреля 1931 г. «Об итогах перевыборов Советов» отмечалось «засорение отдельных сельсоветов кулацкой агентурой как результат слабой борьбы с кулачеством» ⁷. Во время отчетно-выборной кампании 1933 г., по данным 75 районов, из

Раскулачивание в 1931—1934 гг.

состава сельсоветов было отозвано 1256 «классово чуждых элементов», «проводивших кулацкую линию»⁸.

В ответ (по официальной версии властей) на усиление «противодействия кулачества», а в действительности для «подстегивания» колхозного движения (уровень коллективизации крестьянских хозяйств с июня 1930 по январь 1931 г. поднялся в Западной Сибири лишь с 21,8 до 22,5%, в Восточной Сибири — с 16,3 до 20,2%⁹) зимой 1930—1931 гг. был принят ряд решений о дополнительных акциях экспроприации и выселения вновь обнаруженных кулаков. Согласно постановлению Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 25 декабря 1930 г. «О мерах усиления борьбы с активностью кулачества против коллективизации» (а также аналогичному постановлению Запсибкрайисполкома от 30 декабря 1930 г.) районам предлагалось провести выселение «наиболее злостных кулаков, активно вредящих делу коллективизации, с конфискацией их имущества»¹⁰. В ходе реализации этих постановлений из 21 района края было выселено 717 семей, объявленных кулацкими, (3072 чел.)¹¹. Весной 1931 г. на основе постановлений Запсибкрайкома ВКП(б) от 13 марта и Запсибкрайисполкома от 15 марта были проведены экспроприация и выселение небольшой группы кулаков из 14 районов сплошной коллективизации¹².

Проведенные акции носили ограниченный характер и в целях организации решающего поворота в колхозном строительстве в директивных центральных и местных органах стала созреть мысль о новой массовой операции по высылке кулацких семей из всех областей в отдаленные местности страны. По решению Политбюро ЦК и Совнаркома проведение намечаемой акции полностью передавалось органам ОГПУ. В соответствии с этими решениями ОГПУ 15 марта 1931 г. разослал на места (во все крупные краевые и областные центры, включая Новосибирск и Иркутск) «Меморандум о проведении массовой высылки раскулаченных». В нем говорилось:

«В целях полной очистки от кулаков (подчеркнуто автором) с мая по сентябрь 1931 г. намечено провести массовую операцию по кулачеству с высылкой в отдаленные местности Союза со всех областей». Местные органы ОГПУ обязывались установить и представить в СПО (секретно-политический отдел) ОГПУ не позднее 10 апреля данные о количестве всех хозяйств, «подлежащих высылке за пределы края», включая крестьян, ранее в начале 1930 г. отнесенных к третьей категории кулаков, а также бежавших из ссылки, «проникших на работу в промышленность, шахты, скрывающихся в городах, ...проникших в колхозы» ¹³.

Как видно из этого документа, с делением кулаков на три категории было покончено, речь шла о глобальной социальной чистке деревни и города. Сибирские партийные организации шли в «первых рядах борцов с кулачеством, за социальную чистоту общества». Уже 18 марта 1931 г. специально созданная комиссия ЦК ВКП(б) «по выселению и расселению кулаков» (во главе с А.Андреевым) одобрила предложения полномочного представителя ОГПУ по Западной Сибири Л.Заковского «о внутрикраевом переселении 40 тыс. кулацких хозяйств из южных районов края в северные» ¹⁴.

27 апреля 1931 г. Запсибкрайком партии принял постановление «О ликвидации кулачества как класса». (Аналогичное постановление Запсибкрайисполком издал 5 мая). В постановлении крайкома указывалось на необходимость «экспроприации и выселению подвергнуть все твердо установленные кулацкие хозяйства и кулаков-одиночек из сельской и городской местности края, а также кулаков, проникших в колхозы, совхозы, предприятия, советские и кооперативные учреждения» ¹⁵.

Данные постановления даже формально не связывались с процессом коллективизации (на апрель 1931 г. в крае было коллективизировано лишь около трети крестьянских хозяйств), а служили еще в большей степени, чем

Раскулачивание в 1931—1934 гг.

раньше, средством ее ускорения, создавая в деревне обстановку безвыходности и невозможности другого пути, кроме колхозов. У выселяемых крестьян подлежали конфискации: «а) все недвижимое имущество; б) продуктивный и рабочий скот; в) сложный и простой сельскохозяйственный инвентарь; г) предприятия, сырье и полуфабрикаты; д) хлеб и семена; е) ценности и вклады». Запрещалось: «раздевание, отбирание белья, необходимой одежды, присвоение кулацких вещей и т.п. (т.е. случаи мародерства и издевательства)». Не подлежали конфискации: «одна лошадь, телега с упряжью, необходимый минимум земледельческих и других орудий производства (плуги, бороны, топоры, вилы и лопаты), предметы домашнего обихода, мануфактура, одежда, обувь (если количество их не выходит за пределы личного потребления, деньги до 500 руб. на семью»¹⁶. Последнее положение часто нарушалось, «раскулачивали», как и весной 1930 г., «догола». Кроме того, следует иметь в виду, что к 1931 г. более или менее состоятельных крестьян в деревне уже не было. Исчезло большинство «кулацких» признаков: наем рабочей силы, аренда земли, сдача в аренду инвентаря и тягла, собственные промышленные заведения и др. М.И.Калинин, выступая 9 мая 1931 г. на совещании секретарей и членов ВЦИК и ЦИК, говорил, что правительство намеревалось внести поправки в закон о признаках кулачества, но после обсуждения данного вопроса вынуждено было отказаться от этого. «Старые признаки кулачества почти отпали, новые — не появились так, чтобы можно было их зафиксировать»¹⁷. При «зачислении» в «кулаки», как правило, брались количественные данные налогового обложения 1928/29 г. — последнего года перед массовой коллективизацией, а иногда и более ранние данные — 1927 г. и даже дореволюционные, без учета наличной хозяйственной состоятельности, которая была резко подорвана. Сумма экспроприированного у подобных «кулаков» имущества в большинстве случаев была незна-

чительной. Так, при учете объектов обложения сельскохозяйственным налогом в 1930/31 г. в среднем на одно хозяйство, отнесенное к кулацким, в Западной Сибири было выявлено 2,7 га посева, 1,3 лошади, 1,4 головы крупного рогатого скота, 2,9 овец и коз; неземледельческие доходы за год составили лишь около 65 руб.¹⁸ У выселившихся в мае-июне 1931 г. «кулаков» сумма имущества была еще меньшей. В «Докладной записке» в ЦК ВКП(б) в мае 1931 г. Запсибкрайком ВКП(б) и Запсибкрайисполком констатировали: «За последние 1,5 года экономические основы кулацких хозяйств были резко подорваны... Проведенное нами в марте выселение кулацких хозяйств из 14 районов сплошной коллективизации показало, что огромное большинство кулаков имело очень ограниченное хозяйство»¹⁹.

Всего в мае 1931 г. в Западно-Сибирском крае было выселено в 12 северных комендатур (Нарым) 43852 хозяйства (182327 чел.)²⁰. В это число входила часть крестьянских семей, экспроприированных еще весной 1930 г., но остававшихся в течение года в местах прежнего жительства, частично вступивших в колхозы, совхозы, переехавших в город. Так, к моменту выселения состояли в колхозах 2422, в совхозах 586, на предприятиях 928, в госучреждениях 226 «кулаков»²¹.

Западно-Сибирский крайком ВКП(б), подводя итоги массовой экспроприации и выселения кулачества, в специальном письме от 19 июля 1931 г., адресованном всем райкомам партии, отмечал: «Экспроприация и выселение в мае 39788 кулацких хозяйств прошли успешно. Обреченный классовый враг оказался неспособным на открытое сопротивление...»²² «Антикулацкая» чистка была всеобщей: кроме бывших кулаков экспроприации и выселению подвергалась и часть крестьян, никогда в кулаках не числившихся. Так, по данным только 27 районов, были восстановлены в правах 2110 чел. — в большинстве своем середняки и бывшие красные партизаны²³.

Раскулачивание в 1931—1934 гг.

Кроме собственных Сибирь принимала «кулацкие контингенты» и из европейских районов страны. В августе 1931 г. в южные промышленные комендатуры Западной Сибири присланы по направлению ОГПУ 9923 крестьянские семьи (50300 чел.) из Башкирии и Московской области (примерно в равной доле — по 5 тыс. семей)²⁴.

Следует отметить, что сибирские парторганизации, не раз выступавшие «передовиками» в антикулацких акциях, начали в июле 1931 г. высылку дополнительно 46550 кулаков (помимо уже выселенных 40 тыс. хозяйств), о чем ходатайствовали перед центральными органами. Политбюро ЦК ВКП(б) 20 июля 1931 г. в этом ходатайстве краевым органам отказало (соответствующее распоряжение приняло и ОГПУ). Подобная позиция центральных органов мотивировалась неподготовленностью хозяйственных органов к приему и устройству переселенцев²⁵.

По данным центральных органов ОГПУ всего за 1930—1931 гг. в спецкомендатуры Западной Сибири выселена 70781 крестьянская семья, из них 52922 местных и 17859 — из европейских районов страны (из Украины, Московской и Ленинградской областей, Башкирии)²⁶. Основным адресом ссылки был Нарымский край, где в сентябре 1931 г. насчитывалось 49,4 тыс. выселенных семей (около 215 тыс.чел.); кроме того, около 16 тыс. семей (свыше 81,7 тыс.чел.) спецпереселенцев находилось в южных комендатурах²⁷.

Аналогичные процессы проходили и в Восточной Сибири. Уже весной 1930 г. в северные районы Восточной Сибири было выселено примерно 12 тыс. хозяйств (около 58 тыс.чел.), из них 6,9 тыс. семей местных крестьян, остальные — из центральных районов страны. По неполным данным налогового учета, на январь 1931 г. в крае оставалось 2667 хозяйств, отнесенных к кулацким, (0,8% всех крестьянских хозяйств)²⁸. Рядом постановлений директивных органов весной 1931 г. (постановление Вос-

точно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 11 марта 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулачества в районах и селах сплошной коллективизации» и др.) экспроприации и выселению подверглись практически все оставшиеся квалифицированные кулацкими хозяйства. Прежде всего они были выселены из пограничных районов. В специальном письме Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) райкомам партии от 16 марта 1931 г. говорилось: «Классовая борьба в деревне принимает все более обостренные формы. Эта обостренность сопровождается активизацией кулацко-белогвардейского элемента вообще, в частности в пограничных районах, где за последнее время эта активность проявлялась в форме подготовки вооруженного выступления против Советской власти. Растущая повстанческая активность кулацко-белогвардейского элемента подтверждается рядом вскрытых и ликвидированных крупных повстанческих контрреволюционных организаций...

В целях предотвращения этой активности бюро крайкома постановило произвести соответствующие мероприятия по выселению кулаков и их семейств из пограничных районов»²⁹. Экспроприации и выселению подлежали отнесенные к кулацким хозяйства Быркинского, Нерчинско-Заводского, Акширского, Борзинского, Кыренского, 60-километровой полосы Оловянинского и части Усть-Карийского районов. Почти целиком выселялись (принудительно мобилизовывались после экспроприации в горнорудную промышленность) кулаки из других районов. Так, в Братском районе весной 1931 г. было «раскулачено» 58 семей, из них 48 — выселено³⁰. Правда, в официальных документах не было недостатка в декларациях об осторожном подходе к определению выселяемых, допускалась даже возможность при определенных условиях приема части «зажиточных хозяйств» в колхозы. В постановлении Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 11 марта 1931 г. была дана следующая установка по этому

Раскулачивание в 1931—1934 гг.

вопросу: «Зажиточные хозяйства, желающие вступить в колхоз, принимаются на следующих условиях:

а) если не замечены в антисоветской деятельности и имеют положительный отзыв бедняцко-середняцкого и колхозного актива;

б) своевременно и полностью выполнили все государственные обязательства и твердые задания;

в) при условии сдачи ими всего имущества в неделимый обобществленный фонд колхоза;

г) в случае выхода или исключения из колхоза все имущество этого хозяйства остается в колхозе»³¹.

Рекомендовалось также не подвергать «раскулачиванию» и выселению ту часть «кулацкой» молодежи, которая проявляла лояльное отношение к Советской власти и порывала с эксплуататорским прошлым своих родителей, что имело важное значение для вовлечения молодого поколения в социалистическое строительство и его постепенного перевоспитания³².

Однако эти рекомендации на практике применялись редко. Судьба крестьян, названных властями «кулаками», здесь была не менее трагична, чем в других районах страны. Всего по данным органов ОГПУ в 1930—1931 гг. в комендатуры Восточной Сибири было выселено 26555 семей (около 91,7 тыс.чел.), из них 16068 семей из «своих» районов и 10487 семей из европейских районов страны (из Украины, Центрально-Черноземной и Ленинградской областей, Средней Волги и Башкирии)³³.

В целом по стране в 1930—1931 гг. в отдаленные районы было выселено 381026 крестьянских семей, 1803392 чел. (в это число не входят кулаки, заключенные в тюрьмы и лагеря, отнесенные к «первой категории» и др.)³⁴. Общее же число экспроприированного кулачества было значительно большим и приближалось примерно к 1—1,1 млн семей: около 200—250 тыс. сумели «самораскулачиться», 400—450 тыс., которые «должны были расселяться отдельными поселками в пределах краев и областей пре-

жного проживания (третья категория), в массе своей после конфискации имущества и разных мытарств также ушли из деревень и слились с населением строек и городов»³⁵. Точное число «раскулаченных» и выселенных в Сибири источники выявить также не позволяют (свыше четверти выселяемых бежало как в пути следования, так и с мест водворения; кроме того, неоднократно происходило перемещение отдельных групп кулаков из южных районов в северные и обратно). Приведенные ранее данные позволяют заключить, что в середине 1931 г. в Сибири в местах выселения находилось примерно 100 тыс. семей спецпереселенцев (около 390 — 400 тыс. чел.). Из этого числа местные сибирские крестьяне составляли около 74 % (4,7% всех крестьянских хозяйств). Общее число репрессированных крестьян, официально отнесенных к категории «кулаков», значительно превосходило эту цифру. Динамику численности спецпереселенцев в Сибири в 30-е гг. см. в табл.12.

Таблица 12

Динамика численности спецпереселенцев *
в Сибири в 30-е гг.**

Год	Человек	
	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
1 января 1932 г.	265846	91720
1 января 1933 г.	227684	91789
1 января 1934 г.	289431	79060
1 июля 1938 г.	242684	119182
1 января 1940 г.	240230	84491

* До 1934 г. отправленные в «кулацкую ссылку» крестьяне назывались спецпоселенцами, а с 1934 г. — трудпоселенцами.

** Источник: Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. N 10. С.4—8, 8—9.

Раскулачивание в 1931—1934 гг.

Вследствие плохого обеспечения имуществом, продовольствием, хозяйственной неустроенности и тяжелых условий жизни на местах вселения происходило массовое бегство, особенно молодежи в города, частично на прежнее место жительства. С мая по сентябрь 1931 г. из районов Нарыма бежало 16,1 тыс.чел., т.е. 27% депортированных. Из Кулайской комендатуры из 8891 ссыльно-поселенцев разбежалось 7284 «вследствие невозможности сельскохозяйственного и промыслового освоения района» ³⁶.

Начиная с 1933 г. спецпоселки пополнились выселенцами из «новых» социальных слоев: «деклассированными элементами» («чистка» городов) и «рецидивистами» (частичная разгрузка тюрем и лагерей для восполнения дешевой рабочей силы. В 1933 г. в Западную Сибирь было выселено 131,5 тыс. «нового контингента», из которых около 72 тыс. расселено в комендатурах. Проведенная акция еще более ухудшила материальное положение спецпереселенцев и социальный климат в комендатурах: наглядным свидетельством этого была трагедия массового голода и произвола (людоедство, убийства и т.п.) ссыльных на острове Назино летом 1933 г. Смертность на о.Назино и в «штрафной» Александрo-Ваховской комендатуре достигла катастрофических размеров: в последней только за четыре месяца 1933 г. умерла одна треть от общей численности спецпереселенцев и примерно столько же бежало ³⁷. Побег были естественной и практически единственно возможной формой протеста обездоленных, несчастных людей. Зафиксирован лишь один случай массового восстания спецпереселенцев в конце июля — начале августа 1931 г. в Парбигской комендатуре. В целом же по Сибири с конца 1929 г. до середины 1931 г. произошло более полутора десятков вооруженных восстаний крестьян против насильственной коллективизации ³⁸.

Следует также иметь в виду, что насильственная экспроприация была основным, но не единственным методом «ликвидации кулачества как класса». Этой цели в полной мере отвечала налоговая политика. Все хозяйства, квалифицированные как кулацкие, подлежали индивидуальному обложению. Ставки налога на них были увеличены и взимались по специальной шкале без учета едоков, с резко выраженной прогрессией, расширялся перечень признаков кулацких хозяйств, резко повышалось обложение неземледельческих доходов. Помимо сельхозналога кулаки должны были выплачивать самообложение и культсбор, которые находились в прямой пропорции с размером сельхозналога. При доходе в 1500 руб. налоговые платежи превышали весь доход подобных хозяйств, поэтому для их выполнения изымались весь годовой доход и часть имущества, что вело к фактическому «раскулачиванию»³⁹. Такую же направленность имела и заготовительная политика: для кулаков устанавливались твердые задания, при невыполнении которых их имущество подлежало продаже, а к «злостным саботажникам» применялись репрессивные меры, вплоть до выселения. Влияние экономических мер на ликвидацию кулачества не было одинаковым в разных районах (в частности, в Восточной Сибири их роль была, по-видимому, значительно большей, чем в Западной Сибири), но везде они носили ограниченный характер. Главным средством ликвидации «кулачества» повсеместно была насильственная экспроприация. В связи с тем, что практически все крестьянские семьи, отнесенные к кулацким, в большинстве районов (за исключением национальных окраин) были экспроприированы и выселены, центральные власти решили в 1932 г. прекратить массовое выселение кулачества. В дальнейшем допускалось принудительное перемещение небольшими группами только тех кулаков, которые продолжали вести активную борьбу против власти и колхозов, после проверки и предварительного точного

Раскулачивание в 1931—1934 гг.

определения возможности хозяйственного устройства их по месту нового поселения ⁴⁰. Однако это решение в полной мере не выполнялось и выселение сравнительно крупных отрядов крестьянства происходило и в 1932—1933 гг., а в целом «кулацкая ссылка» с временными отливами продолжалась до 50-х годов.

По данным официальных органов процесс «ликвидации кулачества как класса» после весенне-летней кампании 1931 г. еще не был завершен: в стране осенью оставалось около 150 тыс. кулаков, кроме того, и экспроприированные «кулаки», «расползавшиеся по лицу всей земли», продолжали, якобы, активную враждебную деятельность. Сибирские директивные органы также считали, что кулацко-зажиточные хозяйства сохраняли существенные позиции в экономике. Из этого исходили директивные органы в налоговой и репрессивной политике. По данным 104 районов Западно-Сибирского края, твердые индивидуальные задания по хлебозаготовкам в 1931 г. получили 35,4 тыс. хозяйств, что составляло 3,7% к общему числу хозяйств и 9,2% к числу единоличных хозяйств ⁴¹. В Восточно-Сибирском крае в 1931 г. индивидуально обложено было около 2,7 тыс. хозяйств (12,7 тыс. чел.) ⁴². Местные партийные и государственные органы выявляли все новые и новые слои «кулачества», якобы, все изощреннее вредившие колхозному движению. Нередко неудачи и трудности колхозного строительства по-прежнему объявлялись происками «классовых врагов - кулаков». В действительности новый отлив крестьян из колхозов в 1932 г. (с января по апрель 1932 г. в Западной Сибири в колхозы вступило 17 тыс., а выбыло 44 тыс. хозяйств, в Восточной Сибири уменьшение числа крестьянских хозяйств в колхозах продолжалось в течение всего 1932 г. и составило 26,5 тыс.) ⁴³ был вызван организационно-хозяйственной слабостью коллективных хозяйств, низкой оплатой на трудодень, чрезмерным администрированием в проведении хлебозаготовок, неуро-

жаем 1931 г. и обострившимися продовольственными затруднениями.

В решениях партийных и государственных органов при объяснении возникавших трудностей акцент делался на враждебные действия кулаков. Так, в постановлении Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 2 марта 1932 г. говорилось: «Разгромленное кулачество, потерпевшее поражение в своих открытых выступлениях против колхозов, направляет свои усилия на развал колхозов изнутри. С этой целью кулаки проникают в колхозы, ведут систематически контрреволюционную агитацию, стремятся формировать вокруг себя отсталые элементы из колхозников, играя на мелкособственнических пережитках, разжигают потребительские, уравнилельные тенденции, ведут борьбу против ударных темпов работы, против методов соцсоревнования, агитируют за обезличку, разлагают трудовую дисциплину среди колхозников». В постановлении отмечалось, что «произведенным по краю переучетом выявлено до 7000 кулацких хозяйств, в том числе свыше 2000 хозяйств, проникших в сектор социалистического сельского хозяйства, которые проявляют настойчивую контрреволюционную деятельность по организации активного сопротивления всем хозяйственно-политическим мероприятиям, проводимым партией и Советской властью на селе»⁴⁴. Аналогичная оценка поведения «остатков кулачества» дается в ряде решений Восточно-Сибирского крайкома партии⁴⁵. В связи с указаниями центральных органов начатую в Западной Сибири акцию по выселению 7 тыс. объявленных кулацкими хозяйств из-за неготовности районов вселения к хозяйственному обустройству спецпереселенцев пришлось приостановить: по решению Запсибкрайкома партии от 5 июня 1932 г. намеченным к выселению крестьянам, как исключенным из колхоза, так и ведущим индивидуальное хозяйство, отобранное имущество должны были возвратить⁴⁶. Однако репрессии (заключение в тюрьму,

Раскулачивание в 1931—1934 гг.

высылка и т.п.) по отношению к довольно значительным группам кулаков, особенно в связи с хлебозаготовительными кампаниями 1931—1932 и 1932—1933 гг., продолжались. Во время заготовительной кампании 1931—1932 гг. в Западной Сибири было осуждено свыше 1 тыс. «кулаков» и около 4,7 тыс. «зажиточных крестьян»⁴⁷. Директивные органы распространили практику объявлять «саботажниками» целые колхозы и распускать их. Так, постановлением Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) в марте 1932 г. только в Канском районе распущено 8 колхозов. Причина — «сопротивление выполнению хлебозаготовок», «засоренность кулацкими и антисоветскими элементами»⁴⁸.

Хлебозаготовительная кампания 1932—1933 гг. проходила в сложнейших условиях, когда неурожай и голод поразили многие районы страны (особенно Украину, Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, Казахстан и др.). Проведение в этих условиях жесткой заготовительной политики (конфискации всего общественного и личного зерна и т.п.), а также массовых репрессий привело к гибели миллионов крестьян. Это проявилось и во многих районах Сибири, особенно юго-западной ее части, также пораженной неурожаем и голодом. В ходе заготовительной кампании 1932—1933 гг. к уголовной ответственности привлечено в Западной Сибири (по данным прокуратуры) 15,7 тыс.чел., в том числе 2338 «кулаков и других нетрудовых элементов» (14,6%), 5842 единоличников, 3529 колхозников, 182 рабочих совхозов и МТС, 3255 должностных лиц⁴⁹. Отсюда видно, что репрессии применялись к значительной части колхозников и единоличников, не выполнивших задания в силу недостатка продовольствия, порожденного объективными трудностями (низкие валовые сборы зерна, напряженность хлебозаготовительных планов, низкие заготовительные цены). Меры наказания были очень суровые: 87,2% так называемых «кулаков» были приговорены к «лише-

нию свободы», из них большинство — к расстрелу и заключению в тюрьмы и лагеря на срок свыше 10 лет. В записке краевого прокурора говорилось, что «большинство кулаков и единоличников осуждено преимущественно за хищение колхозного и совхозного хлеба»⁵⁰. Массовые репрессии обрушились на крестьян после принятия по инициативе Сталина * «драконовского» закона от 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности, предусматривающего за хищение суровое наказание — расстрел с конфискацией всего имущества с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества. По этому закону в Западной Сибири только до августа 1933 г. было осуждено около 13,6 тыс. человек, в том числе за хищения в колхозах 8,5 тыс., из них рядовые колхозники составляли 3,9 тыс. чел., остальные — счетные работники, члены правлений, завхозы, а также «выходцы из классово чуждых элементов» — среди последних свыше 1,1 тыс. «кулаков»⁵¹. Закон был излишне суров (под его действие часто попадали лица за незначительные проступки); на практике своим острием он направлялся, в основном, против колхозников и единоличников, вынужденных в условиях нехватки продовольствия, а временами и голода, воровать хлеб. Даже в «Обзоре дел по преступлениям, предусмотренным законом от 7 августа», составленном в конце января 1933 г. прокурором Нарымского округа — основного района вселения экспроприированного крестьянства — отмечалось; «Нужно констатировать наличие таких фактов, когда этот закон применяется к таким действиям, которые ни по своей природе, ни по результатам причиненного вреда не могут быть признаны представляющими особую социальную опасность, требующую применения санкции этого зако-

* Этот закон был написан лично Сталиным. См.: Сталин И.В. Соч. Т.13. С.409.

Раскулачивание в 1931—1934 гг.

на, что в известной степени смазывает эффективность борьбы и политическую сущность данного закона»⁵².

Репрессивные методы против крестьянства широко применяли и политотделы МТС и совхозов в 1933—1934 гг. — это массовые исключения руководящих колхозных кадров и рядовых колхозников из колхозов, чрезмерное администрирование, нарушение революционной законности. В первой половине 1932 г. в Западной Сибири было исключено и выселено около 1 тыс. «кулацких семей». К декабрю 1933 г. «чистку» в крае прошло 7773 колхоза, 25,3 тыс.чел. В результате снято с работы 6534 чел. — бригадиры, кассиры, завхозы, кладовщики и пр., из них 1109 чел. отдано под суд, 1025 чел. исключено из колхоза⁵³. В Восточной Сибири только с мая по июнь 1933 г. в районах деятельности 27 МТС изгнано из колхозов 236 «кулаков», бывших белогвардейских офицеров и т.п., ликвидировано 17 «контрреволюционных кулацких групп». За 1933 г., по данным 26 политотделов МТС Восточной Сибири, исключено из колхозов «как классово чуждых элементов» 153 председателя колхоза, 84 завхоза, 147 членов правления, 93 счетовода и бухгалтера, 83 кладовщика, 132 бригадира, 443 заведующих товарными фермами, кроме того, 2065 «рядовых» колхозников (всего 3,8 тыс.чел.)⁵⁴. Секретарь Абанского райкома партии (Восточно-Сибирский край) сообщал: «Во время самоочищения колхозов от кулацких и других чуждых элементов по колхозам района были допущены ошибки. Исключали из колхозов как кулаков без достаточной проверки материалов, заявлений от исключенных. Районной и краевой комиссией большое количество было восстановлено в правах членов колхоза. Эти ошибки отразились в известной мере на приливе в колхозы, так как случаи неправильного исключения из колхозов использовали кулацкие элементы для того, чтобы задержать трудовое хозяйство от вступлений в колхоз под страхом, что «из колхоза исключат и останется без хо-

зайства»⁵⁵. В докладной записке оргинструкторского отдела Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) «Об извращениях и недостатках в работе по укреплению и оздоровлению колхозов», составленной в конце 1933 г., отмечалось, что «борьба за очищение колхозов принимает форму поголовной массовой чистки и в ряде мест левацких извращений и перегибов»⁵⁶. Нарком земледелия СССР Я.А.Яковлев в начале 1935 г. признавал, что «за последние два года из колхозов исключены сотни тысяч колхозников», но лишь немногие из них были действительно неисправимыми врагами колхозов⁵⁷.

Репрессии против крестьянства не ослабевали и в середине 30-х гг. Даже в хлебозаготовительную кампанию 1934 г. было осуждено 7,9 тыс. крестьян, из них свыше тысячи колхозников и почти 3 тыс. единоличников, 1,9 тыс. «должностных лиц», 1,7 тыс. «кулаков и нетрудовых элементов». Характерно, что удельный вес лиц, объявленных кулаками среди осужденных возрос по сравнению с предыдущим годом в 1,5 раза. Это квалифицировалось краевой прокуратурой как успех в борьбе с «классовым врагом», в нанесении ему «редких, но метких ударов»⁵⁸. Суровые репрессии применяются не только к колхозникам, но и в целом к колхозам, а также и к местным партийным и советским кадрам. Так, в решении бюро Западно-Сибирского крайкома партии (в нем принял участие В.М.Молотов) 15 сентября 1934 г. все работники районов, не выполнивших полностью сентябрьское пятидневное задание по хлебозаготовкам, огульно оценивались как «выразители мелкобуржуазной политики, близкой к кулацкой политике». В случае невыполнения сентябрьского плана предлагалось подвергнуть повторной чистке всех членов бюро райкома и партийных групп райисполкомов, строго предупреждались все директора МТС и начальники политотделов, а секретари Татарского и Чарлакского райкомов партии были отданы под суд. В постановлении Западно-Сибирского

Раскулачивание в 1931—1934 гг.

крайкома партии 9 октября 1934 г. «О применении репрессий к колхозам, саботирующим хлебосдачу» поручалось наметить 2—3 колхоза, подлежащие роспуску за «саботаж хлебозаготовок»⁵⁹.

Источники зафиксировали применение репрессивных мер против крестьянства в ходе посевной и уборочных кампаний в 1935 г. и даже в последующие годы (в 1935 г. в ходе хлебоуборки и хлебозаготовок осуждено 2,8 тыс.чел., из них 595 «кулаков и других нетрудовых элементов»⁶⁰). Среди репрессированных возрастает число лиц, осужденных за «контрреволюционную агитацию», которая трактовалась весьма расширительно: из осужденных за «контрреволюционную деятельность» в 1935 г. 1881 чел., свыше 70% — за «агитацию»⁶¹. В течение 30-х годов постоянно органы юстиции обнаруживали «контрреволюционные» организации и группировки, в которых заглавную роль якобы играли кулаки. В 1933 г. такие объединения были раскрыты в Западной Сибири в колхозах «Путь пахаря» (Поспелихинский район), «Новая жизнь» (Черепановский район), «Заря социализма» (Топчихинский район); в Восточной Сибири вредительские группировки выявлены в Канском, Дзержинском, Тасеевском и др. районах⁶².

Наряду с «лишением свободы» продолжалась и высылка отдельных групп «кулачества». Так, в апреле 1936 г. на основе указаний ЦК ВКП(б) тройки НКВД осуществили высылку из Ойротии (Горный Алтай) в районы Караганды свыше 300 «байско-кулацких и бандитских семейств»⁶³. Большинство террористических актов, происходивших в середине 30-х гг., также квалифицировались директивными органами как «открытая месть советско-колхозному активу со стороны кулачества».

Приведенные факты, которые можно было бы умножить, свидетельствуют о том, что Сталин и его окружение сводили все многообразные трудности переделки вековых устоев жизни крестьянства в основном к клас-

совой борьбе, к проискам «классовых врагов». На заседании Политбюро ЦК 27 ноября 1932 г. Сталин призвал дать «сокрушительный удар» по «колхозникам и колхозам», не выполняющим хлебозаготовки⁶⁴. Сталинская концепция обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму получила обоснование сначала в его выступлениях на январском объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1933 г., а в дальнейшем (в законченном виде) — на февральско-мартовском пленуме партии в 1937 г. и служила теоретическим оправданием массовых репрессий.

В середине 30-х годов вразрез с действительностью в центре и на местах директивными органами, в печати, в многочисленных публикациях пропагандировалась формула о дальнейшем обострении классовой борьбы. Широко практиковалось расширительное толкование понятия «происки классового врага», все трудности и недостатки колхозного строительства, связанные со многими причинами (организационно-хозяйственная слабость колхозов, неопытность колхозных кадров, ошибки в руководстве и т.п.), стали сводить лишь к вредительству «классовых врагов». Об этом, например, сообщалось в докладной записке прокурора Восточно-Сибирского края прокурору СССР (от 11 сентября 1934 г.), в которой говорилось, что «выявлены факты, когда преступную бесхозяйственность и злоупотребления пытаются замазать ссылками на вредительство классово враждебных элементов»⁶⁵.

Иллюстрацией безбрежности «классового подхода» большевистского режима может послужить следующий пример. Известна важная роль хлебофуражных балансов в правильном определении ресурсов хлеба и фуража как в стране в целом, так и в каждом отдельном хозяйстве. Некоторые колхозы под руководством политотделов, в том числе и в Западной Сибири, в 1934 г. стали составлять хлебофуражные балансы в целях определе-

ния реальных возможностей хозяйств для дополнительных закупок хлеба и т.п. Однако Западно-Сибирский крайком ВКП(б) в постановлении от 10 октября 1934 г. резко осудил практику составления хлебофуражных балансов, квалифицировав ее как «кулацкие тенденции, направленные на срыв закона о хлебосдаче»⁶⁶. Выступая на слете колхозников в 1935 г., Р.И.Эйхе говорил, что «в отстающих по хлебосдаче колхозах всегда чувствуется рука классового врага»⁶⁷. В печати и в практической деятельности широкое распространение получили формулы: «происки классового врага», «вредительская деятельность», «вредительские теории» и т.п. Они переносились и в область специальных вопросов агротехники, сельскохозяйственной науки и практики. Как «вредительские теории» были квалифицированы предложения некоторых научных коллективов и ученых о целесообразности «мелкой пахоты» (предложения Всесоюзного института растениеводства и его руководителя Н.М.Тулайкова), «средних сроков сева» (Омская зональная станция), улучшении сибирской породы молочного скота «самого в себе», т.е. на собственной основе, и др. На страницах печати стали говорить «о кулацкой теории отмирания лошади», «о кулацком распорядке на скирдовании» и т.д.⁶⁸. Слово «кулацкий» окончательно превратилось в синоним всяких, с точки зрения властей, «безобразий» вообще.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«РАСКУЛАЧИВАНИЕ» В СИБИРИ: АЛЬТЕРНАТИВЫ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

«Высшей» социально-экономической целью, провозглашенной сталинским руководством при переходе к сплошной коллективизации и «раскулачиванию» была ликвидация мелкотоварного крестьянского хозяйства и создание обобщественного сельскохозяйственного производства. Исходным тезисом этой парадигмы служило представление о том, что к концу 20-х гг. крестьянское хозяйство полностью себя исчерпало и не способно осуществлять не только расширенное, но во многих случаях даже простое воспроизводство. Данный постулат был декларирован Сталиным в декабре 1929 г. на конференции аграрников-марксистов¹. В то же время утверждалось, что колхозы и совхозы, якобы проявляющие «чудеса роста», могли в кратчайший срок не только заменить «кулацкое» производство хлеба, но и обеспечить общий подъем сельскохозяйственного производства на основе модернизации как аграрного, так и индустриального секторов народного хозяйства.

Анализ общей направленности и темпов развития сельского хозяйства в период нэпа, сравнение его показателей за 1925—1928 и 1910—1913 гг., изучение современного опыта нашей страны и мирового опыта показывают полную несостоятельность разделяемого советской историографией сталинского вывода о полном исчерпании возможностей развития мелкотоварного крестьянского хозяйства. Возможности поступательного развития крестьянской экономики на базе нэпа были далеко не исчерпаны, а возникшие негативные тенденции, особенно

Альтернативы и последствия "раскулачивания"

в 1929 г., были связаны, главным образом, не с социальными факторами, а с политикой все более жесткого ограничения предприимчивости состоятельных крестьян и «фаворитизации» бедноты, с усилением административных начал, всевозможных чрезвычайных мер, переросших в фактическое «раскулачивание» и раскрестьянивание.

Более последовательное проведение политики подъема экономической состоятельности основной массы крестьянства — увеличение кредитов, поставок инвентаря и техники, минеральных удобрений, достижение благоприятного ценового паритета с поставляемой в деревню промышленной продукцией, а также преодоление «кулацкого синдрома» и тенденций инициирования классовой борьбы сделало бы перспективным развитие индивидуальных трудовых крестьянских хозяйств. Экономика страны могла развиваться на многоукладной основе и неповских рыночных принципах. Продолжение нэпа, его модификация применительно к новым условиям конца 20-х гг. отвечали коренным интересам не только основной массы крестьян, но и рабочих, и государства в целом. Новая экономическая политика, получившая главный импульс с «крестьянского поля», могла развиваться на рыночных основаниях и решать задачи индустриализации только иницилируя крестьянское хозяйство, рост его товарности. Для осуществления подобного типа развития требовался глубокий политический пересмотр всей концепции построения социализма. По-видимому, необходимо было правильно оценить, взять на вооружение (а не искоренять насильственным путем) идеи и «планы» выдающихся российских ученых-аграрников — А.В.Чаянова, Н.Д.Кондратьева и др. о возможности эволюционного пути модернизации как зажиточных, так и трудовых семейных крестьянских хозяйств на основе интенсификации, все большего их соединения с мощной структурой кооперативного движения, в комбинации малых, средних и больших форм при максимальном учете

их экономической эффективности. К подобной позиции склоняется ряд отечественных и зарубежных исследователей (Ю.Голанд, В.П.Данилов, О.Лацис, М.Левин, Т.Шанин, Э.Мерль и др.).

Заслуживает внимания суждение английского историка Т.Шанина: «Если бы советская экономика развивалась в 30-е годы так, как предлагали лучшие аналитики и плановики (речь идет о А.В.Чаянове, В.Г.Громане и др. — Н.Г.), страна, по моему убеждению, пришла бы к 1940 г. с несколько меньшим количеством фабрик, но они были бы гораздо более эффективными и с более высоким, чем достигнутый, уровнем производства. Сельское хозяйство к 1940 г. было бы продуктивнее не менее чем на треть, самые лучшие командиры остались живы, партийные кадры сохранились в целости, около 5 млн человек могли бы пополнить ряды армии. Не следует ли признать, что это был бы лучший путь индустриализации (если бы ему последовали, гитлеровские армии были бы остановлены не на окраинах Москвы, но у Смоленска)?»².

Из вышесказанного напрашивается вывод о том, что «слом» нэпа в конце 20-х гг. был волюнтаристским актом сталинского руководства, взявшего курс на сверхиндустриализацию и насильственную коллективизацию, на основе ликвидации крестьянства как класса мелкотоварных производителей.

«Раскулачивание», применение массовых репрессий против крестьянства привело к пагубным социально-экономическим и демографическим последствиям. Произошло резкое падение сельскохозяйственного производства: экономические позиции наиболее предприимчивых, зажиточных крестьян были разрушены, других слоев крестьянства — подорваны, скоропалительно, в большой мере принудительно созданные колхозы (как и совхозы) в основной своей массе были слабыми, не способными заменить производство индивидуального хозяйства. Валовой

Альтернативы и последствия "раскулачивания"

сбор зерна в 1932 г. по сравнению с 1928 г. сократился в Сибири примерно на четверть, поголовье скота было истреблено более чем наполовину (значительная часть крестьян перед угрозой насильственной коллективизации резала скот, массовый падеж от бескормицы происходил и в общественном стаде). Падение животноводства продолжалось вплоть до середины 30-х гг.: с 1928 по 1935 г. поголовье лошадей сократилось в 2,8 раза, коров — 2,3 раза, овец — более чем в 3 раза.

Снижение реальных доходов населения (введение карточной системы, политика «затягивания поясов» и т.п.), раскрестьянивание, начавшиеся «раскулачиванием» и проходившие, по сути дела, непрерывно массовые репрессии, волна за волной обрушивающиеся на народ, создали напряженность в демографической сфере, породили ряд катаклизмов и наиболее губительный из них — голод 1932—1933 гг., наиболее поразивший сельское население Украины, Дона, Кубани, Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Урала, Казахстана и унесший многие миллионы крестьянских жизней (по примерным оценкам отечественных и зарубежных исследователей, не менее 7 млн чел.)³.

Апогей демографической катастрофы приходится на 1933 г. По подсчетам современных демографов, в этом году умерло 11450 тыс.чел. Если иметь в виду, что «обычная» смертность в 1927—1929 гг. равнялась примерно 4 млн, то на сверхнормативную смертность приходится свыше 7 млн чел. Смертность в этом году превысила рождаемость на 5905 тыс., а ее коэффициент поднялся примерно в 2,5 раза, «прыгнув» до невероятной величины — 71,6‰, естественный прирост дал отрицательный результат — 36,9‰. Наиболее пострадали от голода сельские жители; рабочие и служащие в городах имели централизованное карточное снабжение хлебом, обеспечивающее минимальный уровень потребления. В РСФСР ежемесячное число смертей в сентябре 1932 г. — феврале

1933 г. в городах составило 41,8 тыс., в деревнях — 114,2 тыс., с марта по август 1933 г. — соответственно 77,5 и 223,8 тыс., с сентября 1933 г. по февраль 1934 г. — 48,9 и 127,8 тыс. Детская смертность в 1933 г. поднялась до 317‰ и в 1,7 раза превзошла уровень конца 20-х годов ⁴. Определить точное количество смертей в 30-х гг. и в момент ее высшего подъема (1932—1933 гг.) источники не позволяют вследствие плохой регистрации их (как и рождений), особенно в сельской местности. По расчетам современных демографов, в 1930—1933 гг. по стране недоучет составлял по смертности 93,5%, а по рождаемости — 41,5% ⁵.

Население Сибири, хотя и в меньшей степени, но также пострадало от голода. Специфика края состояла в том, что голод здесь разразился раньше, уже в 1931 — первой половине 1932 г., и носил очаговый характер, поразил в основном юго-западные районы края, пострадавшие от неурожая, а также территории водворения спецпереселенцев. Неурожай 1931 г. (средняя урожайность по западным районам едва достигала 4,5 ц/га) вызвал во многих районах в 1932 г. нехватку продовольствия, а кое-где и голод. Вот лишь некоторые факты, свидетельствующие об этом. В сводке Сибкрайисполкома за январь 1932 г. сообщалось, что «в отдельных районах свыше 50% колхозов уже сейчас не имеют совершенно продовольственного хлеба». В Барабинском, Ново-Омском, Чистюньском районах колхозники в массовом порядке резали лошадей — «своих и краденых у соседних колхозов и единоличников». По данным 12 районов за 2 месяца зарегистрировано распределение на продовольствие семенных фондов в 96 колхозах ⁶.

Член ЦКК ВКП(б) В.Г.Фейгин писал 9 апреля 1932 г. Г.К.Орджоникидзе о резком сокращении скота и голоде в селах Барабинского района Западно-Сибирского края (здесь только 20—30% колхозников сохранили коров): «Настроение чрезвычайно скверное. В связи с голодом и с тем, что изымают последних коров по контракта-

Альтернативы и последствия "раскулачивания"

ции — в итоге ничего колхозник не имеет: ни хлеба, ни молока... Люди голодают, питаются суррогатами, обессиливают и естественно настроение при этих условиях далеко не доброжелательное. Такого настроения, какое сейчас в деревне в связи с голодом и изыманием последней коровы и последних овец по контрактации, я давно уже не видел» ⁷. И это произошло в Барабе — жемчужине сибирского маслоделия, дававшей в лучшие годы до коллективизации около 40% наиболее качественного экспортного масла страны.

Жестоко пострадали казахи, бежавшие из-за массового голода в «приграничные» районы Сибири: здесь наблюдались массовые случаи употребления в пищу суррогатов, «падали», голодных смертей, нищенства и т.п. По официальным данным, в Западной Сибири в 1933 г. умерло около 220 тыс.чел. (примерно в 1,5 раза больше, чем в 1928 г.). Эти официальные данные были преуменьшены не менее чем в 1,5 раза. Родилось в этом году лишь 294 тыс.чел. (примерно на 1,3 раза меньше, чем в 1928 г.). Особенностью края явилось и то, что наибольшая смертность поразила городское население (в основных «голодающих» регионах наиболее пострадало сельское население). В городских поселениях также наибольшая смертность наблюдалась среди мигрантов (беженцев) из села: разоренные коллективизацией, неустроенные в городе (они ютились скученной массой на вокзалах, в бараках, землянках), в лучшем случае занятые на малооплачиваемой тяжелой физической работе, эти новые горожане являлись жертвой голода и эпидемий. Всего умерло в городских поселениях Западной Сибири в 1933 г., по официальным данным ЦУНХУ РСФСР, 53,1 тыс.чел. (примерно в 2,8 раза больше, чем в 1928 г.), в том числе от инфекционных заболеваний около 16 тыс. чел. По показателям эпидемических заболеваний край в конце 1933 г. занял «первое место» в РСФСР. Естественный прирост в городах края был в 1933 г. отрицательным и

составлял в Западной Сибири — 9,3 тыс., в Восточной Сибири — 7,5 тыс. Коэффициент смертности с 1928 по 1933 г. возрос в городах примерно с 21 до 35—408‰⁸, причем детская смертность достигала 218‰⁸.

Уровень смертности значительно различался среди населения разных территорий и социальных групп. Наибольший жизненный урон претерпели депортированные «кулаки». «Раскулачивание» и выселение с прежних мест жительства в необжитые районы оценивалось властными структурами в годы осуществления этих «операций» (как и позднее советской историографией вплоть до конца 80-х годов) как «трудовое перевоспитание кулачества». В действительности же, как это показали публикации новых ранее засекреченных документальных материалов и появление на их основе ряда исторических сочинений, — это была насильственная, глубоко антигуманная, по сути дела, варварская акция по «ликвидации потенциальных врагов» режима и получению почти даровой «рабсилы» для разработки природных богатств в труднодоступной местности и создания (на основе тяжелого низкоквалифицированного ручного труда) заводов-гигантов, крупных лесозаготовительных и горнодобывающих предприятий и сети железнодорожных и автомобильных дорог. Об этом свидетельствует вся трагическая история организации выселения крестьян, объявленных кулаками, хозяйственного и бытового устройства спецпереселенцев, регламентация их трудовой деятельности и жизнеобеспечения, правовая дискриминация и нравственное унижение.

Вследствие плохого обеспечения имуществом, продовольствием, хозяйственной неустроенности и тяжелых условий жизни на местах депортации катастрофических размеров достигла смертность, резко упала рождаемость, так, данным Сиблага ОГПУ, с июня 1931 г. по июнь 1932 г. в Нарыме у спецпереселенцев родилось 3841 детей (1,6%), умерло 25213 (11,7%). Особенно велика была

Альтернативы и последствия "раскулачивания"

смертность в первые месяцы после вселения, а также детская смертность: с июня по сентябрь 1931 г. ежемесячно умирало свыше 3,5 тыс.чел., среди умерших дети до 1 года составляли 14%, а в отдельных комендатурах значительно больше: в Анжерской — 43,5%, в Прокопьевской — 34% и т.д.⁹ Правовая, социальная и экономическая дискриминация кулаков, рассмотрение их властями лишь как дешевой и быстро восполняемой «рабсилы» вела к физической гибели этого слоя.

Последствия глубокого демографического кризиса ощущались длительное время. Лишь к концу 30-х гг. рождаемость, смертность и естественный прирост стали приближаться к уровню конца 20-х гг. Хотя Сибирь и несколько меньше пострадала от голода, чем основные «голодающие регионы», демографические и социально-экономические последствия насильственной коллективизации и «раскулачивания» были и здесь весьма губительны: разруха сельскохозяйственного производства не была полностью преодолена даже к началу 40-х гг.: (поголовье скота было восстановлено только к концу 50-х гг.), крестьянство как класс самостоятельных производителей было ликвидировано — «преобразовано» в колхозное крестьянство, значительная его часть, состоящая из наиболее старательных, смекалистых, трудолюбивых и жизнеспособных, погибла в ссылке и лагерях, а при правильной политике она могла бы служить опорой властей в решении продовольственной проблемы и проведении социальных преобразований в деревне.

Примечания

Введение

1. О тематике и характере исследований конца 20-х — первой половины 80-х годов, лежащих в русле официальной парадигмы, см.: Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е — середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С.3—28.

2. См.: Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1932 гг. М., 1989; Из истории раскулачивания в Карелии. 1930—1931 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. Новосибирск, 1992; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 года. Новосибирск, 1993; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. Новосибирск, 1994; и др.

3. Данилов В.П., Ивницкий Н.А. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют...; Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5; Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2; Кульчицкий С.В. Некоторые проблемы истории сплошной коллективизации на Украине // История СССР. 1989. № 5. С.20—36; Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД/МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11; Он же. ГУЛАГ. (Историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6; Он же. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10; Он же. Судьба «кулацкой ссылки» (1930—1954 гг.). Отечественная история. 1994. № 1; Он же. Спецпоселенцы (1930—1959 гг.) // Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции. М.,

1994; Дугин Г.Н. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа // Социально-политические науки. 1990. № 7; Он же. Сталинизм: легенды и мифы // Слово. 1990. № 7; Тепцов Н.В. Правда о раскулачивании // Кентавр. 1992. № 3—4; и др.

4. Гущин Н.Я. Коллективизация в Сибири (некоторые проблемы и уроки) // Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность. Новосибирск, 1991; Красильников С.А. «...Свободный труд свободно собравшихся людей» // ЭКО. 1991. № 8; Галкин Н.В. Раскулачивание в Кузбассе. Обзор рассекреченных документов // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993; Демашкин В.А. ОГПУ и коллективизация в Сибири // Там же; и др.

Глава 1

1. Сахаров А.Н. Отечественная историография: западные оценки и наша реальность // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С.744—745.

2. Горюшкин Л.М. Общее и особенное в аграрном развитии Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. Новосибирск, 1988. С.28.

3. Он же. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976. С.135—136.

4. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С.356.

5. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С.195, 241.

6. Там же. С.240.

7. Народное хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1956. С.98.

8. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня... С.175.

9. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири... С.211.

10. Там же. С.177; Бауфал А.М., Горюшкин Л.М., Золототрубов В.С., и др. Материалы переписи 1916 года

Примечания

по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969.

11. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1983. С.15—20.

13. Яровой И.В. Экономическое расслоение деревни и характеристика основных групп крестьянства Сибири. Новониколаевск, 1924. С.31; Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С.109.

14. На 1920 г.: групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года (по губерниям и районам). М., 1926. С.42, 46, 162, 166, 193, 194, 253, 254; на 1917 г.: ГАНО, ф.1328, оп.1, д.128, л.24, 26, 42, 46, 78, 79 (итоги переписи 1917 г. в губерниях Сибири в границах 1920 г.).

15. Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. М., 1926. С.82.

16. Народное хозяйство СССР... С.98; Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920 г. М., 1976. С.222, 226, 227.

17. Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т.2. С.109.

18. Рассчитано по: Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Вып.1: Сельское хозяйство. Новосибирск, 1927. С.165.

19. См.: Гуцин Н.Я. Развитие сельскохозяйственного производства в Сибири. (1920—1927 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977. С.76, 93, 96.

20. Жизнь Сибири. 1922. № 2. С.105. 21. Крестьянство Сибири в период строительства социализма... С.73, 104; Гуцин Н.Я. Сибирская деревня в период строительства социализма. Новосибирск, 1973. С.61.

22. Сельское хозяйство СССР. 1925—1928: Сб. стат. сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. С.154—155, 160—161; Гуцин Н.Я. Сибирская деревня... С.85—86.

23. Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. М., 1930. С.10—13; ГАНО, 1.12, оп.1, д.1853, л.54—56.
24. Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С.14; Жизнь Сибири. 1927. № 3—4. С.65; Социалистическое строительство в СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С.116—117.
25. Сибирский край... С.300—303, 312—313, 510—512; Сельское хозяйство СССР... С.154—155, 294—295, 324—325; Жизнь Сибири. 1929. № 7—8. Приложение. С.V—VI.
26. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т.23. М., 1929. С.2—3, 59, 61—63.
27. См.: Отчет Сибирского краевого комитета ВКП(б). К IV краевой партконференции. Новосибирск, 1929. С.48; Каврайский В., Нусинов И. Классы и классовые отношения в современной советской деревне. Новосибирск, 1929. С.25; и др.
28. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами: Стат. сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927—1930 гг. 2-е изд. М., 1931. С.100.
29. Сибирский край... С.226—228.
30. Большевик. 1927. № 21. С.89.
31. Сельское хозяйство СССР. 1925—1928. С.98—99; Статистика Сибири. Вып.1. Новосибирск, 1930. С.23—24.
32. Гущин Н.Я. Сибирская деревня... С.143—144. 33. Сибирский край... С.212—213, 226—229, 235, 249—251, 254—256.
34. Там же. С.228—229, 416—417; Труд в СССР: Справочник. 1926—1930. М., 1930. С.2, 75.
35. Бюджеты крестьян Сибирского края в 1925/26 году. Новосибирск, 1930. С.ХХV, ХХХVП; ГАНО, ф.12, оп.1, д.1853, л.47; Сибирский край... С.249—258.
36. Сибирский край... С.212—213, 226—229, 235, 249—251, 254—256.
37. Известия. 1925. 22 марта.
38. Советская Сибирь. 1925. 6 февр.

Примечания

39. Первый краевой съезд Советов Сибири (3—9 декабря 1925 г.): стенографический отчет. Новосибирск, 1993. С.160.
40. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.38. С.197.
41. Сибирский край. С.226—227, 249; Каврайский В., Нусинов И. Классовое расслоение сибирской деревни. Новосибирск, 1927. С.52.
42. Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. 1921—1925. Томск, 1978. С.100—101.
43. Там же. С.88—89, 92, 102, 106; Бюджеты крестьян Сибирского края в 1925/26 году. Новосибирск, 1930. С.ХІХ—ХХІ, ХХV, ХХХІІІ, ХХХVІІ.
44. Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Вып.2. Новосибирск, 1930. С.34; Каврайский В., Нусинов И. Классовая борьба в деревне. Новосибирск, 1929. С.126.
45. Гущин Н.Я. Сибирская деревня... С.138.
46. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С.72—73.
47. См.: Иванченко Н.В. Сельские предприниматели Алтая в пореформенное время // Предпринимательство на Алтае. ХVІІІ в. —1920-е годы. Барнаул, 1993. С.44.
48. Каврайский В., Нусинов И. Классовая борьба в деревне... С.45—48.
49. Расслоение иркутской деревни. Иркутск, 1927. С.35—36.
50. Боженко Л.И. Сибирская деревня... С.109.
51. Красноярский округ. Вознесенский сельсовет Красноярского района (итоги обследования). Новосибирск, 1927. С.7—8; Гущин Н.Я. Сибирская деревня... С.148.
52. Каврайский В., Нусинов И. Классовая борьба в деревне... С.26.
53. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР. С.69.
54. Отечественная история. 1994. № 4—5. С.51.
55. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С.14.
56. Отечественная история. 1993. № 2. С.10.
57. Великий незнакомец... С.16—17.

58. Отечественная история. 1993. № 2. С.4.
59. Великий незнакомец... С.138—139.
60. Отечественная история. 1993. № 2. С.6.
61. Горюшкин Л.М. Общее и особенное в аграрном развитии Сибири... С.28.

Глава II.

1. Жизнь Сибири. 1929. № 7—8. Прил., с.VII; Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С.648—649; Отчет о работе Сибирского краевого комитета ВКП(б). (К V краевой партийной конференции). Новосибирск, 1930. С.74—75.
2. Отчет о работе Сибирского краевого комитета ВКП(б). С.75; ГАНО, ф.12, оп.1, д.1853, л.56—57.
3. Коллективизация сельского хозяйства: Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935. М., 1957. С.97.
4. Там же. С.99.
5. Коллективизация сельского хозяйства... С.65.
6. Там же. С.103—104.
7. Там же. С.127—130.
8. Известия. 1929. 16 июля.
9. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С.171.
10. СЗ СССР. 1928. № 24. Ст.212.
11. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1932 гг. М., 1989. С.221—222.
12. Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск, 1966. С.468—469.
13. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня... С.172—173.
14. Там же. С.174.
15. Гласность. Еженедельное приложение к журналу «Известия ЦК КПСС». 1990. 12 июля.
16. Документы свидетельствуют... С.170; ГАНО, ф.2-П, оп.2, д.479, л.7об.

Примечания

17. Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства СССР // История СССР. 1990. № 5. С.21.
18. Сталин И.В. Соч. Т.11. С.4, 11.
19. ГАНО, ф.2-П, оп.2, д.217, л.237—238.
20. Сталин И.В. Соч. Т.11. С.7.
21. Гущин Н.Я. Сибирская деревня... С.186.
22. ГАНО, ф.2-П, оп.2, д.217, л.738; д.279, л.6.
23. Сталин И.В. Соч. Т.11. С.2.
24. Документы свидетельствуют... С.101—102.
25. ГАНО, ф.2-П, оп.2, д.217, л.744—745.
26. Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е — середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С.175—176.
27. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927—1937 гг.): Документы и материалы. Томск, 1972. С.37.
28. На ленинском пути. 1928. № 15—16. С.7; Сибирский край. С.508—509.
29. Егорова Л.П. К вопросу о контрреволюционной деятельности кулачества в Западной Сибири в 1928—1929 гг. // Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС ТГУ. Томск, 1974. Вып.11. С.99.
30. ГАНО, ф.2-П, оп.1, д.2700, л.4.
31. Там же, оп.2, д.378, л.23.
32. Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1929. № 11. С.5; ГАНО, ф.2-П, оп.2, д.422, л.18, 45.
33. ГАНО, ф.2-П, оп.2, д.422, л.18.
34. Краткий отчет краевого суда и краевой прокуратуры. Сентябрь 1929 г. — май 1930 г. Новосибирск, 1930. С.15.
35. Гущин Н.Я. Сибирская деревня... С.192.
36. Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба... С.180.
37. Там же. С.181—183.
38. Известия. 1929. 29 июля.
39. ГАНО, ф.12, оп.1, д.1793, л.9.
40. Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба... С.185, 187.

41. Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства... С.12, 17.
42. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1983. С.224, 226.
43. Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства... С.17.
44. Иванова М.А. «Новый курс» в деревне и сельскохозяйственная кооперация // Проблемы истории, теории и практики кооперативного движения в России. Тюмень, 1992. С.69.
45. Решение ЦК об Иркутской организации. Иркутск, 1928; Справочник партработника. Вып.7. Ч.1. М., 1930. С.314.
46. Партия о кооперации. Постановления и резолюции ВКП(б). М., 1931. С.50.
47. РГАЭ, ф.3983, оп.3, д.454, л.85; ГАНО, ф.299, оп.1, д.812, л.31.
48. Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923—1927: Документы и материалы. М., 1991. С.289.
49. Коллективизация сельского хозяйства... С.186.
50. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами: Стат. сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927—1929 гг. 2-е изд. М., 1931. С.77.
51. Крестьянство Сибири... С.226.
52. Колхозы Сибири. Новосибирск, 1929. С.44, 56—57, 65, 85.
53. Сдвиги в сельском хозяйстве... С.22, 23, 25.
54. Гушин Н.Я. Сибирская деревня... С.230—232.
55. Статистика Сибири. Вып.3. Новосибирск, 1930. С.1.
56. Справочник партийного работника. Вып.7. Ч.2. М., 1930. С.114.
57. Итоги IV Сибирской краевой партийной конференции. Новосибирск, 1929. С.42.
58. ГАНО, ф.2-П, оп.2, д.366, л.153.
59. Там же, л.171.
60. Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1928. № 7—8. С.1—2.
61. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири... С.84—87.

Примечания

62. Основные итоги партийно-политической и хозяйственной работы Иркутской окружной партийной организации. Иркутск, 1929. С.6.

63. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ. соч. С.189—190.

64. Сдвиги в сельском хозяйстве... С.71, 73, 75, 79, 85.

65. Статистика Сибири. Вып.2. Новосибирск, 1930. С.17.

Глава III.

1. Сталин И.В. Соч. Т.12. С.231—232.

2. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С.282—294.

3. Там же. С.296.

4. ГАНО, ф.3-П, оп.2, д.41, л.158.

5. Сталин И.В. Соч. Т.12. С.198.

6. ГАНО, ф.47, оп.5, д.54, л.249, 251, 254.

7. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в годы коллективизации. 1927—1932. М., 1989. С.32.

8. ГАНО, ф.3-П, оп.2, д.105, л.76.

9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т.5. С.164.

10. Документы свидетельствуют... — С.37.

11. Сталин И.В. Соч. Т.12. С.191, 199.

12. ГАНО, ф.2-П, оп.2, д.459, л.20.

13. Документы свидетельствуют... С.35.

14. ГАНО, ф.2-П, оп.2, д.465, л.101.

15. Социалистическое строительство в СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С.542.

16. Сталин И.В. Соч. Т.12. С.122.

17. Там же. С.270, 275—276.

18. Лацис О. Проблемы темпов в социалистическом строительстве // Коммунист. 1987. № 18. С.82—84.

19. Известия. 1930. 3 марта.

20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.22. С.523.

21. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.745. С.44—45.

22. Там же. Т.38. С.19.

23. Сталин И.В. Соч. Т.12. С.179, 181.
24. Известия. 1929. 29 июня.
25. Известия ЦК ВКП(б). 1929. № 22. С.23.
26. Документы свидетельствуют... С.25.
27. СУ РСФСР. 1929. № 72. Ст.705.
28. Документы свидетельствуют... С.29.
29. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927—1937 гг.): Документы и материалы. Томск, 1972. С.110—111.
30. Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск, 1966. С.458.
31. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е — середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С.220.
32. Сталин И.В. Соч. Т.12. С.170.
33. Собрание законов. 1930. № 9. Ст.105.
34. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С.22.
35. Демешкин В.А. ОГПУ и коллективизация в Сибири // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири. Красноярск, 1993. С.206.
36. ГАНО, ф.3-П, оп.2, д.40, л.1—8.
37. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири... С.135—138.
38. См.: Документы свидетельствуют... С.28.
39. ГАНО, ф.3-П, оп.2, д.105, л.215.
40. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ. соч. С.227, 231; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С.120.
41. ГАНО, ф.3-П, оп.2, д.196, л.212—213.
42. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ.соч. С.229.
43. КПСС в резолюциях... Т.5. С.102.
44. ГАНО, ф.3-П, оп.2, д.105, л.62—63.
45. Там же, л.169—172; ф.18, оп.1, д.1520, л.24.
46. Документы свидетельствуют... С.264—265.
47. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня... С.293—294.

Примечания

48. ГАНО, ф.3-П, оп.2, д.105, л.213.
49. Там же, ф.2-П, оп.2, д.464, л.137—138.
50. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С.10.
51. Там же. С.85.
52. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири... С.137.
53. ГАНО, ф.47, оп.4, д.263, л.263.
54. Там же, ф.3-П, оп.2, д.105, л.74. 5
5. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С.15.
56. Там же. С.56, 241, 279.
57. Там же. С.57.
58. Неизвестная Россия.
59. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С.193.
60. ГАНО, ф.47, оп.4, д.315, л.175.
61. Там же, ф.3-П, оп.2, д.247. л.205.
62. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С.103—104.
63. Там же. С.106.
64. Там же. С.191.
65. За советскую науку. 1989. 15 июня.
66. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. С.217—218, 236—237.
67. Там же. С.15.

Глава IV.

1. ГАНО, ф.47, оп.1, д.782, л.2—3.
2. Там же, ф.59-П, оп.1, д.7, л.50—51.
3. ГАИО, ф.123-П, оп.17, д.28, л.105—106.
4. ГАНО, ф.3-П, оп.3, д.73, л.96—97.
5. Там же, д.423, л.662—663.
6. Там же, л.664—665.
7. Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е — середина 30-х гг. Новосибирск, 1987. С.243.

8. Отчет Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета второму краевому съезду Советов. Новосибирск, 1934. С.173.
9. Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С.306.
10. ГАНО, ф.3-П, оп.2, д.41, л.46.
11. Крестьянство в период строительства социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1983. С.266.
12. ГАНО, ф.3-П, оп.2, д.246, л.15; ф.47, оп.4, д.267, л.26.
13. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 года. Новосибирск, 1933. С.35—36.
14. Там же. С.309.
15. Там же. С.94—101.
16. Там же. С.99—100.
17. Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929—1932 гг.). М., 1966. С.176.
18. Гущин Н.Я. Сибирская деревня... С.438—439.
19. ГАНО, ф.47, оп.4, д.300, л.179.
20. Спецпереселенцы в Западной Сибири... С.288—289.
21. Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Указ.соч. С.247
22. ГАНО, ф.3-П, оп.1, д.7, л.51—52.
23. Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Указ.соч. С.247.
24. Спецпереселенцы в Западной Сибири... С.146, 320.
25. Там же. С.47, 314.
26. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930—1959 гг.) // Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1954. С.147—148.
27. Спецпереселенцы в Западной Сибири... С.287—289.
28. Гущин Н.Я. Сибирская деревня... С.440—441.
29. История коллективизации сельского хозяйства Восточной Сибири (1927—1937 гг.): Документы и материалы. Иркутск, 1979. С.162—163.
30. ГАИО, ф.123-П, оп.2, д.520, л.29. 31. Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск, 1966. С.480.

Примечания

32. Там же. С.164.
33. Земсков В.Н. Спецпоселенцы... С.147—149.
34. Там же. С.146. 3
5. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в годы коллективизации. 1927—1932. М., 1989. С.46—47.
36. ГАНО, ф.3-П, оп.2, д.105, л.194, 226; д.247, л.28—29, 208—210.
37. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938. Новосибирск, 1994. С.188—191, 287—288.
38. ГАНО, ф.47, оп.5, д.137, л.80.
39. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С.46—47.
40. История советского крестьянства. Т.2. М., 19... С.225.
41. Мошков Ю.А. Указ. соч. С.176.
42. Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С.344.
43. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня... С.319.
44. ГАНО, ф.3-П, оп.2, д.362, л.1.
45. История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири... С.180, 182, 190, 204.
46. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ.соч. С.254.
47. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня... С.443.
48. Там же. С.443.
49. ГАНО, ф.47, оп.5, д.193, л.2, 3, 60, 61об.
50. Там же, л.6.
51. Куперт Ю.В. Руководство Коммунистической партии общественно-политической жизнью западносибирской деревни в условиях социалистической реконструкции (1926—1937 гг.). Томск, 1982. С.375.
52. ГАТО, ф.588, оп.1, д.133, л.49, 51, 53.
53. ГАНО, ф.3-П, оп.2, д.380, л.296; д.442, л.146—147.
54. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ.соч. С.261.
55. ГАИО, ф.123-П, оп.17, д.5, л.32.
56. ГАНО, ф.3-П, оп.6, д.68, л.3—5.
57. Яковлев Я.А. Вопросы организации социалистического сельского хозяйства. М., 1936. С.69.

58. ГАНО, ф.47, оп.5, д.193, л.2, 62. 59. Гущин Н.Я. Коллективизация в Сибири (некоторые проблемы и уроки) // Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность. Новосибирск, 1991. С.91—92.

60. ГАНО, ф.3-П, оп.9, д.954, л.167.

61. Там же, ф.47, оп.5, д.227, л.81. 62. Гущин Н.Я. Сибирская деревня... С.444. 63. ГАНО, ф.47, оп.5, д.227, л.50об. 64. Документы свидетельствуют... С.483. 65. ГАИО, ф.123-П, оп.15, д.22, л.46. 66. РГАЭ, ф.8372, оп.42, д.2, л.275. 67. Сельская правда. 1935. 14 июля. 68. Социалистическое земледелие Западной Сибири. 1933. № 4. С.31—39; 1934. № 1. С.27—28; Сельская правда. 1934. 4 авг., 2 окт.

Заключение

1. Сталин И.В. Соч. Т.12. С.171.

2. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С.16—17.

3. Отечественная история. 1994. № 6. С.262.

4. Население Советского Союза. 1922—1991. М., 1993. С.42, 48, 57.

5. Там же. С.44.

6. ГАНО, ф.47, оп.4, д.307, л.261.

7. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1932 гг. М., 1989. С.470—471.

8. РГАЭ, ф.1562, оп.329, д.107; ГАНО, ф.11, оп.2, д.42, л.11об; Исупов В.А. Демографические последствия голода 1932—1933 гг. в Западной Сибири // Демографическое развитие Сибири. 30—80-е гг. С.8—10.

VI ГЛАВА

Социально-экономические и демографические последствия «раскулачивания»

«Высшей» социально-экономической целью сталинским руководством при переходе к сплошной коллективизации и «раскулачиванию» была провозглашена ликвидация мелкотоварного крестьянского хозяйства и создание обобщественного сельскохозяйственного производства. Исходным тезисом этой парадигмы служило представление о том, что к концу 20-х годов мелкотоварное крестьянское хозяйство полностью себя исчерпало и не способно осуществлять не только расширенное, но и во многих случаях даже простое воспроизводство. Это «теоретическое» новое открытие сделал Сталин в декабре 1929 г. в речи на конференции аграрников-марксистов: «Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно очень редко имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли двигать дальше ускоренными темпами нашу социализированную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя».

В то же время утверждалось, что колхозы и совхозы, проявляющие «чудеса роста», оказались якобы способны не только в кратчайший срок заменить «кулацкое» производство хлеба, но и обеспечить общий подъем сельскохозяйственного производства на основе модернизации как аграрного, так и индустриального секторов народного хозяйства. Это были ни в какой мере не научно обоснованные планы, а лозунги-призывы, директивы, исходящие из неверного доктринерского постулата, что проле-

тарское государство, как решающее орудие, способно и должно «строить» новые производственные отношения, не считаясь с объективными экономическими законами.

Таблица 1
Экономическая характеристика крестьянских хозяйств Сибирского края в 1927 г., % *

Социальные группы	Хозяйств в группе	Основные средства в производстве	Посев	Количество дней найма рабочих силы	Количество дней отпуска рабочей силы **	Арендованная пашня	Сданная в аренду пашня	Уплачено за нанятые средства производства	Получено за сданные средства производства	Товарная продукция зерновых
Батраки	9,8	1,8	2,5	1,2	68,4	3,5	24,5	7,5	0,8	—
Бедняки	20,4	6,8	9,1	2,4	10,8	6,6	35,3	16,7	3,6	3,8
Средняки	63,1	72,5	73,2	36,2	20,0	62,2	37,5	65,9	64,2	74,0
Кулаки	6,7	18,9	15,2	60,2	0,8	27,7	2,7	9,9	31,4	22,2

* Составлено по: Сибирский край... — С.212—213, 226—227, 235, 246—247, 255; Каврайский В., Нусинов И. Классы и классовые отношения... — С.104.

** Данные по Южной Сибири.

Таблица 2
Численность и состав лишенных избирательных прав в Сибирском крае *

Год	Всего лишенных избирательных прав	По категориям							прочие
		лица, прибегающие к наемному труду в целях извлечения прибыли	лица, живущие на нетрудовые доходы	частные торгавцы и посредники	служители религиозных культов и монахи	бывшие агенты полиции, жандармерии и т.п.	осужденные по суду	члены семей от 18 лет, находящиеся на иждивении лиц, лишенных избирательных прав	
1929									
тыс.	165,9	26,9	6,9	11,4	8,2	5,4	8,8	92,9	5,4
%	4,3	16,2	4,2	6,9	4,9	3,2	5,3	56,6	3,3
1927									
тыс.	102,4	14,6	4,4	15,1	7,1	6,5	10,3	38,7	5,6
%	2,9	14,3	4,3	14,7	7,0	6,4	10,1	37,7	5,5

Каврайский В., Хамармер П. Уроки классовой борьбы... — С.105 (данные по 5726 сельсоветам из 5736).

Таблица 3

Итоги раскулачивания в Сибирском крае на середину 1930 г. *

Округ	Кол-во выяв- ленных кулац- ких хозяйств	Фактически раскулачено хозяйств						Бежало кулаков	
		всего	по пяти- кратно- му обло- жению	по судеб- ным реше- ниям	по поста- новлению ЦИК и СНК СССР от 1/II 1930 г.	само- ликви- дирова- лось	по другим причи- нам	с семьями	без семей
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Омский	12170	8430	1893	2316	2747	942	532	635	929
Славогородский	4876	4731	897	1232	1236	1206	160	801	515
Барабинский	4732	3584	1103	672	1529	280	—	41	202
Новосибирс- кий	5691	4768	545	364	2587	169	1103	365	415
Каменский	4433	3357	697	299	1212	270	879	357	452
Барнаульский	7507	6370	1105	1364	2908	368	625	591	745

Продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бийский	8300	5594	1978	395	3085	85	51	39	63
Рубцовский	5204	5017	2645	185	2102	85	—	117	243
Томский	2961	984	172	408	310	72	22	79	300
Кузнецкий	2097	2357	1483	197	569	106	—	196	360
Ачинский	3082	2804	974	524	905	88	313	183	29
Минусинский	3675	2889	796	797	1168	128	—	71	162
Хакасский	854	848	—	459	389	—	—	1	11
Красноярский	2053	1507	99	100	1274	29	5	29	69
Канский	3175	2573	172	173	2156	72	—	55	150
Иркутский	4739	2279	59	976	1138	106	—	56	244
Ойротская авт.обл.	785	1146	88	167	886	—	5	13	35
Итого	76334	59238	14706	10628	26201	4008	3695	3629	4923

* Крестьянство Сибири в период строительства социализма. — С.261; ГАНО, ф.3-П, оП72, д7105, л.245.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Предисловие	6
Введение	8
Глава I.	
Социальное расслоение сибирской деревни в условиях нэпа. Социальная природа и экономические позиции крупного крестья- нина — кулака	11
Глава II.	
Государственная политика наступления на зажиточное крестьянство в 1928—1929 гг., ее социальные и экономические последствия	44
Глава III.	
Переход к массовой коллективизации и политике «ликвидации кулачества как клас- са». Конец 1929 — 1930 г.	80
Глава IV.	
«Раскулачивание» в 1931—1934 гг.	108
Заключение.	
«Раскулачивание» в Сибири: альтерна- тивы, социально-экономические и демогра- фические последствия.	130
Примечания	138
Приложение	152

Гущин Н.Я.

**«Раскулачивание» в Сибири (1928-1934 гг.):
методы, этапы, социально-экономические и
демографические последствия.**

**Редактор Т.М.Бадалян
Компьютерный набор Е.П.Лунегова
Компьютерная верстка В.В.Радченко**

**Издательство «Экор»
ЛР №061655 от 02.10.92
Новосибирск 90, пр-т Ак. Лаврентьева, 17
тел./ф. (383-2) 35-55-49, 35-32-95**

**ГП «Новосибирский полиграфкомбинат».
630007, г. Новосибирск, Красный проспект, 22.**

**Подписано к печати 24 июля 1996 г.
Формат 108х84/1/32. Авт. л. 10.
Тираж 350 экз.
Заказ № 107.**